

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕЛА КГБ

Дела Суперфина,
Эткинда, Хейфеца,
Марамзина
В приложении: документы
о советской цензуре

Под редакцией В. Чалидзе

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк 1976

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕЛА КГБ

Дела Суперфина,
Эткинда, Хейфеца,
Марамзина
В приложении: документы
о советской цензуре

Под редакцией В. Чалидзе

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк 1976

THE KGB vs. SOVIET WRITERS

Edited by Valery Chalidze

Copyright © 1976 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y., 10018

Manufactured in the USA

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уже хрестоматийными стали факты преследований Синявского, Даниэля, Мороза, Солженицына. Достаточно широко известно и о различных притеснениях, которым подверглись писатели Чуковская, Войнович, Максимов, Галич, Некрасов и многие другие. Известно также о жестоких репрессиях против свободомыслящих писателей на Украине. В Грузии теперь под угрозой преследований — Звиад Гамсахурдиа, издающий в Самиздате литературный журнал "Золотое Руно". Давно и систематически преследуются самиздатские журналисты — издатели "Хроники текущих событий".

О многих подобных фактах читатель может узнать из московской "Хроники текущих событий"; из издающейся в Нью-Йорке "Хроники защиты прав в СССР" и из других источников.

В этом небольшом сборнике — материалы лишь четырех дел: три из них — судебные, два из них закончились жестоким приговором. Литературоведы Суперфин и Эткин, писатели Хейфец и Марамзин — люди разные по возрасту, по характеру творческих интересов, по сделанному вкладу в культуру, но одинаковые в одном: в том, что осмелились именно *свободное слово* считать общечеловеческим достоянием, а не словом, проверенное цензором.

Материалы сборника — это не только документы о судьбе этих четырех, это еще одно очень выразительное свидетельство о нынешнем положении интеллигенции в СССР. И лицемерие суда, которому Суперфин вынужден был объяснять, что в СССР цензура существует, и верноподданическая фразеология адвоката, который спорит не об обвинении, а лишь о степени раскаяния Хейфеца, и жуткая, 40-х годов атмосфера на Ученом совете при обсуждении Эткина, и показания свидетеля, который боялся, что ему *попадет за чтение* "такой статьи", — все это пугающие, хотя и привычные черты современной жизни.

В приложении к сборнику — документы о советской цензуре. Я собрал здесь все, что удалось достать из современных документов. Там же несколько старых документов о Главлите; они достаточно характерны и вряд ли сильно по духу отличаются от современных, нам не известных актов.

В. Чалидзе

СОДЕРЖАНИЕ

Дело Суперфина	1
Дело Эткинда	23
Дело Хейфеца	39
Дело Марамзина	73
Документы о советской цензуре	141

ДЕЛО СУПЕРФИНА

СУД НАД СУПЕРФИНОМ

Рассказ очевидца

Увидели сразу место, где должен был быть суд, потому что толпа гэбэшников стояла, милиционеры. Это должно было быть на третьем этаже, областной суд, между вторым и третьим стояли милиционеры и гэбэшники. Мы спокойно пошли, нас спокойно остановили и спросили, куда. Мы сказали: "Областной суд. Дело слушать". "Нет, суд не работает сегодня". Они стали врать, мы их стали уличать, они стали говорить: "Нас начальство поставило, мы ничего не можем ответить, сказали только так отвечать". Я говорю: "Позовите начальство", начальство не зовут. Потом сказали: "Успокойтесь, подождите", а потом мы как-то интуитивно бросились к другой лестнице, к другому концу, и через некоторое время появился конвой вооруженный, который стал нас сгонять, из чего мы поняли, что ведут Гарика [Суперфина], и не ушли. Я сказала, что не уйду никуда, села прямо на лестнице на стул, конвоир стал меня сдергивать прямо за руку, он говорил: "Не заставляйте меня применять силу", а я сказала: "Не применяйте силу, я никуда отсюда не уйду". Тут появился Гарик в наручниках сзади, примерно десять конвоиров шло впереди и сзади, вели особо опасного государственного преступника, это было видно издали. Он нас увидел, улыбнулся, мы ему помахали, мы -- Татка, Ольга Рожанская и я -- стали ему жаловаться, что нас не пускают. Ну, и его провели.

Мы пошли опять собачиться с ними, они сказали подождать, а потом через некоторое время спустился гэбэшник и говорит: "Слоним может пройти". Я бросилась, вошла, он увидел, кивнул, я села, зажатая -- наверно, пять сидело гэбэшников вокруг меня, а в зале сидел народ. Еще ничего не началось. Потом объявили, что суд идет. Гарик не вставал; ему сказали, чтоб встал, и он тоже встал. Потом огласили состав суда: пред-

седательствующий Новиков, народные заседатели – Лялин и Сергеева, представитель обвинения – помощник прокурора Орловской области Штейман, он был прокурором. Спросили, нет ли возражений против состава суда у Гарика, и сказали, что у него есть право мотивированного отвода, он сказал, что не воспользуется этим правом, никаких возражений нет. После этого зачитали обвинительное заключение, состоящее из восьми пунктов.

Вступление гласило о том, что он состоял в преступной связи с Якиром, Красиным, Белогородской, Хаустовым, Барабановым, Боннэр. Затем спросили, признает ли он себя виновным. "Нет". Объявили, что 15 марта ему вручили обвинительное заключение, и спросили об оценке его действий. Он заявил, что не может сейчас оценить своих действий, совершенных на свободе, что оценка такая значила бы зачеркнуть большой кусок своей жизни.

Первый пункт обвинения: подписание клеветнического письма протеста в 68 г. (1). Затем в обвинительном заключении было редактирование книги Питера Реддавея, (2) составленной из 1–11 "Хроник"; затем перепечатка, редактирование и передача на Запад машинописного текста "Дневников" Кузнецова (3) через своего единомышленника Барабанова и Боннэр; изготовление, распространение, передача материалов "Хроники"; потом ведение антисоветских разговоров, агитация и пропаганда в разговорах с студентом-заочником Тартуского университета майором Вискимяги(?) по поводу ввода войск в Чехословакию, сравнение оккупации Чехословакии и оккупации Эстонии, разговоры клеветнического характера с Шандром Фодовым о Шолохове и Горьком; распространение статьи Лешека Колаковского "Тезисы о надежде и безнадежности", переданной им для перевода Ладыженскому (от него перевод был получен Гариком в двух экземплярах, передан Шихановичу, а Шихановичем передан Любарскому, о чем есть показания Любарского); разговор с неустановленной студенткой о книге Анатолия Марченко "Мои показания" (4); затем передача материалов для "Вестника" (5) – "современного рупора антисоветизма". А в заключение все расширено, например, о "Хронике" – по номерам, что, какого номера. Хранение антисоветских книг Маркузе и книги Пайпса о Струве.

Дальше идут доказательства. Среди доказательств заявление Барабанова (6), заявление Боннэр (7), показания Гребенщикова (человек, сидевший за написание книги и перебрós ее через забор в посольство, после освобождения встречался с Гариком; в его показаниях есть, что он встречался с человеком, не зная его имени и фамилии, но по описанию – с Гариком, который интересовался его приговором и вообще его делом); показания Хаустова, Фодова, Ладыженского, Жолковской. Идентичность опубликованных "Дневников" Кузнецова на Западе установлена путем сравнения "Дневников", восстановленных Кузнецовым по памяти, с "Дневниками", вышедшими на русском языке во Франции. Дальше – показания Якира, Красна, заключение почерковедческой экспертизы о пометках на кзиге Реддавей.

Дальше Гарику предоставили слово, т.е. был его допрос, спросили, имеет ли он какие-нибудь замечания. Гарик встал, у него толстая тетрадь замечаний и соображений, копия обвинительного заключения, и по каждому пункту он отвечал. Сказал, что "Дневники" Кузнецова – не антисоветский клеветнический пасквиль, а человеческий документ, имеющий литературно-художественную ценность, документ человека, приговоренного к высшей мере наказания. А судья сказал, что это документ человека, приговоренного к определенной мере наказания. Гарик говорит: "К высшей мере наказания". Он говорил, что Кузнецов замечательный, мужественный человек, пожертвовавший собой ради права евреев уезжать в Израиль. Он очень много говорил о каждом пункте. О "Хронике" он говорил, что это не антисоветское, не клеветническое издание, не тенденциозное, и по каждому материалу, который, скажем, он давал, он доказывал, что это не клевета, а что так и было. Скажем, заметка о цензуре. Он говорил, что цензура существует, одну фразу о цензуре он взял из Большой Советской Энциклопедии (8), из статьи о Главлите, отметил, что в 60-х годах цензура признавалась, кроме того, это подтверждается показаниями Лотмана, кроме того, это подтверждается справкой, присланной следствию, о запрещенных книгах. Заметки в "Хронику" о запрещенных фильмах (9) они называли провокационными; Гарик говорит: "Я не понимаю этого. К чему я провоцировал, что я провоцировал? Если я провоцировал к тому, чтобы эти фильмы впоследствии выпустили на экран,

то я очень рад, действительно, потом некоторые из них вышли на экран, например, фильм "Андрей Рублев".

По письму о деле Галанскова. Судья его читал с выражением, что оно клеветническое (1). Вот, не пускали друзей, родных, адвокатов пресекали, прокурору была дана полная свобода. Гарик сказал, что он не должен говорить об этом письме, так как один из участников процесса, Галансков, умер тяжелой смертью в лагере. Тут судья сказал, что и на воле умирают. Гарик: "Точно так же ответил начальник лагеря, однако он умер в лагере, а не на воле, ему было 33 года". Он рассказал кое-что про этот процесс, про это дело, судья тоже кое-что рассказал. Гарик рассказал про записку Галанскова, которую перехватили у Добровольского: "Бери все на себя", тут все не очень чисто. Гарик объяснял, они слушали. Гарик сказал, что действительно были нарушения, не пускали друзей, судили за убеждения, сказал, что сегодня происходит то же самое, показал на дверь, где мы сидели, потом махнул рукой: "Вот как сегодня". Судья: "Что как сегодня?" Гарик не ответил. (Татку с Ольгой пустили лишь часа через два после начала. После того, как они им отказали, они сказали, что идут звонить министру юстиции, даже произнесли фамилию министра, отправили телеграмму Руденко с просьбой пустить их на открытый процесс над Суперфином, я сидела в зале около дверей: заглянул туда милиционер и гэбэшнику говорит: "Звонили в министерство юстиции". После был перерыв, подошел ко мне гэбэшник и говорит: "Вы своим подружкам скажите, чтоб они не записывали, а то мы их выгоним". До этого у меня вырвали блокнот. Я говорю: "Ну а как они писать могут? Они в суде?" Он сказал, что они будут, их пустят. Через некоторое время они появились.)

Гарик сказал, что пометки на книге он делал не по "Хроникам", а у него была картотека и по ней он делал пометки. У него спросили: "Вы что, юрист? Вы же филолог". Он сказал: "Я занимаюсь и филологией, и историей, и самой новейшей историей, поэтому у меня и была картотека". Он сказал, что взял эту книгу без ведома и согласия Красина, просто пришел в дом Якира, взял ее и делал пометки сам по себе, просто так, исправления какие-то на полях, иногда опечатки, предполагал впоследствии написать рецензию. Его спросили: "Вы что, вла-

деете английским языком?” “Нет”. “Вы что, со словарем читали?” Он говорит, что “не читал, а просматривал, поскольку я знаю примерно содержание, я понимал, о чем речь, а потом там слова такие, например, как репрессия, похоже на английский”.

Про “Вестник” он сказал, что это не рупор антисоветизма, а независимый нейтральный журнал, который издает один человек, он издается не на деньги ЦРУ, не на деньги ФБР, никакого отношения к НТС не имеет и носит характер литературного и религиозного журнала. Статьи из него печатаются в московской Патриархии, он связан с московской Патриархией, некоторые авторы упоминаются в советских изданиях, в общем, вполне нейтральный журнал, никакого антисоветизма в нем нету...

Такого-то числа к Гарику зашел Ладыженский из Риги, они знакомы, так как он занимался Пастернаком. “Я подарил нужную ему книгу о Пастернаке, а потом попросил перевести с польского статью Колаковского. Колаковский – крупный философ, жил в Польше до 68 г. Я поступил аморально, попросив Ладыженского перевести эту статью, потому что в этой просьбе содержалось как бы условие, т.е. получалось, что я даю ему книгу, а за это прошу перевести статью. Он взял копию, через некоторое время прислал по почте два экземпляра русского текста. Прочитав первую фразу, я понял, что меня это не интересует, и отдал перевод Шихановичу, так как узнал, что он интересуется всякими бумажками.” Дальше зачитывается на эту статью рецензия старшего преподавателя кафедры иностранных языков Орловского Педагогического института: в статье рассматриваются два способа борьбы с социализмом, один – насильственное свержение, второй – идеологическая диверсия; все-таки Колаковский придерживается второго способа; статья носит явный антисоветский, антисоциалистический характер. Гарик сказал, что статьи не читал, ничего по этому поводу сказать не может. По этому поводу упомянули показания Любарского, подтвердившего показания Гарика. Гарик сказал, что показания Любарского не могли подтвердить его показания, так как показания Любарского были даны за полтора года до ареста его, Гарика.

Потом о “Дневниках” Кузнецова. “Такого-то числа ко мне

домой пришел мой друг Хаустов. При нем был конверт, запечатанный липкой лентой. Хаустов сказал, что он получил этот конверт от Кузнецова, мы вместе его вскрыли. В конверте находилась записка, там было написано: "Виктор, напечатай эти дневники". Я предложил сам снять машинописную копию, сказав, что я сделаю это лучше и грамотней, и подготовить к печати. Мы договорились с Виктором, что я сделаю два экземпляра, один отдам ему, а другой оставляю себе для передачи на Запад. И по частям печатал, сам, где придется, отдавал по частям Виктору. Когда я последнюю порцию отдал Виктору, я сказал ему, что передам это на Запад, что он со своей копией сдлал, я не знаю, и я передал на Запад". Прокурор говорит: "Так Вы утверждаете, что не через Барабанова передали на Запад?" Он говорит: "Нет, не через Барабанова". "А почему же Вы в предварительных показаниях говорили, что передали через Барабанова на Запад и вообще передавали через Барабанова?" Он говорит: "Чтобы переложить ответственность на другого человека". "Но по Вашим показаниям был сделан обыск у Барабанова и найдены "Вестники". Гарик говорит: "Я дал правдоподобные показания по форме, но ложные по сути. Я дал их потому, что незадолго до обыска я подарил Барабанову 97-й и 103-й номера "Вестника" и решил, что если сделают обыск и найдут у него эти "Вестники", то это будет правдоподобно. То, что у него нашли "Вестники", это не доказательство того, что я через него передавал."

О "Хронике" Гарик говорил, что "Хроника", кроме всего прочего, предостерегала людей от некоторых действий. Люди, которые читали "Хронику", могли понять, что такие-то действия караются такой-то статьей, такие-то будут последствия и пр., многих это останавливало, пугало. "Например, в 19-м выпуске были помещены материалы о деле ВСХСОНовцев, 64-я статья и пр., об Огурцове, Вагине и еще о ком-то." (10) Прокурор: "Неважно". Гарик говорит: "Как неважно? Человек все-таки". Вообще реплики у него были очень хорошие, интересные, но их трудно восстановить. Прокурор дальше говорит: "Я не буду называть фамилий, но ведь среди лиц, делавших "Хронику", есть осужденные по ст. 70". Гарик: "Я не знаю, о ком Вы говорите. Назовите фамилии". Прокурор говорит: "Назовите сами фамилии". Гарик: "Не понимаю, о ком Вы говорите, назовите фамилии". Прокурор: "Вот, Вы

говорите, что "Хроника" останавливала совершения преступлений. Якир и Красин, на которых Вы опирались... " "Я не опирался". "... так они были осуждены по ст. 70, а ведь "Хронику" они читали и даже делали". Гарик говорит: "Ну, тут порочный круг, они осуждены по ст. 70 не потому, что читали "Хронику", а за то, что делали ее". Дальше прокурор говорит о "Посеве" (11), в котором печаталась "Хроника". Гарик говорит: "Я "Хроники" в этом издании не читал и не ответствен за то, где она печатается. "Посев" может напечатать "Крокодил", и от этого он не станет антисоветским". Прокурор: "Но Вы понимаете, что опубликование недостатков, о которых пишется в "Хронике", в антисоветской прессе наносит ущерб и вред Советской власти". Гарик: "Я считаю, что сами недостатки наносят больше ущерба, чем опубликование". "В статье о таможенном досмотре Вы пишете всякие ужасы. Вы что, там были, видели?" Суперфин: "Был, знаю. Конечно, в таможенную комнату никого не пускают, но все факты верные. Гинекологический осмотр практикуется." (12) В зале шорох.

Вопрос по письму 68-го года (1): "Со всем ли Вы согласны, что здесь написано?" "Что это значит?" "Ну, здесь написано, что не пускали на суд, оскорбляли, адвокатам не давали говорить и т.д. Вы это лично видели?" Гарик: "Да, все это так и было. Кое-что я видел лично, кое-что рассказывали друзья. Я не сомневаюсь, что все это было. Вот и сегодня " (показывает в нашу сторону).. "Что сегодня?" "Да нет, ничего. И поскольку один умер тяжелой смертью в лагере, я не могу отказаться ни от единого слова этого письма." "Вот Вы сказали в беседе с Элинсон в Тарту, что не со всеми формулировками согласились бы сейчас". Гарик сказал: "Да, я не со всеми согласился бы сейчас, но сейчас я вообще не хочу этого обсуждать, отказываться от этого письма целиком не хочу". Адвокат спросил: "Что Вы сказали на собеседовании в Тарту?" "Я уже сказал, что отказался бы от некоторых формулировок". "Меня интересует, что Вы тогда сказали". "Я сказал, что, возможно, изменил бы формулировки". "Вот именно, что я и просил сказать".

”Скажите, Суперфин, считаете ли Вы возможным совмещать науку и эту Вашу общественную деятельность?” Гарик: ”В 19... г. я прочел монографию об академике Вернадском, изданную в 20-х годах. Он принадлежал к партии кадетов, был даже ведущим членом, был министром Временного правительства и потом сохранил свою независимость при Сталине. И все это он совмещал с выдающейся научной деятельностью. Тогда это произвело на меня большое впечатление. Я понял, что ученый не должен замыкаться на занятии абстрактными науками”. ”Вы знакомы с заявлением Барабанова в ”Новом русском слове”, где он пишет, что передавал ”Хронику”, ”Дневники” Кузнецова и прочее?” Гарик: ”Я познакомился с этим в деле в процессе следствия, но я не уверен в том, что это написал действительно Барабанов. В любом случае он это сделал из альтруистических соображений, т.к. ничего он не делал, все делал я сам”. Прокурор: ”Но вот и Боннэр говорит аналогичные вещи”. Они подтверждали нефальшивость барабановского заявления заявлением Боннэр. Гарик: ”Я не знаю, насколько верно авторство, и еще раз повторяю, что все передавал я только сам, один”.

Вопрос народного заседателя: ”Был ли у Вас свободный вход в дом Якира?” Гарик говорит: ”Не понимаю.” ”Могли Вы ходить к нему?” ”Да”. ”Могли ли брать литературу без ведома?” ”Да”. Спрашивают, задумывался ли Гарик во время следствия (часто бывает, во время следствия люди задумываются о своей жизни, раскаиваются в чем-то содеянном), не думал ли он, что это не его дело. Гарик сказал: ”Да, я об этом думал, задолго до ареста прекратил свою деятельность, но сейчас на суде и на следствии раскаивание аморально, это я знаю по следствию, и раскаивание за счет других тем более. Раскаивание человека, находящегося в неестественных условиях, под стражей, выглядит неискренним.” Вопрос судьи: ”То есть неискренне?” Гарик: ”Может быть и искренним, но выглядит всегда неискренним. И потому, что Петр Якир и Виктор Красин били себя в грудь на суде, я этого делать не хочу, кроме того, как я уже сказал, отречься от сделанного — это зачеркнуть большой кусок своей жизни, а не будь этого куска, не было бы и чего-то другого”.

Судья говорит: "Создается впечатление, что Вы мыслите во всемирных масштабах, в общем, что Вы — космополит." Гарик говорит: "Нет, я не космополит; в свое время меня ошаршила одна фраза Достоевского, который был не космополитом, а наоборот, скорее славянофилом. Он сказал: "Правда выше России". Этой фразы я никогда не забуду". Судья: "Вы впечатлительный человек?" Гарик: "Да." "Вы подпадаете под влияния?" Гарик: "Да, но если считаю, что влияние отрицательное, то стараюсь от этого избавляться." Судья: "Вы не юрист по образованию. Не считаете ли Вы себя политически незрелым?" Гарик: "Я вообще аполитичен, мне все равно, в каком государстве ...". Судья: "Значит, политически незрелый?" Гарик: "Ну, если Вы понимаете это именно так, то да." Судья спросил, каким путем был передан "Дневник" на Запад. Гарик сказал: "Очевидно, путем человеческих передвижений".

Судья зачитывает письмо Красина Реддавею, записку, которую перехватили: "Я и мои друзья сделали поправки в Вашей книге, посылаем Вам". Вопрос судьи: "Знали ли, что пишется такое письмо?" Гарик: "Нет. Пометки делал, но не знал, чья книга, для чего будут использованы". "Что Вы можете сказать по поводу письма?" Гарик: "В письме, которому придают политическую окраску, речь идет о лекарствах, нужных людям, и это не шифр. А там Красин пишет: "Пришлите, пожалуйста, Зинаиде Михайловне лекарства и Ире Якир".

Дальше судья зачитывает почерковедческую экспертизу. Гарик говорит, что он уже выразил свое отношение к этой отрасли науки. Судья: "Да, Вы вчера говорили об этом. Обращались ли Вы сами когда-либо к экспертизе?" Гарик: "Да, обращался. Автограф Пушкина давал на экспертизу и получил от разных экспертов совершенно разные ответы. Эта наука очень неразвитая и не может служить доказательством. Но я не отрицаю, что эти пометки сделаны моей рукой". Судья: "Признаете ли выводы экспертизы?" Гарик: "Независимо от экспертизы я признаю, что это мои пометки".

Дальше показывают "Вестник" 101, 103, 104, 105, 106, также № 100 — адвокат протестует, поскольку в № 100 только ссылки на "Хроники" 19 и 20, а Суперфин туда ничего не передавал. Суперфин ссылается на оценку "Вестника", говорит, что "Вестник" используется в советской прессе. Признает пере-

дачу документов в "Вестник": рецензию на трехтомник Мандельштама под псевдонимом Г.Дальний, говорит, что псевдоним придуман не им и что он этого не хотел, а рецензия действительно его. Дальше вопрос, передавал ли Барабанов что-нибудь для "Вестника". Гарик отвергает. Прокурор говорит, что тем не менее обыск был сделан по его показаниям. Гарик говорит, что дал правдоподобные показания, но ложные по сути.

Дальше судья зачитывает описание приговора Гинзбургу, Галанскову, Добровольскому и Лашковой, чтобы суд вообще знал, что это за ужас такой был. Разговор об НТС и КГБ. Насчет НТС Гарик сказал, что он думает о роли НТС в этой истории, и сказал, что связь с НТС доказана только ... Я не помню, как это точно было. Вызвал его на разговор прокурор после этого и сказал: "А Вы что, не доверяете органам Комитета государственной безопасности?" Да, до этого судья говорил: "Но ведь это Комитет государственной безопасности, кое-что он знает." Гарик говорит: "Ну, знает, но это не доказательство". Прокурор: "А Вы что, не доверяете органам КГБ?" Гарик открыл рот, чтобы ответить, а судья говорит: "Снимаю этот вопрос."

Дальше судья зачитывает показания Гарика по поводу "Дневников" Кузнецова, что передал через своего друга Барабанова, пришел в издательство "Искусство", где Барабанов работал, просил передать, коротко рассказал. Суперфин: "Это ложные показания, хотел переложить ответственность, избежать наказания". "Хотели избежать наказания?" "Да, хотел избежать тяжелого наказания. Кроме того, мне обещали выпустить меня на свободу, я поддался искушению." Затем зачитывают показания Гарика о "Дневниках" Кузнецова: "Прочитав, я понял, что "Дневники" нельзя было не признать антисоветскими и что на людях, участвовавших в подготовке к изданию, будет лежать уголовная ответственность". Гарик говорит: "Это не мои слова". Судья: "Это Ваш почерк". Гарик смотрит и говорит: "Да, это мой почерк, это мне продиктовано". Зачитывают характеристику "Вестника", что это антисоветское издание и прочее, и прочее. Гарик: "Это неискренние показания, однако я помню — это было после шестичасового допроса, я

был в отчаянии и дал такие неискренние показания”. Затем показания на Долгого, что дали записку Долгому, очная ставка. Гарик говорит: ”Ну что ж, эти показания ... Я был в состоянии аггравации.” Тут суд вылупил глаза, и челюсти у них отвисли. Он объяснил, что это состояние, возникшее в результате ареста, растерянность, отчаяние и пр. ”Долгий отрицает, а Вы говорили, что Долгому отдали третий экземпляр”. Гарик, усмехнувшись, сказал: ”Стало быть, прав был Долгий”. Показания на Татищева: ”Я знал, что такого-то числа в квартире моего друга Козового будет французский культурный атташе Татищев. Я пришел туда, захватив с собой запечатанный конверт с рукописью ”Дневников”, хотел, чтобы эта рукопись попала на Запад для того, чтобы, во-первых, сохранилась, и если бы возник вопрос о фальшивости этих ”Дневников”, то чтобы можно было сравнить с рукописью. Я отозвал его в коридор и просил переслать эту рукопись Никите Кривошеину, другу Кузнецова, с тем, чтобы он сохранил у себя. Татищев согласился и взял”. Гарик отрицает все показания, говорит, что передал рукопись через другого человека.

Дальше зачитывают его показания и его соображения о вообще ”Хронике”, о разных отделах ”Хроники”, что он всегда был против отдела ”Новости Самиздата”, поскольку в Самиздате очень много ерунды и вообще он относится к Самиздату так-то. Гарик сказал, что он отказывается от характеристики Самиздата, потому что не имеет на это права: ”Я не имею права давать такую характеристику и вообще характеризовать Самиздат.” Судья говорит: ”Вы играли решающую роль в ”Хронике”?” Гарик: ”Боюсь, что меня обвинят в мании величия, но играл, от меня многое зависело.” Гарика спрашивали о ”Хронике”, была ли редакция. Он сказал, что никакой редакции не было, материалы собирались спонтанно. ”Ну, те выпуски, что Вы делали, когда Вы прекращали, скажем, собрание материалов и уже начинали печатать, спрашивали ли Вы, скажем, Якира, мог ли Вам Якир сказать — Что ж ты меня не спросил и уже пустил, перепечатал, издал?” Гарик сказал: ”Не было ни редакции, ни чего-либо организованного. Каждый раз спонтанно получалось так вот. Было такое ощущение, знаете, катарсиса, когда ясно, что уже все, и тогда я печатал те ”Хрони-

ки”, которые делал я, собирал и перепечатывал.” “Сколько делали?” “Ну, сколько брала машинка. Одну закладку я делал – в 8-10 экземпляров”. “А потом перепечатывалось кем-нибудь еще?” Гарик: “Я думаю, что да, читатели перепечатывали дальше. Ничего организованного не было, редакции не было”.

После разговора об НТС судья спрашивает: “Получали ли Вы дважды деньги от Тельникова? По Вашим показаниям предварительного следствия – получали.” Гарик говорит: “Это ложь”.

Допрос Шандора Фодова. Он начинает без вопросов, просто рассказывает, поскольку у него уже был допрос и он знает, что интересует суд. Знаком с такого-то года, Гарик – талантливый ученый, очень хорошо занимался в Тарту, они дружили, из одного котла питались, ездили в экспедицию, разговаривали, были там-то, он в Москве был несколько раз. “Разговаривали ли вы о Горьком и Шолохове? Как Суперфин относился к ним и как о них отзывался?” А до этого читали показания Гарика, нет, он сам говорил. Его спросили об отношении к Горькому и Шолохову. Гарик распространенно довольно рассказывал, что говорил с Шандором о статьях Горького о Ленине, о большевиках, вообще к Горькому относился плохо до тех пор, пока не узнал, что Горький спасал людей от ЧК, после этого его отношение к Горькому резко изменилось. Шандор ничего этого не говорил про ЧК и пр., а вообще, что Гарик выражал недовольство, что Горькому Ленин оказал доверие, после этого Горький загордился. О Шолохове Гарик сказал: “Мы действительно беседовали о Шолохове, я ему рассказывал разные точки зрения на “Тихий Дон”, на то, каким образом это было написано, разные версии; одни считали, что это воспоминания есаула, которые он спланировал, другие считали еще что-то, но факт тот, что рукописи этого великого произведения нет”. Далее он сожалел, что после этого прекрасного произведения Шолохов ничего серьезного не написал. “Значит, говорили о пороках великих людей?” Гарик говорит: “Нет, просто обсуждали вопросы литературы”. Тут адвокат вклинулся: “Вы же не можете обвинить Шолохова в плагиате, зная, что он получил Нобелевскую премию?” Гарика понесло, и он говорит: “Я знаю случаи, когда люди получали сталинскую премию за подобное.” Адвокат говорит: “Я Вам говорю – Но-

белевскую премию. Не может же человек получить Нобелевскую премию за плагиат". Гарик махнул рукой: "Ладно, не обвиняю Шолохова в плагиате". Когда Гарик говорил о Шолохове, его спрашивали, судья спросил: "А не думаете ли Вы, что писателями движет зависть к Шолохову?" Гарик говорит: "Я не писатель". "Нет, я не о Вас говорю". Гарик: "Нет, при чем тут зависть, просто констатация одной из версий". Судья спросил: "Вы видели вот это в деле?" Гарик говорит: "Я этого не смотрел, поскольку это лежит в восьмом томе, который я не читал". "А почему Вы не читали восьмой том дела?" Гарик: "Потому что там приложена статья Яковлева из "Голоса Родины". Во-первых, у меня особое отношение к этому изданию, а во-вторых, Яковлев специалист по Америке, и я не понимаю, почему он теперь специализируется по истории социализма периода империализма". Шандор говорит: "Гарик патриот, очень любит Россию. Я знаю, что у него была возможность уехать в Израиль, однако этого он не сделал". Дальше спрашивают: "А Вы, когда последний раз приезжали в Москву, о чем говорили с Суперфиным?" Шандор говорит: "Я приезжал в Москву после того, как меня выгнали из университета, где я преподавал, приезжал, чтоб подать заявление в Министерство высшего образования, и показывал Гарику это заявление, он сказал, что надо отредактировать, русский язык у меня не очень хороший, предложил пойти к юристу, я пошел к юристу, юрист мне предложил сократить мое заявление. Сократили на пять страниц." "А Вы показывали Суперфину копию приказа о Вашем увольнении?" Он говорит: "Копии приказа у меня не было как таковой, но я переписал себе, в заявлении было". Это и были показания, показывающие, что Гарик давал материалы в "Хронику". "А говорили Вы о национальных вопросах?" Шандор говорит: "Конечно, говорили, потому что я всегда со всеми завожу разговор об этом, потому что я прикарпатский венгр, и меня очень это волнует, нас ущемляют." Шандор там развернулся по поводу национального вопроса. Спрашивают: "Говорили ли о еврейском вопросе, говорили ли, что в Черновцах не принимают евреев в университет, а в Тарту так много?" Он говорит: "Действительно, потому что Черновцы — большой еврейский центр, там много евреев, все не могут попасть в университеты, поэтому многие

едут в Эстонию учиться. Наверное, мы это обсуждали, мы были как раз в том районе. Все национальные темы я начинал, поскольку это меня всегда очень волнует.” Дальше Гарик выступил довольно странно. Шандор сказал, что поводом к увольнению его был прогул, а он в это время находился за границей, так что смешно это было считать прогулом, был там по туристской путевке. Гарик говорит: ”Шандор не все сказал, потому что его уволили не только за прогул, а в приказе было два пункта: прогул и нелегальный провоз через границу венгерского журнала, издающегося в Югославии.” Зачем он это ляпнул – неизвестно. (13)

Показания Ладыженского. Удручающее впечатление, потому что такой интеллигент, еще в светском, в плаще, в штиблетах, но уже лицо ужасное, напряженное, тюремное. Говорил прекрасно поставленным языком, все рассказывал суду, очень жестикулируя, артистично, при этом очень напряженное лицо. Рассказал, что с Суперфином встречался несколько раз, адрес его дал ему литературовед из Риги Роман Тименчик, интересно было встретиться с Суперфином, поскольку у него, как Ладыженский узнал у Романа, много материалов по Пастернаку, поэтому он, когда поехал в Москву, заехал к Суперфину. У Суперфина была подборка за год журнала ”Вестник”, он захотел почитать, поскольку там было что-то о Пастернаке, и вообще ему было интересно, но времени было мало, он спросил, можно ли взять, Суперфин же сказал, что может взять только пока в Москве. Ладыженский даже пытался снять фотокопию со статьи о Пастернаке, но пленку загубил, не было аппаратуры. Гарик ему подарил книжку статей о Пастернаке на английском языке, спросил о Колаковском, знает ли он что-нибудь о нем. Ладыженский сказал, что увидел по составу библиотеки во второй приезд, что состав библиотеки несколько изменился, Суперфина стала интересовать история партии. Ладыженский посетовал на это, сказал, что жалко, такой замечательный литературовед, а чем занялся, это большая потеря для всех. Гарик сказал, что его это интересует в связи с литературой XX века. Ладыженский рассказал Гарик о Колаковском, что он замечательный философ, до 68 г.

жил в Польше, теперь живет, кажется, во Франции. Гарик показал журнал "Культура", где была заметочка о Пастернаке, а рядом (поэтому он начал разговор о Колаковском) была статья Колаковского. (Кстати, это была явная неточность, потому что все говорили о ксерокопии, а Ладыженский говорил просто о журнале "Культура", где было много заметочек. Никто то ли не понял, то ли решили не устанавливать еще и откуда ксерокопия.) Гарик попросил перевести эту заметку, Ладыженский взял и потом отослал по почте перевод в двух экземплярах, старался переводить, сделал художественный перевод, один экземпляр оставил себе, другой послал Суперфину по почте, не написав обратного адреса, решив, что, увидев письмо из Риги, тот поймет, от кого это. Гарик говорит: "Два года я не мог это понять". Потом Ладыженский стал рассказывать очень хорошо о Колаковском, что он рассматривает некоторые аспекты социализма в Польше, эта статья типично польская, польский социализм. В общем, стал так по-научному рассказывать. Его прервали, мол, не надо рассказывать, у нас рецензия есть, зачем нам Вас слушать. Совершенно разные вещи — рецензия и его рассказ. Тут адвокат спросил: "Считаете ли Вы статью антисоветской?" Судья снял вопрос тут же, но адвокат был как раз доволен, говорит: "Это была моя провокация, вопрос антисоветчику об антисоветскости статьи". Ладыженский хотел ответить.

Потом привели Хаустова. Вид его ужасен, удручающ. Он уже совершенно такой лагерный, в кирзовых сапогах, в куртке, очень резкий, угрюмый, желтого цвета, очень изменился, сильно постарел. Я ему улыбнулась, он кивнул, краешком рта только улыбнулся. Да, еще Ладыженский, бедняга, он пришел, никого не знает, растерялся совершенно, мы на него смотрели, и он понял, хотя мы незнакомы, когда он выходил, мы на него так смотрели, что он улыбнулся, расслабился, так широко улыбнулся. А Витя так краешком рта, кивнул. Начал говорить, что "получил конверт от Боннэр, она сказала, что конверт принесла неизвестная девица от Эдика Кузнецова, что Эдик просил передать его мне, на конверте было написано "только Виктору!!!". Я даже обиделся, что она распечатала этот конверт, но любопытство, думаю. В конверте была записка: "Витя, это мои дневники", ну, записка, удостоверяющая,

что это действительно его дневники, и с просьбой напечатать их. Я зашел к Суперфину такого-то числа домой, показал ему "Дневники" и сказал, что не знаю, что с этим делать. Он предложил снять машинописную копию, и мы договорились, что он сделает три экземпляра и отдаст мне один из них. (Гарик тут сказал: "Я Виктора обманул, я сделал два экземпляра".) После этого он по частям мне давал перепечатанное, и когда он передал мне последнюю порцию, сказал, что передал это на Запад, а экземпляр, который я получил от него, я передал Боннэр". "Было ли написано в записке что-нибудь о том, кому отдать, передать эту рукопись?" Виктор говорит: "Нет".

– Значит, это было на полное Ваше усмотрение – распоряжаться рукописью?

Виктор говорит: "Да".

– До этого разговора о Суперфине не было, и Вы не собирались отдавать ему? Виктор говорит: "Да".

– Суперфин говорил Вам, через кого передал рукопись за границу, через кого собирается? Виктор говорит: "Нет, я ничего об этом не знал и не спрашивал".

– Знали ли Вы, что Боннэр передала машинописный текст за границу?

– Нет, ничего об этом не знал.

В каком-то месте зачитываются показания Гарика на Боннэр. Очень пространные, очень обширные, не только о Боннэр. Вообще размышления о Боннэр...* О Сахарове, об отношениях Сахарова с Чалидзе, о ссоре Сахарова с Чалидзе...** Почему-то показания о том, как демократическое движение относилось к Солженицыну, о Штейне что-то такое. В общем, не показания, а его размышления. Несколько слов о демократическом движении. Непонятно, к чему, вдруг читают такие показания Гарика, что тогда-то, когда он увидел впервые книгу Реддавея "Неподцензурная Россия", отметил, что нету фотографий, которые он передавал, а фотографии другие, подбор фотографий ему понравился, поскольку не показывал деятелей демократического движения героями.

* Семь слов записи опущены составителем.

** 21 слово на тему о Боннэр опущено составителем.

— Как Вы относитесь к этим своим показаниям? (судья) Гарик говорит: "Как всякий нормальный человек" Судья говорит: "То есть как?" Судья не понимает, как нормальный человек должен относиться к показаниям. Гарик: "Как к мерзким, отвратительным, гнусным показаниям".

Да, в одном месте еще было о материале, переданном Гариком в "Хронику", о Комитете прав человека, материал, полученный от антисоветчика Чалидзе, лишенного советского гражданства. Гарик сделал поправку, сказал, что он впоследствии лишен советского гражданства, а тогда он не был лишен советского гражданства, не был антисоветчиком.

После того, как прочитали показания на Люсю Боннэр, Гарик сказал: "За эти показания я отвечаю не по Уголовному кодексу".

Потом прения сторон. Мерзкая речь прокурора, некоторые намеки на связь с НТС, которая никак не оговаривалась в обвинительном заключении. Речь кончилась тем, что отягчающим обстоятельством было то, что Гарик не раскаялся и не признал своей вины, но следует учесть, что у Гарика слабое здоровье, поэтому прокурор просил шесть и три ссылки. Он еще говорил, что Гарик должен был быть благодарен государству, поскольку он содержался в детском доме. Бледная речь адвоката, он требовал снять то, что уже прокурор предлагал снять, то есть хранение книги о Струве Пайпса и хранение книги Маркузе. Это потом в приговоре сняли, пошли навстречу прокурору и адвокату. Кроме того, адвокат напирал на то, что ни Кузнецов не подвергся никакому уголовному наказанию, ни Боннэр, ни Барабанов. Адвокат говорил, что ни в какой степени не требует минимального наказания, но хочет напомнить, что диапазон наказаний по ст. 70 очень широк, от 6 месяцев до 7 лет, и просил учесть суд это.

Приговор. Ввели Гарика десять конвоиров, сплошной стеной встали за его спиной, так что мы не могли видеть ни руки, ни носа, ничего. Приговор состоял из шести пунктов. По сравнению с обвинительным заключением сняли вступление о преступной связи с Якиром, Хаустовым, Красиным, Белогородской, Боннэр, Барабановым. Первый пункт: подписание антисоветского клеветнического письма, написанного в 68 г., так называемого "письма-протеста 170-ти" в защиту Гинзбурга,

Галанскова, Добровольского, Лашковой. (1). Второй пункт: корректирование макета книги Реддавея "Неподцензурная Россия".(2) Третий пункт: передача на Запад, изготовление машинописного текста, редактирование и распространение "Дневников" Кузнецова,(3) антисоветского пасквиля. Четвертый пункт: сбориание материалов, редактирование, изготовление, распространение "Хроник" с 11 по 26, с некоторыми исключениями (не помню, какими), перечисление материалов, которые он туда передавал и писал. Пятый пункт: передача материалов для "Вестника русского христианского студенческого движения", несколько материалов – "Венок сонетов" Радыгина, материал о ВСХСОН-овцах, рецензия на трехтомник Мандельштама, подписанная псевдонимом Г. Дальний. Шестой пункт: распространение антисоветской статьи Лешека Колаковского "Тезисы о надежде и безнадежности". После приговора Гарика окружили плотной стеной конвоиры, гзбэшники и прокурор, не давали подойти, видеть, но он нас видел немножко, мы чего-то ему кричали, потом быстро его увели. В этом кружке конвоиров беседовал с прокурором, довольно добродушно, трудно было услышать, о чем, но Гарик ему что-то говорил. Единственное, что я услышала, что "я – позитивист", после этого его увели. Мне свидания не дали.

* * *

После суда было свидание с мамой. Он был веселый, спокойный довольно-таки. Сказал, что в ГБ его называли "большая антисоветская энциклопедия", дал некоторые характеристики следователям, к судье относится хорошо вполне, сказал, что адвокат типичная ленинградская школа, Сыщиков – жандарм и т.д. Еще на свидании говорил, что Ильин работал по системе Станиславского. Спросил, не умер ли Дмитриев, следователь, который допрашивал в Москве 28 человек. Мама удивилась, а он сказал: "Потому что он после меня попал в больницу, не знаю, чем кончилось". Судьба Дмитриева до сих пор неизвестна. Спрашивал о детях, как кто, что, кого родил, как

растут дети, как Антон ходит в школу, очень интересовался, передавал приветы и извинения Барабанову, говорил, что он страшно перед ним виноват, извинения перед Андреем Дмитриевичем.

Москва, 1974 год

М.Слоним

Примечания составителя

1. Имеется в виду известное письмо 170-ти в защиту Галанскова, Гинзбурга и др.

2. Речь идет о книге Питера Реддавея "Неподцензурная Россия".

3. Э. Кузнецов. "Дневники", изд. "Les Editeur Reunis", Париж, 1973.

4. Анатолий Марченко. "Мои показания" – известная книга о положении политзаключенных в СССР.

5. "Вестник русского студенческого христианского движения" – журнал, выходящий в Париже. Публикует серьезные религиозные и публицистические материалы.

6. По-видимому, заявление Барабанова от 15 сентября 1973 г. Опубликовано в "Хронике защиты прав в СССР", вып. 4, 1973 г.

7. По-видимому, заявление Боннэр от 20 ноября 1973 г. Опубликовано в "Хронике защиты прав в СССР", вып. 5-6, 1973 г.

8. БСЭ, изд. 2, т. 46, стр. 519:

... "Ц.[ензура] в СССР носит совершенно иной характер, чем в буржуазных государствах. Она является органом социалистического государства, ее деятельность направлена на охрану военной и государственной тайны в печати, а также на предотвращение публикации материалов, которые могут нанести ущерб интересам трудящихся"...

9. См. приложение к этому сборнику.

10. Огурцов, Вагин – осужденные по делу о Всероссийском христианском союзе освобождения народа.

11. "Посев" - эмигрантский общественно-политический журнал, публикует, в частности, материалы о защите прав человека в СССР; издается на русском языке во Франкфурте-на-Майне. В издательстве "Посев" были опубликованы выпуски 1-27 "Хроники текущих событий"

12. Проведение гинекологического осмотра во время обыска в таможне подтверждается свидетельствами эмигрантов.

13. Реплика автора не понятна. О том, что у Шандора изъяли венгерский журнал, издающийся в Югославии, было опубликовано в Самиздате, так что Суперфин не разгласил на суде новой информации. Возможно, он хотел обратить внимание на притеснение венгерского меньшинства в СССР в том смысле, что советские венгры не могут свободно получать журнал венгров, проживающих в соседней социалистической стране.

ДЕЛО ЭТКИНДА

ДЕЛО ЭТКИНДА

Запись заседания

Ученого совета Ленинградского педагогического института им. Герцена 25 апреля 1974 года. Вопрос — о профессоре института Е.Г. Эткинде.

Присутствуют члены Ученого совета, большое число посторонних лиц, корреспонденты, секретарь горкома партии Б.С. Андреев. Сам проф. Е.Г. Эткинд на заседании не присутствует; он представил в ректорат официальный врачебный документ, свидетельствующий о том, что у него приступ стенокардии и что ему предписан постельный режим. Несмотря на болезнь проф. Эткинда, заседание Ученого совета состоялось.

Заседание открывает ректор института А.Д. Боборыкин. Ученый совет, говорит он, не впервые занимается обсуждением проф. Эткинда. В 1968 г. он рассматривал политическую ошибку, допущенную им во вступительной статье к двухтомнику "Мастера русского стихотворного перевода", где, как известно, говорил: "Лишенные возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, русские поэты — особенно между XVII и XX съездами — разговаривали с читателем языком Гете, Шекспира, Орбелиани, Гюго". Тогда Ученый совет принял серьезное решение, предостерег проф. Эткинда. Но проф. Эткинд и не думал менять своих воззрений — он поддерживал тесные отношения с Солженицыным, принимал участие в создании и распространении Самиздата, составил воззвание к молодым евреям, уезжающим в Израиль.

Ректор предлагает совету обсудить вопрос о снятии Эткинда с должности профессора института и ставит на голосование это предложение; оно принято единогласно. После этого ректор сообщает:

”На заседании Совета проф. Эткинд отсутствует. 23 апреля состоялась моя беседа с ним. На другой день, 24 апреля, ко мне пришла его жена и вручила мне конверт, содержащий письмо ко мне и письмо членам Совета. Последнее будет зачитано на заседании.”

Затем ректор переходит к характеристике деятельности проф. Эткинда и зачитывает Справку из КГБ.

СПРАВКА ИЗ КГБ (сжатая запись)

В поле зрения КГБ Эткинд попал в 1969 году; он более 10 лет знаком с Солженицыным, встречался с ним, оказывал ему практическую помощь, хранил у себя клеветнические произведения, рукопись ”Архипелага ГУЛаг”. Через Солженицына был знаком с Воронянской, машинисткой, печатавшей его рукописи, и поддерживал с ней хорошие отношения. На допросе Воронянская показала: ”Солженицын приехал в Ленинград в 1971 году; два экземпляра рукописи ”АГ” он передал Эткинду, и далее Эткинд лично привез два экземпляра ко мне домой”. Факт хранения рукописи Эткиндом подтверждает Самутин, бывший власовец: ”Несколько раз в 1971—1972 г.г. Воронянская упоминала о письмах, которые отправляла и получала через Эткинда или жену во время поездок в Москву”. Летом 1970 года Воронянская проживала на даче Эткинда.

Другие факты, характеризующие деятельность Эткинда. В начале апреля сего года управление ГБ возбудило уголовное дело по распространению антисоветских клеветнических документов. Состоялись обыски у Марамзина и Хейфеца, членов профгруппы Литфонда, которыми был издан в Самиздате пятитомник стихов И.Бродского; у Хейфеца было обнаружено написанное им предисловие к этому пятитомнику, в котором автор клеветает на внутреннюю и внешнюю политику КПСС (”После оккупации Чехословакии Советское государство превратилось в полуколониальную державу...” и т.п.). Была изъята также рецензия Эткинда на это предисловие, в которой содержится положительный отзыв о политической стороне предисловия. Будучи допрошенным, Эткинд показал, что является автором этой рецензии и что он никогда не скрывал своего отношения к событиям в Чехословакии. Хейфец пока-

зал, что Эткинд поддерживал близкие отношения с И.Бродским, демонстрировал свою привязанность к нему. Эткинд старался внушить писателям и начинающим литераторам свой взгляд на право таланта выбирать образ жизни.

В марте 1964 года поведение Эткинда на суде над Бродским обсуждалось на заседании секретариата Союза писателей, но Эткинд и там не признал вредности своих взглядов.

О вредной деятельности Эткинда свидетельствует также его "Письмо к молодым евреям, стремящимся в эмиграцию"; там содержатся призывы к евреям не уезжать в другую страну, а бороться за свою свободу и гражданские права здесь.

Кроме того, установлено, что Эткинд использует свое общественное положение для протаскивания в своих работах взглядов, враждебных советскому строю. Так было во вступительной статье к двухтомнику "Библиотека поэта" в 1968 году, получившей справедливую оценку общественности (цитата из заседания бюро Обкома). Однако Эткинд продолжал публиковать вредные книги. Вот как их оценивают видные советские ученые.

Доктор филологических наук проф. П.С. Выходцев: "Взгляды Эткинда на поэзию мне глубоко чужды и никак не соотносятся с марксистско-ленинскими принципами".

Кандидат филологических наук писательница Е.Серебровская (о книге "Разговор о стихах"): "У Эткинда нет классовости, нет слов "Родина", "патриотизм", нет идеологической оценки поэзии".

Писатель А.Н. Чепуров пишет о политической вредности таких работ Эткинда, как статья "Пауль Винс — переводчик советской поэзии" в сборнике "Мастерство перевода" и как книга о Брехте. Неверные положения книги о Брехте критиковал также А.Дымшиц в рецензии в "Литературной России".

В 1949 году за методологические ошибки в кандидатской диссертации Эткинд был уволен из Ленинградского института иностранных языков, после чего он поступил в Тульский педагогический институт. В 1968 году допустил политические ошибки во вступительной статье к "Мастерам русского стихотворного перевода".

В 1973–74 г.г. были осуществлены различные мероприятия

в отношении Солженицына и его круга. Однако никаких выводов для себя Эткинд не сделал. Эткинд сознательно на протяжении долгого времени проводил идеологически вредную и враждебную деятельность. Он действовал как политический двурушник.

Из зала голоса: просят прочесть письмо Эткинда. Оно оглашается:

Ученому совету ЛГПИ им. Герцена

Уважаемые члены Ученого совета!

К сожалению, приступ сердечной болезни помешал мне присутствовать на заседании Совета, когда будет рассматриваться мое дело. Прошу участников заседания выслушать следующее заявление, которое я сделал бы сам, если бы имел возможность выступить.

1. В Институте им. Герцена я преподаю 23 года. Иначе говоря, почти вся моя жизнь прошла в его стенах; здесь работают многолетние мои коллеги, ученики, ставшие сотрудниками. Герценовский институт стал для меня вторым домом. Хочу выразить ему глубокую благодарность и сказать, что если мне удалось что-то сделать в науке, то в большой мере я этим обязан Институту им. Герцена.

2. Я мог бы многое сказать в свое оправдание. В настоящем же заявлении полагаю необходимым сослаться лишь на то, что в течение моей четвертьвековой работы в институте я делал все, что было в моих силах, стремясь внушить моим слушателям любовь к поэтическому слову, интерес к гуманитарной науке, уважение к подлинным ценностям культуры. В лекционном курсе по теории и истории перевода, который я вел много лет, я неизменно проводил мысль о важности взаимопроникновения культур и их взаимообогащения за счет друг друга, о переводе как практическом осуществлении интернационализма в области науки и художественной литературы. Едва ли найдется среди моих братьев, аспирантов или слушателей хоть один, кто бросит мне упрек в том, что в течение этих 23-х лет я недобросовестно или с вялым равнодушием

исполнял свои обязанности или что учил своих учеников не тому, чему их следовало учить. Сознание выполненного долга позволяет мне испытывать хотя бы некоторое удовлетворение.

Разумеется, это удовлетворение омрачено событиями последнего времени, послужившими поводом для настоящего обсуждения. Мне остается смириться с решениями, которые примет заседание Ученого совета, — решениями, которые я, быть может, предвосхищаю, подавая заявление об уходе из института. Прошу, однако, иметь в виду, что магистральная линия моего поведения определяется не двумя или тремя неудачными фразами, написанными *в частных* письмах и по частному поводу — инкриминируемые мне высказывания извлечены именно из документов подобного рода. В октябре прошлого года я был избран в члены Пен-клуба ("за выдающиеся заслуги в области перевода поэтических произведений немецкой литературы и за труды в области германистики"), но официальным письмом и телеграммой отказался от этой чести, заявив, что считаю безнравственным нести ответственность за решения и декларации, которые приняты без моего участия и согласия. Я не мог поступить иначе, потому что судьба моя — здесь.

24 апреля 1974 года

Голос: "Иезуитское письмо!"

Выступления членов Совета:

Галина Ивановна Щукина (проф., зав. кафедрой педагогики).
Сожалею, что Э. здесь нет, что нельзя ему задать вопросы: выполнял ли он добросовестно свой долг или делал все возможное, чтобы расшатать здание подготовки специалистов, воспитателей, учителей. Я бы спросила: каков его статус в советском обществе? Чью философию он исповедует? Какую идеологию он защищает? Почему он поддерживает активные связи с людьми, порвавшими с нашим обществом? Материал, который нам зачитали, сам за себя говорит. Эткинд — двурушник, и более того (голос: "Он антисоветчик!"). Совершенно верно. И никакого долга перед наукой он добросовестно не выполнял. Сейчас все совершенно ясно. Человек подрывает основы нашего

строю — и еще пытается сказать о том, что добросовестно выполняет свой долг. Он боролся за антисоциалистические, за антисоветские утверждения относительно нравственности (?). Он разлагал молодежь, призывал ее к борьбе — с каким строем? Со строем, который вскормил и воспитал... (и т.д.). Нет никаких сомнений, что Эткинду не место не только в рядах преподавателей нашего института, но и вообще среди преподавателей нашей молодежи.

Б.Д. Парыгин (зав. кафедрой философии). Очевидно, Эткинд не родился таким, но его эволюция закономерна. От этой позиции недалеко до другой — до идеологической диверсии. Это несовместимо с пребыванием Эткинда в нашем институте.

А.И. Домашнев (декан факультета иностранных языков, профессор, зав. кафедрой германской филологии). Эткинд работал на ф-те иностранных языков... Я сознательно употребил слово "работал". Я все-таки думаю, что Эткинд — антисоветский отщепенец и двурушник. Он не в открытую заявлял о своей антисоветской платформе. Он не уехал в Израиль, а проводил свою политику более тонко. Такая скрытая позиция позволяла ему долго оставаться в наших рядах. Сохраняя внешнюю пристойность, он длительное время проводил эту свою линию. Сейчас надо не долго говорить, а дать оценку. Не место таким, как Эткинд, в советском коллективе преподавателей. Он должен быть изгнан из института и лишен ученого звания и степени, которые тоже получил в нашем институте.

Андрей Иванович Зотов (?). Документы, которые были оглашены, говорят о враждебной деятельности Эткинда. В своем письме он показывает, что его деятельность остается и сейчас (!?); он прибегает и тут ко лжи. Он не только был, но и остается враждебным нашей идеологии, нашему строю. Ему нет места среди наших советских ученых, как недостойно быть не только доктором наук, но и профессором Советского Союза (!!).

А. Мерзон (преподавательница философии). Этот случай должен показать, что нельзя быть двуликим Янусом и сидеть между двух стульев. Сейчас каждый момент нашей деятельности требует особой ответственности. Мы знаем, как крити-

ковал Ленин национализм; то, что мы сегодня слышали, это выражение вывернутого наизнанку еврейского национализма(!). Отступления от нашей идеологии, может быть, сначала и не столь значительные, приводят в конце концов к полному крушению.

Павел Львович Иванов (проф. кафедры философии). У меня нет ни одного вопроса к Эткинду. Документы свидетельствуют, что среди нас работал идеологический диверсант, внутренний Солженицын. Он калибром меньше, но по роли в международной реакции они равны между собой. У Эткинда нет двух стульев: он сидит в одном кресле, кресле Солженицына. Надо от него освободиться и сегодня же выдать ему документы.

Проф. Кульба (зав. кафедрой неорганической химии).

”Скажи мне, кто твой друг ...” Речь идет не об ошибках, а о планомерной, целеустремленной вражеской диверсионной деятельности среди наших советских людей. Эткинду надо было бы порекомендовать отправляться за Солженицыным — пусть там творит и делает, что хочет.

Исаак Станиславович Эвентов (проф. кафедры сов. литературы). Я почти не соприкасался с Эткиндром. Из его письма видно, что он не понимает, что такое советский педагог (в зале шум: ”Понимает!”). Он не учитывал того, что педагог — это духовный воспитатель. Он стал духовным отцом для тех проходимцев, молодых антисоветчиков, распространителей Самиздата. Эти энергичные, но молодые подпольщики — Хейфец и Марамзин — смотрели на Эткинда. Им нужно было благословение человека, который пользуется в обществе каким-то положением. Он был в известной степени знаменем (!) какой-то части молодых, которых тов. Брежнев назвал сорняками. Такому человеку, как Эткинд, не место среди советских педагогов.

Вопрос с места. А в Союзе писателей как он работал?

И.С. Эвентов. Мы в разных секциях. Знаю только его труды и согласен с их оценкой.

Раймонд Генрихович Пиотровский (проф., зав. кафедрой французского языка). Я думаю, что сердцевина вопроса совершенно ясна. От имени тех членов кафедры, которые позна-

комились с документами, я считаю (!), что идеологическому диверсанту Эткинду не место в наших рядах. Если нужно, кафедра это обсудит. Возникают сложные организационные вопросы: Эткинд читал курсы французской литературы. К сожалению, эти лекции читались не под контролем кафедры зарубежной литературы. Нам совместно с этой кафедрой нужно будет серьезно разобраться в продукции Эткинда и скорректировать ее — на будущее (недоумение в зале). Нужно вообще обсудить вопрос о чтении этого курса.

Александр Израилевич Райх (?). Бесспорно, что мы все несем ответственность за то, что произошло. Бесспорно, что это поведение сохраняется и в том, что Эткинд просил зачитать его письмо в конце заседания. Я полностью поддерживаю ... (и т.д.).

Л. Манизер (?), (зав. кафедрой биологии). Хочу как советский гражданин и член партии выступить с оценкой поведения Эткинда (!). Всей своей деятельностью я обязан институту Герцена, у нас атмосферы для процветания двурушничества нет и быть не может!

Юрий Вячеславович Кожухов (профессор истории СССР, член-корр. Академии педагогических наук, проректор по научной работе). Вопросов Эткинду я бы тоже не задавал. Двойственности тут нет. Это тактика врага. Он на своей позиции стоит давно и твердо, начиная с 1949 года и кончая 70-ми годами, когда эволюция неизбежно столкнула его с такими подонками, как Солженицын, Хейфец, Бродский и др. Наш институт проводил определенное профилактическое мероприятие: в этом же зале Ученый совет осудил в 1968 году поведение Эткинда, но действия это не возымело.

И беда наша и вина в том, что за 23 года работы Эвентова (!) в нашем институте (смех в зале), простите, Эткинда, мы его не распознали.

Он в письме пишет, что толковал своим слушателям о том-то (цитирует письмо Эткинда), но не пишет, что старался воспитать коммунистическую убежденность. Но как мы-то это допустили? Мы ему создавали зеленую улицу. Он руководил аспирантами, ездил по городам и весям и оппонировал, и издавал, и редактировал ученые труды, читал ответственные курсы. Значит, мы плохо координируем наш учебный процесс,

плохо знаем наших людей. Я согласен с двумя предложениями: на пушечный выстрел Эткинда к студенческой аудитории подпускать нельзя. И на основании новой инструкции ВАКа мы имеем право лишить Эткинда ученого звания профессора. (Читает параграф о возбуждении ходатайства перед ВАКом.) И звания мы можем его лишить сегодня же. Что касается ученой степени, то вопрос должен решать ученый совет, присваивавший эту степень.

Оратор из президиума (?). Сегодня стыдно говорить: запятнано слово "герценовец", которое означало – "воспитатель гражданской и политической зрелости". Эткинд эту негативную сторону блестяще проводил в течение 23 лет работы в институте. Основное оружие – убежденность самого воспитателя; студенты воспринимают позицию учителя. Как факультет мог оценивать лекции Эткинда *блестящими*? На своих занятиях он именно проводил свою враждебную позицию.

Давайте посмотрим на самих себя. Надо оценивать не количество научных трудов, а политическую и гражданскую зрелость человека. Наша литературная общественность очень плохо знала его литературные труды.

Два часа назад состоялось совместное заседание парткома и месткома. Они приняли решение просить Ученый совет о лишении звания и освобождении от работы в институте Эткинда.

Ректор. Желающих выступить еще много, но вопрос уже ясен, дана правильная оценка, правильно расставлены акценты.

Избирается счетная комиссия: Иванов (предс.), Домашнев, Волкова.

2 бюллетеня:

- 1/ об освобождении от должности;
- 2/ ходатайствовать перед ВАКом о лишении звания профессора. Результаты голосования по обоим бюллетеням – принято единогласно (57 голосов – за).

Заявление для печати

25 апреля Ученый совет Ленинградского педагогического института им. Герцена освободил меня от работы в институте, где я преподавал 23 года, и лишил ученого звания профессора. В тот же день состоялось заседание ленинградского секретариата Союза писателей, и я был исключен из Союза, в котором состоял около 20 лет. Все это происходило в мое отсутствие — я болел. Зато в обоих заседаниях принимали участие представители КГБ. На Ученом совете был оглашен документ, озаглавленный "Справка", в котором перечислялись мои "преступления" перед советским государством. Это список вырванных из контекста, произвольно истолкованных отдельных фраз или иных ничем не мотивированных обвинений; он содержит, например, упоминание о моих "методологических ошибках" 1949 года — года, когда у нас теория относительности и кибернетика объявлялись идеологическим бредом, а Т.Д. Лысенко и его ученики рекомендовали выращивать дуб на вязе.

В "Справке" упоминается о том, что в 1964 году я выступал свидетелем защиты по делу И.Бродского и не раскаялся в этом. Глухо говорится, будто бы у меня хранилась рукопись А.Солженицына "Архипелаг ГУЛаг" — последнее обвинение основано на сбивчивых показаниях машинистки Е.Д. Воронянской. Как уже известно мировой общественности, эта семидесятилетняя женщина покончила с собой после нескольких допросов в августе 1973 года. Другие обвинения столь же мало мотивированы: они подкреплены ссылкой, например, на неизвестного мне бывшего власовца, которому якобы что-то говорила про меня та же Воронянская. В конечном счете все обвинения сводятся к тому, что я лично был знаком с Иосифом Бродским и Александром Солженицыным, встречался с ними и даже, как сказано в "Справке", "оказывал практическую помощь". Этих обвинений оказалось достаточно, чтобы сделать вывод, сформулированный в той же "Справке": "Эткинд сознательно на протяжении долгого времени проводил идеологически вредную и враждебную деятельность. Он действовал как политический двурушник." А выводов этих

было достаточно для профессоров института, являющихся членами Совета, и для секретарей Союза писателей, чтобы подвергнуть меня гражданской казни. Ни один из них не поинтересовался моей реальной биографией, ничуть не похожей на тот перечень прегрешений, который содержится в "Справке". Я ведь не только делал "методологические ошибки", но и, скажем, воевал четыре года. Это при совершении обряда гражданской казни не учитывается. Что же влечет за собой такая казнь? А вот что.

Будучи уволен из института, я лишен возможности преподавать; будучи исключен из Союза писателей, я не имею возможности публиковать мои работы. Запрет распространяется даже на мое имя. На основании ряда бессодержательных обвинений начисто стирается моя многолетняя научная и литературная работа, а я сам и моя семья фактически лишаемся средств к существованию.

Да, я знаком с А. Солженицыным. Да, я выступал свидетелем по делу Иосифа Бродского и по мере сил помогал молодому поэту публиковать переводы, которые давали ему кусок хлеба. Да, я писал книги и статьи, в которых пытался высказать собственные взгляды на французскую литературу, русский стих, немецкую драматургию. Все это я делал в твердой убежденности, что способствую росту отечественной культуры, во имя которой живу. Занимаясь теорией и историей художественного перевода, я был твердо уверен, что способствую дружбе между народами, говорящими на русском, французском и немецком языках.

В "Справке" все мои сочинения названы "вредными", "вражескими". Однако десятки критиков и сотни читателей с одобрением и благодарностью отзывались о таких моих книгах, как "Поэзия и перевод" (1963), "Об искусстве быть читателем" (1964), "Семинарий по французской стилистике" (1965), "Французские стихи в переводе русских поэтов" (1969 и 1973), "Разговор о стихах" (1970), "Бертольд Брехт" (1971), "Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина" (1973).

И вот оказалось достаточно двух-трех фраз из частных писем и записок, фраз, не ставших достоянием гласности, чтобы зачеркнуть все написанные мною книги и другие возможные

будущие книги и чтобы лишить ученого и литератора возможности разговаривать со студентами и читателями, обречь его на нищету, на гражданскую смерть.

Мое поколение хорошо помнит собрания 1949 года: в ту пору из университетов выгоняли лучших профессоров, наших учителей, а из литературы — лучших писателей. Я не сравниваю себя с ними. Но мое поколение до смертного часа не забудет кровавого единодушия, с которым ораторы на таких собраниях клеймили Жирмунского, Эйхенбаума, Азатовского, Гуковского и требовали их немедленного устранения из Ленинградского университета. Прошло ровно четверть века. Правда восторжествовала. Издаются и переиздаются книги настоящих ученых, некогда гонимых и даже уничтоженных физически, а писания хулителей преданы забвению, их имена окружены презрением. Казалось бы, возродить 1949 год невозможно...

Увы, не только возможно, но и куда как просто! Профессора, писатели, поэты знают своего коллегу по многу лет, но им сказали, что их коллега государственный преступник, — и они торопятся верить. Ведь не поверивший — сам преступник. Им говорят, что он совершал "методологические ошибки" в 1949 году, — и они не вдумываются в то, какой абсурд им сказали: они не слышат даты "1949", а только привычно-пугающие слова об ошибках и соглашаются казнить. Им говорят, что их коллега "использовал свое общественное положение для протаскивания в своих работах взглядов, враждебных советскому строю" (это из "Справки"), — и они забывают, что каждая книга проходит через многоступенчатый контроль редакторов и рецензентов, цензоров и комитетов по делам печати, забывают об этом и соглашаются казнить. И казнь эту совершают единогласно. Единогласие было необходимым условием процедуры и в ту давнюю пору.

А ведь за четверть века, казалось бы, должна была вырасти новая общественность, должно было воспитаться в людях гражданское самосознание. Возможно ли, что нас так легко отбросить на 25 лет назад?

Возможно ли, что люди не накапливают исторический опыт? Что их ничему не научил хотя бы "Новый мир"? Что они забыли о стихах Твардовского, о покаянных статьях Симонова,

о самоубийстве Фадеева, о возрождении из праха Булгакова, Бабеля, Мандельштама, Ахматовой и многих других? Возможно ли сегодня, в 1974 году, пользоваться доводами той поры и, вызывая общее одобрение, ссылаться на 1949 год?

Нет, я верю в прогресс, в новую общественность, в рост гражданского самосознания. Я верю в то, что отбросить нашу страну на 25 лет назад не удастся никому. И еще я верю в демократические силы современного мира.

3 мая 1974 года

Е. Эткинд
Ленинград
ул. Александра
Невского 6, кв.17

ДЕЛО ХЕЙФЕЦА

ДЕЛО ХЕЙФЕЦА

Запись судебного процесса

Судебное заседание 9 сентября 1974 года по делу Хейфеца Михаила Рувимовича, обвиняемого по ст. 70 ч. 1. Судья – Карлов. Нар. Заседатели – Косенко, Карпов. Прокурор – Пономарев. Защитник – Зеркин. Эксперт – Малышева.

В зале человек 25 вместе с явившимися свидетелями. Не явились Емельянов, Е.Г. Эткинд (по болезни), Рубашкин, Левитин и др. Называются фамилии явившихся: Стругацкий, Загреба, Филатов, М.Е. Эткинд и Воскобойников. Присутствующим свидетелям объявляют, что прийти они должны завтра в 11 часов утра, и просят удалиться.

Установление личности обвиняемого: ФИО, возраст, национальность и т.д.

Судья: Как себя чувствуете?

Хейфец (с улыбкой): Хорошо.

Обвинительное заключение: Дело возбуждено 29 марта 1974 года ...будучи антисоветски настроен, с целью ослабления советской власти... занимался агитацией и распространением заведомо ложных... получил статью Амальрика "Прощество ли Советский Союз до 1984 года?", изготовил копии и хранил... (заседатель, который зачитывает обвинительное заключение, произносит все свержархинеграмотно, искажает всякий раз фамилию Хейфеца, один раз на замечание отвечает "Очень уж трудная"!; а Амальрика называет в лучшем случае "Эльмарик")... в 1971 г. передавал для ознакомления... изготовил и хранил конспект книги "Смоленск при советской власти", хранил у себя на квартире и в журнале "Костер" (заседатель называет обвиняемого "Фельцман" – "очень уж трудно выговорить" ("Фейц")... (Хец, Хес, Фесман)... "Хроника текущих событий" и "Смоленск..." ... пе-

реданы были Воскобойникову... изготовил статью "Иосиф Бродский и наше поколение", в которой — клевета ..., ознакомил с ней Емельянова и Воскобойникова, отдал Марамзину для изготовления и распространения..., давал Левитину, Стругацкому, Филатову..., пометки Эткинда в статье ..., в марте 74 года передал Загребе книгу Амальрика.

На следствии: Признаете ли Вы себя виновным? — Признаю себя виновным в том, что изготовил и хранил, но не с целью ослабления советской власти. Не призывал, не агитировал. Цель — познавательная, ознакомил только хорошо знакомых людей. Я антисоветски настроен, но не призывал... В своей статье вместе с другими измышлениями и — "звание советского гражданина позорно", "Советский Союз превратился в предмет ненависти" (Чехословакия)... Емельянов, Воскобойников предлагали исключить антисоветчину из статьи... Хейфец дал на предварительном следствии откровенные показания, чем активно способствовал установлению истины...

30 августа было постановление о предании суду.

— Признаете ли себя виновным?

— Не признаю полностью.

— В чем?

— Признаю, что все эпизоды действительны, но не вижу в них нарушения ст. 70, т.к., совершая все эти эпизоды, я не преследовал приписываемой мне цели. В этих действиях нет состава преступления, не было умысла на подрыв и ослабление советской власти.

Решают выслушать сначала обвиняемого.

Хейфец: Граждане судьи! Вам сложно поверить мне. Я не выворачиваюсь, это не прием, я так считаю! С одной стороны вы, с другой — я, человек, который признает себя инакомыслящим, литератор, разность языков и пр. Я считаю — это правда так! — что произошла следственная ошибка, и еще раз повторяю: все эпизоды действительны, но цель не та!

О моей статье: летом 1973 г. Владимир Марамзин, собиравший академическое собрание сочинений И. Бродского, предложил мне написать статью для этого собрания. Точно ничего о будущей судьбе этой статьи я не знал. Тогда не было мысли, что статья будет политической. Летом я получал от Марамзина тома сочинений Бродского (солдат-конвоир делает Хей-

фецу замечание – тот слишком жестикулирует), мне не хватило материала для чисто литературоведческого анализа. Сам я статьей был глубоко неудовлетворен: политика задавила литературу. Я хотел посоветоваться – а не пускать в Самиздат. Выбрал своего друга и соседа Емельянова (литературовед, член КПСС). Тот – резко прогив, советовал выбросить, говорил дословно, что ”политика, как кила, выпирает”. Я согласился. Но ведь там дело не в одной фразе, а в концепции. Надо было заменить литературоведческой конструкцией. Емельянов не знал Бродского. Поэтому я показал другому коммунисту – Воскобойникову. И он – против политики. Дал прочесть Марамзину, он через месяц вернул. Я сказал ему, что хочу переделать. Взял том Бродского и уехал с надеждой переработать. Но ничего не вышло. Попросил М.Григ. Рольникайте прочесть – она советов не дала, а – ”не надо такое писать”. Через дочь передал статью Эткинду, как крупному специалисту по поэзии, знатоку Бродского. Получил от него письменную рецензию: ”Раздел политический не верен по фактам”. Узнал от него, Эткинда, что Марамзин заказал другую статью. Я и положил в стол. Показывал Стругацкому, Левитину, Филатову. Понял после советов свою методологическую ошибку. Показывал не с целью агитировать. Пытался понять свою ошибку и ее исправить. Сам отказался от распространения.

Теперь о хранившемся у меня самиздате. Статья Григоренко – 1967 г., Белинкова (письмо) – 1967 г., ”Хроника” – 1968 г., Амальрик – 69 г. ... Вот таков этот ”громадный” запас самиздата. С лета 70 г. я порвал с самиздатом и хранил вовсе не с целью распространения. Все три эпизода передачи этих изданий случайны. Я не согласен с теми взглядами, что в этих сочинениях. Загребе я дал не три, а 15, там есть и такие, которые ”за”, и такие, которые ”против”.

Я не антисоветски настроен. Я – инакомыслящий. Тут недостаток юридической терминологии. Леонид Ильич Брежнев на съезде комсомола употребил выражение ”заблудшие души”. Я выступал против отдельных частных решений тех или иных вопросов.

– От кого получили Амальрика ”... до 1984 года”??

– От Пинскера.

– Сколько экземпляров?

- Один.
- Сколько отпечатали, на чем?
- На "Оптиме", два.
- Какова политическая направленность этого произведения? (Долгая возня с этим вопросом, каждый раз, как Хейфец начинает рассуждать о произведении, его прерывают и требуют точно сформулированной оценки.)
- Ну, это интересное произведение инакомыслящего человека. "Смоленск при советской власти" Ф-на переписал от руки...
Вопросы судьи: Кому, что и когда передавали? О статье самого Хейфеца – где Вы ее взяли? (?!!) Кому давали? Кто эти названные Вами люди? Конкретно – кто друзья?? Ответ – все. Почему в показаниях на следствии (в признании вины) есть слово "антисоветский", а здесь – отказываетесь?
- Ответ:* Я делал приписку к первому протоколу допроса, делал заявление следователю, подавал письменное заявление, т.е. трижды в следствии заявлял, что я *не антисоветски* настроенный человек. Может быть, это моя юридическая неграмотность, и надо было делать как-то по-другому, но ведь трижды.
- Прокурор:* У обвинения с Вами расхождения по существу – об оценке действий. Почему родилась *такая* статья?
- Хейфец:* Инакомыслие. Не был согласен со вторжением в Чехословакию, эта мысль сидела, сидела и – выскочила ...
- Прокурор:* А как объяснить, что звание гражданина СССР – клеймо, СССР – предмет ненависти, – это все сказано в Вашей статье?
- Хейфец:* Но ведь я не пустил статью в обращение!
- Прокурор:* Родственникам – и то нельзя! А что Вам сказали те, кого Вы сейчас назвали (всех) друзьями?? А что сказал Стругацкий? Он сказал: "Тебя посадят – и по семидесятой статье!" А Вы никого не послушали. Зачем?
- Хейфец:* Я их спрашивал, как исправить. Они по сути провели профилактику, если б не это, может быть, статья пошла бы по стране, в зарубежные "голоса" и т.п.
- Прокурор:* Понимали ли Вы сами, что она антисоветская?
- Хейфец:* Не совсем.
- Прокурор:* А изменялась ли она? Осталась ли она антисоветской?

Хейфец: Инакомыслящей.

Прокурор: Но ее читали 13 человек!

Хейфец: 13 человек, которых не пропагандировали и не агитировали!

Прокурор: Нет, это и была антисоветская пропаганда и агитация, причем настойчивая!

Хейфец: Категорически не согласен, целью показа статьи было ее исправление!

Прокурор: Да, самиздат у Вас старый, но распространяли Вы его в 70-х г.г.. Признаете ли, что распространяли и что это носило характер антисоветской агитации и пропаганды?

Адвокат (обращаясь к Хейфецу): Мне неясна Ваша мысль. Да, это и есть агитация и пропаганда, но за что, чего Вы хотели? Вы говорите, не было этого, но это было, и меня интересует цель.

Хейфец: Исправить статью – во-первых. О самиздате – я всегда хотел получать информацию.

Адвокат: Но Вы перестали собирать самиздат. Так вот, почему прекратилась эта любовь к познанию?

Хейфец: Я литератор. Моя тема – общественное движение 70–80 г.г. XIX века (судья переспрашивает: Какого, какого века?). Отличие историка и литератора – литератор пользуется живой жизнью. Я собирал в этом смысле и самиздат: например, Белинков с его зоологической просто ненавистью к советскому строю интересовал меня как тип. Вот такие нужные мне вещи я и собирал. (Судья: Чего же Вы там собирали?!) Вот я и говорю: Белинков, в "Хронике текущих событий" меня интересовали славянофильские мысли и т.п. К 70-му году у меня было достаточно материала, интерес пропал.

Адвокат просит рассказать о литературной деятельности, что и когда писалось и печаталось. Хейфец называет все свои работы, в том числе об Александре Ильиче Ульянове.

Адвокат: Как Марамзин отнесся к Вашей статье?

Хейфец: Отрицательно.

Адвокат: Почему он поручил статью другому?

Хейфец: Понял, очевидно, что я не справился.

Адвокат: интересуется Амальриком, Фенсоном (автор книги "Смоленск...").

Хейфец: Книга Фенсона цитируется в наших изданиях.

Перерыв

Прокурор: Раз такой профессиональный интерес, так и держали бы самиздат у себя, зачем распространять? *Для чего?*

Хейфец: Во всяком случае, не с целью агитировать. Ведь я давал читать и взаимопротивоположные документы: вот, мол, какие бывают точки зрения.

Прокурор: Как Вы относитесь к тому, что совершили?

Хейфец: Сугубо отрицательно. Сейчас бы ничего этого не сделал.

Судья: Почему вдруг так созрели?

Хейфец: До этого не понимал.

Судья: Кто из читавших статью говорил Вам о ней отрицательно?

Хейфец: Все.

Судья: Почему не прислушались?

Хейфец: Я как раз прислушался, иначе мое положение сейчас было бы хуже. Это же черновик, я ведь пробовал исправить!

Судья: Что сказал Вам Пинскер, передавая Амальрика?

Хейфец: "Вот, возьми почитай". Весь мой самиздат от него.

Судья: И все-таки снова задаю вопрос о политической направленности этой книги, что же тогда, по-Вашему, антисоветское?

Хейфец: Антисоветское — например, Белинков. Или мой сосед по камере Васильев, которого вы недавно судили и который изготовлял листовки. Книга Амальрика — о войне с Китаем...

Судья: Как относитесь к тому, что произошло?

Хейфец: Не предполагал, не повторил бы.

Судья: Какая у Вас квартира? Зарплата Ваша? Жены?

Хейфец: 37 метров, кооперативная, я зарабатываю в среднем 130–140 рублей в месяц, жена — преподаватель хорового дирижирования.

Судья: Так Вы литератор или писатель? (Перед этим Хейфец сказал, что он не член Союза писателей, но состоит в проф. организации литераторов.) Так Вы — литератор, Федот, да не тот!

Перерыв (с 13 до 15 часов)

После перерыва привозят Владимира Марамзина, который сам находится под следствием.

Вопросы, устанавливающие личность свидетеля. Марамзин: Да, Вы правильно произнесли, Марамзин Владимир Рафаилович... и т.д.

– Какие у Вас отношения с обвиняемым?

– Хорошие, нормальные.

Марамзин заявляет об отказе от дачи показаний. Сначала его предупреждают об ответственности за дачу ложных показаний – от 2 до 7 лет и за отказ от показаний – до 7 лет.

Марамзин: Я хотел бы услышать по отдельности об ответственности за отказ. Мне говорили, что это – до полугода исправительно-трудовых работ.

Судья: Кто Вам говорил? До семи лет.

Марамзин: Я отказываюсь давать показания.

Судья: Чем мотивируете?

Марамзин: Я в сложном положении: я сам обвиняемый, нахожусь под следствием, у меня не очень хорошая память на факты, из показаний Хейфеца, с которыми меня знакомили, я убедился, что мы с Михаилом Рувимовичем по-разному помним одни вещи. Он имеет юридическую помощь, я нет. Я боюсь за свою участь, это естественно.

Прокурор: Я все же хотел бы задать пару вопросов. Думаю, что Марамзин просто *не хочет* давать показания, ведь ответственность он несет только за *заведомо ложные*. Попробуйте все же ответить мне. Знаете ли Вы что-либо о статье Хейфеца и что?

Марамзин: Я действительно давал показания на своем следствии и все сказал там. Майор Рябчук мне не доверяет, называет меня "вражина".

Прокурор: Вы просто не хотите давать показания!!!

Марамзин: Нет, я просто опасаясь за свою участь.

Прокурор: Тогда у меня вопрос к Хейфецу: при каких обстоятельствах написана статья?

Хейфец: Повторяет все.

Прокурор: Хотите что-нибудь сказать, Марамзин?

Марамзин: Я помню это не так. Хейфец при встрече рассказывал мне, как относится к стихам Бродского, там были интересные мысли по поводу Державина и пр. Я сказал, что вот хорошо бы это и записать. Не помню, чтобы речь шла о *предисловии*, не говорил, прочитав, что там политические мотивы.

Прокурор: В каком виде была статья?

Марамзин: Напечатана на машинке, но имела вид черновика.

Прокурор: Вы высказывали Хейфецу недовольство статьей?

Марамзин: Редко видимся, не помню, но что-то говорил, некоторое недоумение.

Прокурор: Просили кого-нибудь еще написать статью?

Марамзин: Я и Хейфеца не просил, я собирал написанное.

Адвокат: Вы хотели издать Бродского? Нужно ли было предисловие?

Марамзин: Я собирал все *Бродского и о Бродском*. При обыске у меня изъяли предисловие от составителя, мое — вот это и есть единственное предисловие.

Адвокат: Были ли еще статьи?

Марамзин: Была статья о русской поэзии вообще, в том числе о Бродском.

Адвокат: А еще были?

Марамзин: Да и не нужно было.

Адвокат: С какой целью Хейфец дал Вам читать статью?

Марамзин: Как знатоку Бродского. А инициатива исходила от меня.

Адвокат: Значит, он начал писать по Вашей инициативе?

Марамзин: Да.

Адвокат: А почему вернули статью Хейфецу?

Марамзин: По его просьбе.

Адвокат: Высказывали ли свое отношение к его статье?

Марамзин: Да, но не о политической стороне.

Адвокат: Что можете сказать о статье?

Марамзин: Вообще читаю выборочно, то, что мне интересно. Могу сказать, что в статье тогда обнаружил ложную мысль — делать Бродского представителем поколения.

Адвокат: Можно ли считать, что факт возвращения статьи Хейфецу свидетельствовал о непригодности для самиздата?

Марамзин: Я в самиздате ничего не издаю.

Вопрос Хейфецу о второй статье о Бродском.

Хейфец: От Эткинды мне стало известно о статье с подписью "Егор Кирк". Тогда я решил, что это вместо моей. Мне показали эту статью на следствии и сказали, что она изъята у Марамзина.

Адвокат: Значит, одна статья была заменена другой?

Хейфец: Я не могу так сказать.

Судья: Вы проработали статью?

Марамзин: Прочитал, но не проработал.

Судья: Как Вы ее оцените?

Марамзин: Она была похожа на школьный учебник литературы. Но я не очень хорошо помню ее, у меня избирательная память.

Судья: Что это еще за избирательная память? Звонили ли за рубеж?

Марамзин: Да.

Судья: Когда?

Марамзин: В день обыска.

Судья: В какие страны, о чем?

Марамзин: Франция, США. Вот я рассказал про статью и не хотел бы более отвечать на вопросы.

Судья: Мы не дети! Это не детский сад! А еще институты кончатете!!

Конец заседания

Продолжение заседания – 10 сентября 1974 года

Свидетели Загреба В.А., Стругацкий Б.Н., Стругацкая А.А.,
Воскобойников В.М., Филатов Ю.П.

Свидетель Загреба

Судья: Были ли к Вам вопросы на предварительном следствии?

Загреба: Да.

Судья: Что Вам известно по настоящему делу?

Загреба: С Хейфецем я познакомился где-то за две недели до обыска у меня, познакомился в доме у моих знакомых. У нас было две-три встречи, в одну из них он передал мне свою медицинскую статью и некоторые материалы, вот, собственно, и вся легенда этих отношений, потом было предварительное следствие.

Судья: Знаете ли подсудимого?

Загреба: Если считать 4-5 сеансов знакомством, то знаю.

Судья: Ну, вот и расскажите о Ваших сеансах.

Загреба: Они носили эпизодический, незапланированный характер, иногда это было 4-5 фраз.

Судья: Чем начинали и чем кончали?

Загреба: Начинали "здравствуйте", кончали "до свидания". Один сеанс был более продолжительным — где речь шла о медицинской статье.

Судья: Передавал ли Вам подсудимый материалы, какие, когда?

Загреба: Да, где-то в конце марта этого года, папку с какими-то материалами, с которыми я не успел познакомиться.

Судья: Какие материалы, назовите.

Загреба: Медицинская статья, статья Домбровского, письмо по поводу молодых прозаиков, показавшееся мне крайне неприятным.

Судья: Бывали ли на квартире подсудимого?

Загреба: Один-два раза.

Судья: Получали ли от него "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" Амальрика?

Загреба: Не помню, было ли это в папке, так как так и не успел ознакомиться.

Судья: А "Хронику текущих событий"?

Загреба: Тоже не помню.

Судья: А Фенсона "Смоленск в годы советской власти"?

Загреба: Не помню.

Судья: А как передавались документы, в папке? В закрытом виде?

Загреба: По-моему, да. Это было не так важно, я не обращал внимания.

Судья: Почему?

Загреба: Не имело значения.

Судья (Хейфецу): Какие передавали документы?

Хейфец: Все не помню, но конкретно все упомянутые Вами были там.

Судья: А зачем передавали?

Хейфец: Это было очень случайно, при второй встрече. Во время первой говорили о медицинских статьях, я предложил Загребе соавторство, дал свою статью, чтобы познакомить его с тем, как я пишу о медицине. При этом из ящика стола вывалился самиздат, мне показалось, что Владимиру Алексеевичу это интересно, я сам отобрал материалы, какие — он не знал. Это вышло случайно и непреднамеренно.

Судья: Сколько они у него были?

Хейфец: Видимо, неделю. Как я понял по материалам следствия, они были им уничтожены. Документы там были прямо противоположного характера, никакой цели пропаганды не было.

Судья: Он просил Вас дать их ему?

Хейфец: Нет, я увидел по глазам, что ему интересно, и дал.

Судья: Вы что, имеете медицинское образование?

Хейфец: Нет, но это та сфера, которая меня интересует, как писателя (называет две свои напечатанные статьи).

Судья: Как же Вы, не зная медицины, пишете на эти темы?

Хейфец: Я беру в соавторы врачей, беру у них интервью.

Судья: Это что же, плагиат выходит? Присваиваете их труды?

Хейфец – объясняет еще раз, подробнее.

Судья: Значит, пользуетесь данными людей знающих. (Обращаясь к Загребе) Слышали показания Хейфеца? Все правильно?

Загреба: Абсолютно.

Судья: Знакомились ли с материалами в папке?

Загреба: Первый же из них показался мне настолько омерзительным...

Заседатель: Это был действительно антисоветский материал?

Загреба: Да, это было письмо в ЦК КПСС трех авторов, антисемитский и антисоветский документ.

Прокурор: Знакомились ли со статьей "Иосиф Бродский и наше поколение"?

Загреба: Да, одним глазом проглядел, будучи у моих друзей, живущих в одном доме с Хейфецем.

Прокурор (Хейфецу): Не могли бы Вы все же более вразумительно (Вы извините меня) объяснить, почему Вы дали эти материалы Загребе?

Хейфец: Перед этим у нас с ним был разговор, он сказал, что в нашем споре с Эткиндоном он на стороне Эткинды, из этого я понял, что статью мою он знает, почувствовал доверие, потону и дал.

Адвокат (Хейфецу): То есть статью и рецензию Эткинды Вы сами Загребе не давали?

Хейфец: Нет.

Судья (Хейфецу): А кому передавали статью?

Хейфец: Марии Ефимовне Эткинд с тем, чтобы она передала отцу.

Адвокат (Загребе): Вы прочли только статью?

Загреба: Да, взяв ее в столе у Марии Ефимовны. Рецензию не читал.

Адвокат: Были ли у Вас с Хейфецем какие-либо политические разговоры?

Загреба: Нет.

Адвокат: Успели ли прочесть те материалы, что были в папке?

Загреба: Нет, не в курсе даже, что там еще было.

Судья: Есть еще вопросы к свидетелю? Нет? Садитесь.

Вызывается свидетель Стругацкий Борис Натанович

Судья: Что Вам известно по настоящему делу?

Стругацкий: Прошу задавать конкретные вопросы. (Препирательство с судьей по этому поводу, пока судья не задает вопрос: Знаете ли Вы подсудимого?) Давно, лет десять, познакомился в Доме писателей, дружеские отношения, считал его всегда талантливым писателем, с удовольствием читал, знаю как хорошего и честного человека, прекрасного семьянина.

Судья: Когда и как прочли его статью о Бродском?

Стругацкий: Как-то зимой 74 года он пришел ко мне и дал прочесть, я прочел при нем же.

Судья: Он пришел к Вам и сам принес?

Стругацкий: Да.

Судья: Что сказал при этом?

Стругацкий: Что написал статью для какого-то сборника о Бродском. Он обычно приносил мне все написанное, это не было чем-то особенным.

Судья: Что можете сказать о статье?

Стругацкий: Она мне, собственно, не понравилась. Показалась скучной, я плохо разбираюсь в поэзии, это я ему и сказал.

Судья: Почему не понравилась?

Стругацкий: Просто показалась неинтересной; возможно, дело в том, что это был еще черновик, возможно, в той беглости, с которой я прочел...

Судья: Что сказали ему, когда прочли?

Стругацкий: Не помню точно, всегда трудно говорить что-то автору, если не понравилось...

Судья: И все-таки?

Стругацкий: На предварительном следствии меня познакомили с показаниями Хейфеца о том, что я сказал ему: "Миша, тебя посадят." Может быть и так, но не так буквально. Возможно, я имел в виду печатание статьи за границей.

Судья: Значит, Вы сказали "посадят"?

Стругацкий: Не нужно понимать так буквально. Я могу сказать другу, берущему у меня книгу: "Не вернешь в понедельник – убью". Это ведь не значит, что действительно убью. Правда, теперь я вижу, что не очень преувеличил...

Судья: Что же Вы все-таки имели в виду, говоря эти слова?

Стругацкий: Что может случиться, если статья будет опубликована за границей.

Заседатель: А откуда эта мысль про за границу?

Стругацкий: Он мне сказал.

Прокурор: Что Вы говорили на очной ставке с Хейфецем?

Стругацкий: То же самое.

Прокурор: Не совсем. Ну, а что породило все же Ваше "преувеличение" – "тебя посадят"? Ведь Вы говорили о "статье 70"?

Стругацкий: Я говорил это, помнится, *после* обыска, когда у Хейфеца был изъят самиздат. Про обыск он мне рассказал.

Прокурор: Что же породило "посадят"?

Стругацкий: Если речь идет о статье, то я думал о том, что публикация за границей неопубликованных у нас произведений не одобряется.

Прокурор: А по содержанию самой статьи? Что Вы говорили на предварительном следствии?

Стругацкий: Что статья мне не понравилась, что местами кажется мне злой, ибо Хейфец беспощаден к людям, виновным в судьбе Бродского, что она слишком заострена...

Прокурор: Говорили, что статья антисоветская?

Стругацкий: Нет, не могу взять на себя ответственность решать такое.

Прокурор: И на очной ставке не говорили? Нет? Категорически?

Стругацкий: Нет.

Прокурор: У меня к этому свидетелю пока вопросов нет.

Судья (Хейфецу): Было ли сказано "посадят"?

Хейфец – подтверждает слова Стругацкого, о "статье 70" говорилось *после* обыска.

Адвокат (Стругацкому): Все эти 10 лет с какой целью Хейфец носил Вам свои работы?

Стругацкий: Услышать совет, мнение.

Адвокат: А эту статью?

Стругацкий: Полагаю, с той же целью.

Адвокат: Как он отнесся к Вашей оценке? Доказывал свое? Отстаивал?

Стругацкий: Нет, нет. Принял критику доброжелательно, не в штыки, не отстаивал.

Адвокат: Шла ли речь о публикации за рубежом?

Стругацкий: Да, так он мне сказал.

Адвокат: Почему же статья не увидела свет?

Стругацкий: Думаю, что Хейфец прислушался к критике, она как-то подействовала на него.

Адвокат: За эти 10 лет беседовали ли о политике?

Стругацкий: Думаю, что да, но это не было главным в нашем общении. Больше о литературе.

Адвокат: Если такие беседы на политические темы бывали, то каков настрой Хейфеца?

Стругацкий: Он настроен политически как подавляющее большинство наших граждан.

Адвокат: Антисоветски?

Стругацкий: Ни в коем случае!

Хейфец (Стругацкому): Борис, уверен ли ты, что тот разговор о загранице был в тот вечер, а не после обыска?

Стругацкий: Не могу сказать точно.

Хейфец: Было ли сказано "посадят"? Я, помнишь, был настроен оптимистически, ты же сказал "чистая семидесятая". Не помнишь ли, что сказал о посадке тогда?

Стругацкий: Совсем не помню.

Хейфец: Мне помнится, что разговор о загранице происходил после обыска, когда из беседы со следователем я понял, что КГБ полагает, что это предназначалось для опубликования за границей.

Стругацкий: Я этого разговора не помню, но когда я говорил о статье 70, я вообще не имел в виду Бродского, а самиздат.

Прокурор (Хейфецу): А где Вы собирались публиковать статью за границей?

Хейфец: Я не собирался, услышал об этом от КГБ.

Прокурор (Стругацкому): Вернемся к вопросу об оценке этой статьи, данной Вами на очной ставке с Хейфецем 25 июля 74 года: "После прочтения статьи я понял, что она имеет антисоветский характер, и в связи с этим сказал..." (судья смотрит дело, зачитывает это же место).

Стругацкий: Думаю, что такого рода запись могла появиться, потому что я был утомлен. Помню случаи, когда мне удавалось просить следователя, чтобы он не писал слово "антисоветский", здесь я, очевидно, проморгал.

Прокурор: Но ведь Вы не ошиблись!

Стругацкий: Я профессионалом в политических оценках себя не считаю. Видно, пропустил это место при чтении протокола.

Судья: Подпись Ваша есть, никаких заявлений Вы не делали.

Стругацкий: Промал.

Прокурор: Что же это? Это означает, что внутренне Вы так и считаете, но полагаете, что на следствии так говорить не надо.

Стругацкий: Нет, это не так.

Прокурор: А Хейфецу как говорили?

Стругацкий: Ему я слова "антисоветский" не говорил.

Прокурор: Вы грамотный человек, работник идеологического фронта! Позиция Ваша мне понятна!

Адвокат: А мне не понятна! Что Вы имели в виду, когда говорили "посадят"?

Стругацкий: Говоря это, я не имел в виду содержания статьи вообще! Только случай опубликования за границей.

Адвокат: Только это?

Стругацкий: Думаю, да.

Вызывается свидетельница Стругацкая Аделаида.

Судья: Что Вам известно по настоящему делу?

Стругацкая: Я не знаю, что я должна говорить.

Судья: Какие вы все непонятливые! Когда познакомились с Хейфецем? Какие отношения? Охарактеризуйте.

Стругацкая: Отношения приятельские, хотя виделись редко. Человек интересный.

Судья: Читали ли его рукопись?

Стругацкая: Да, названия не знаю, о поэзии Бродского.

Судья: Одна читали или с кем-нибудь?

Стругацкая: С мужем.

Судья: Когда?

Стругацкая: Зимой.

Судья: Кто принес?

Стругацкая: Михаил Рувимович.

Судья: Что сказал, принеся?

Стругацкая: Не помню.

Судья: Читали?

Стругацкая: Просмотрела.

Судья: Какие сделали выводы?

Стругацкая: Никаких.

Судья: А на предварительном следствии что показали?

Стругацкая: Что мне не понравилась статья.

Судья: Почему?

Стругацкая: Больше люблю читать поэзию, чем статьи о ней.

Судья — зачитывает показания А. Стругацкой на предварительном следствии, Стругацкая требует прочесть примечание, когда судья читает место со словами "антисоветская направленность".

Стругацкая: Сожалею, что не попросила следователя вычеркнуть эту формулировку.

Судья: А чего же расписывались? Вас ведь предупреждали об ответственности?

Стругацкая: Стала писать примечание о другом, а это пропустила.

Судья: Как часто Хейфец бывал у вас и почему принес статью?

Стругацкая: Литературные дела с мужем.

Судья: Не говорил ли муж "посадят"?

Стругацкая: Я при этом не была.

Судья (из показаний Стругацкой): "Не помню, но допускаю, что муж мог так сказать, т.к. по содержанию она заслуживает такой оценки". Какое же это содержание?

Стругацкая: Был трехчасовой допрос, я не помню таких своих слов.

Судья: Не три часа, а два. Кого-то Вы обманываете — либо следователя, либо нас! Зачем же расписывались?!

Стругацкая: Это моя глупость. Честное слово, я говорю правду. Я не помню содержания статьи и не помнила его у следователя.

Судья снова обращается к Хейфецу с вопросом, зачем принес Стругацким статью, Хейфец повторяет уже говорившееся. *Адвокат* (Стругацкой): Какие отношения у Хейфеца с Вашим мужем?

Стругацкая: Дружеские.

Адвокат: Кто из них на кого больше влиял?

Стругацкая: Взаимно. Уважительно.

Адвокат: А Ваш муж носил Хейфецу свои работы?

Адвокат: Мнение Вашего мужа имело значение для Хейфеца?

Стругацкая: По-моему, это было равноправной дружбой.

Адвокат: С какой целью он пришел к вам в тот раз?

Стругацкая: Чтобы муж оценил его труд.

Вызывается свидетель Воскобойников Валерий Михайлович, член СП и зав. отделом прозы в журнале "Костер".

Судья: Расскажите о Ваших отношениях с Хейфецем.

Воскобойников: Отношения самые обычные, живем в одном доме, Хейфец – председатель жил. кооператива, познакомились год назад.

Судья: Передавал он Вам что-нибудь?

Воскобойников: Когда-то зимой зашел и попросил послушать, как он написал статью о Бродском. Я сделал серьезные замечания, после этого думал, что он выбросил статью на помойку. Еще один раз он давал мне читать что-то, кажется, Альмарика (так произносит Воскобойников), я прочел первую и последнюю страницы, это было что-то типично графоманское, что-то про Китай. Он сказал мне, что собирается это выбросить.

Судья: Давал ли он Вам читать "Хронику"?

Воскобойников: Нет.

Судья: А "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года"?

Воскобойников: Нет. А, кажется, вот так это и называлось!

Судья: А "Смоленск ..."?

Воскобойников: Да, было.

Судья: А "Хронику"?

Воскобойников: Просто не помню. Что-то он приносил, но я не читал.

Судья: Когда это было?

Воскобойников: Поздней осенью или зимой.

Судья: Что сказал?

Воскобойников: Что собирается выбросить. На один час оставил у меня, но я тогда был очень занят.

Судья: Какова Ваша оценка статьи?

Воскобойников: Он зачитывал ее минут 30-40. Я ему сказал, что статья совершенно не верная, в политическом отношении враждебная по отношению к советской власти, а ведь Бродский не политический поэт.

Судья: В чем видите ее враждебность?

Воскобойников: Ну, например, там была оценка чехословацких событий, оценка деятельности органов КГБ.

Судья: Он у Вас работал, в "Костре"?

Воскобойников: Не при мне, я там всего год, а Хейфец работал там 4 года назад.

Судья: Почему он все же к Вам принес, ведь Вы вот инженер по специальности?

Воскобойников: Он сказал, что хочет узнать мое мнение.

Судья: А Вы что ему сказали?

Воскобойников: Я уже сказал о враждебности (Чехословакия, КГБ)...

Судья: Ну, а начистоту – какая политическая направленность статьи?

Воскобойников: Враждебная.

Судья: Вы об этом ему сказали?

Воскобойников: Да, он поблагодарил, сказал, что подумает. Через недельку мы встретились, он сказал, что статья лежит, он ее не переделывал. Я думал, он ее просто выбросит на помойку.

Прокурор: Вы только что сказали, что Хейфец неоднократно подчеркивал свою лояльность к советской власти. А какая была необходимость это делать? Вот я этого не делаю ни раз в день, ни раз в месяц или год... А почему на предварительном следствии Вы не сразу стали давать показания?

Воскобойников: Боялся, что попадет за чтение *такой* статьи... Ну, и Хейфеца жаль было.

Прокурор (зачитывает): "Решил дать правдивые показания. Статья произвела впечатление антисоветской, поэтому я понимал, что она может повредить Хейфецу." Так ли это?

Воскобойников: Так.

Прокурор: И последнее. То он Вам дает самиздат, то собственное сочинение, антисоветское, злое. Вас не насторожило, что он все в одну точку бьет?

Воскобойников: Хейфец вообще сложен и противоречив. Ведь он писал и о революционерах...

Прокурор: Кушать-то надо!

Воскобойников: Нет, не от этого, он действительно много раз подтверждал свою лояльность. А человек сложный, странный: как-то мы шли из магазина, он разделся и в пруду выкупался...

Прокурор: Ну, это ладно... А вот помочь, поставить на ноги, Вы же в какой-то степени должностное лицо! Вы смотрите, как он настойчиво, в одну точку бил все время. Но Вы — Вы же кресло занимали.

Воскобойников: Хейфец и то и другое делал совершенно искренне.

Прокурор: Не сомневаюсь в искренности того, что он делал так настойчиво!

Адвокат: В итоге — что он Вам передал за год знакомства?

Воскобойников — снова перечисляет — Альмарик, Смоленск, Хроника...

Адвокат: Что Вы из этого читали?

Воскобойников: Ничего. Альмарика — первую и последнюю страницы.

Адвокат: Как долго они у Вас пробыли?

Воскобойников: Часа три. Он говорил, что хочет выбросить.

Адвокат: Что сказал Вам Хейфец, придя, о статье?

Воскобойников: Что хочет узнать мое мнение.

Адвокат: Вы были уверены, что он все выбросил. Почему сложилась такая уверенность?

Воскобойников: Когда встретились, он сказал: "Да я забросил, оставил это дело".

Адвокат: С Вашей критикой он соглашался или спорил?

Воскобойников: Говорил, что подумает.

Адвокат: Можно ли сказать, что он антисоветски настроенный человек?

Воскобойников: Уверен, что нет. Во-первых, его изданные произведения; комментировал действия советского правитель-

ства как правильные; говорил, что только слепые и политически недалёковидные люди могут выступать против советской власти. Судья (читает из показаний Воскобойникова на предварительном следствии слова об Амальрике "враждебное советскому строю произведение", Хейфецу): Зачем приносили свидетелю эти материалы?

Хейфец: Он знает стихи Бродского. До этого я давал статью Емельянову, он подверг резкой критике. Воскобойников тоже говорил, что не верно. По-моему, я сказал не "подумаю", а "переделаю".

Судья: Чего же не переделали?

Хейфец: Не получилось. Для того и попросил у Марамзина третий том Бродского. (Воскобойникову) Ты показал на предварительном следствии, что, давая Амальрика, я высказался об этом.

Воскобойников: Да, что это "забавное" произведение.

Хейфец: Но не антисоветское! Я говорил "не люблю антисоветских произведений", имея в виду в первую очередь Белинкова, а не об Амальрике.

Судья: Почему не любите?

Хейфец: Потому что мне нужна в первую очередь информация. А вот мысли выбрасывать не было, там были какие-то забавные вещи.

Адвокат: Зачем Вы дали Воскобойникову Амальрика? Просветить его?

Хейфец: Ни в коем случае!

Адвокат: Почему Вас интересовало его мнение? У Вас же есть свое?

Хейфец: Мне просто интересно было его мнение об этой вещи.

Перерыв

После перерыва вызывается свидетель Филатов Юрий Павлович, 1926 г.р., искусствовед (университет, две аспирантуры), работает сторожем в таксопарке.

Судья: Что Вам известно по настоящему делу? Знаете ли подсудимого?

Филатов: Да. Знакомство случайное, а два года назад встретились, когда оба гуляли с детьми. Я искал контактов для сы-

на. "Приходите в гости!" – "Хорошо". Так и бывало. Дети как-то рассорились, я обиделся, год не бывал. После встретились, случайно. Как-то взял книжку, фантастику, прочел, принес – а у него обыск. Меня вызвали, спросили. Предпоследний раз я был у него примерно 20-23 марта, в руки мне попала статья о Бродском. Посмотрел, он говорит: "Это все сырое", я быстро просмотрел, показалось – страниц десять. О поэте у меня представление слабое, я ему сказал: "Тут совершенно ненужные вещи, политические рассуждения". А он: "Верно, надо ее переделать в чисто академическом духе". А другая вещь – как-то я видел у него письмо Яковлеву в ответ на статью того о Солженицыне, напечатанную в "Литературке". У Хейфеца были соображения, что эта статья дезориентирует читателя, он их и записал. Хейфец понимал, что меня эти вопросы не интересуют, я от них далек, не хочу соваться. Интересны были вопросы истории.

Судья: В каком виде была его статья о Бродском?

Филатов: На машинке, черновик, исчеркан.

Судья: Что Вы ему сказали?

Филатов: Что мне не нравится вся эта политика и прочее.

Судья: Почему он дал Вам статью? Что сказал, давая?

Филатов: Повторяю: "Это все сырое".

Судья: Вы прочитали статью?

Филатов: Повторяю: быстро пробежал.

Адвокат: Как же все-таки статья оказалась в Ваших руках?

Филатов: Она лежала с кипой бумаг. Я сам потянул за лист, поинтересовался. Я сам ее взял.

Вызывается свидетельница Эткинд Мария Ефимовна.

Судья: Эткинд Ефим Гиршевич – Ваш отец? Он что – болен?

Эткинд: Да, у него стенокардическая болезнь.

Судья: Что Вам известно по настоящему делу?

Эткинд: Прошу конкретных вопросов.

Судья: Как знакомы с подсудимым?

Эткинд: Живем в одном доме, знакомы с начала 74 года, до этого – шапочное знакомство. Познакомились у общих друзей в этом же доме, завязались дружеские отношения.

Судья: Передавал ли Вам Хейфец что-либо для чтения?

Эткинд: Повесть об Александре Ульянове "Дорога на эшафот". Больше ничего не читала.

Судья: Читали ли его статью о Бродском?

Эткинд: Не читала.

Судья: Когда Вы передали отцу эту статью?

Эткинд: В этом году, по-моему, в начале весны.

Судья: По поручению Хейфеца?

Эткинд: Это не было поручением. Михаил Рувимович дал мне статью, чтобы ее прочел отец.

Судья: Ну, хорошо, не поручение, а просьба; значит, Вы выполнили просьбу и передали статью. А сами не читали?

Эткинд: Нет.

Судья: Что сказал отец?

Эткинд: Не вдавался в разговоры. Насколько я помню, критиковал, но так как я не читала статью, мне трудно.

Судья: В чем заключалась критика?

Эткинд: В том, что здесь меньше литературного анализа, чем общественно-политического.

Судья: Почему на предварительном следствии отрицали получение и передачу статьи?

Эткинд: Поскольку считала, что это меня компрометирует, считала, что раз я не читала, то это не существенно...

Судья: Вы хоть начинали читать?

Эткинд: Посмотрела первую страницу — мне не было интересно (грудной ребенок, очень занята...).

Судья сравнивает с показаниями, данными Эткинд на предварительном следствии, — там сказано "не дочитала".

Эткинд: Это вина следователя!

Судья читает нотацию об ответственности за дачу ложных показаний и пр.

Прокурор: Кому еще давали для ознакомления эту статью?

Эткинд: Никому.

Прокурор: Вспомните! А Загребе?

Эткинд: Не давала.

Прокурор: Когда заболел Ваш отец?

Эткинд: Примерно в середине апреля.

Прокурор: С тех пор лежит, не ходит ?

Эткинд: Я передала суду медицинскую справку, там все сказано.

Прокурор (Хейфецу): К кому еще через свидетельницу пошла Ваша статья?

Хейфец: Я знаю только – к Ефиму Григорьевичу Эткинду.

Прокурор (Загребе): Как к Вам попала статья?

Загреба: Повторяю: пришел как-то к Марии Ефимовне посчитать пленку (это моя научная работа), полез в стол за логарифмической линейкой, наткнулся.

Прокурор: Что же после того, как наткнулись?

Загреба: Как и сказал ранее – проглядел одним глазом.

Адвокат (Эткинд): Не было ли у Вас с Загребой разговора об этом?

Эткинд: Я и не знала, что он посмотрел.

Судья (Хейфецу): Почему решили передать через свидетельницу?

Хейфец: Я очень мало был знаком с самим Е.Г. Эткиндром.

Вызывается свидетель **Нафтульев, 1935 г.р., б/п, до прошлого года работал в журнале "Костер", теперь литературный работник по договорам.**

Судья: Что Вам известно по настоящему делу?

Нафтульев: Мне известно немного. Я повторяю то, что сказал на предварительном следствии. Знаком с Хейфецем с 1963 года, когда он пришел в журнал "Костер", стал перспективным автором этого журнала. Я был его редактором (его повести) в журнале напечатано несколько его вещей. Он работал временно в редакции. Отношения между нами дружеские, мы виделись, но не регулярно.

На предварительном следствии я показал, что несколько лет назад Хейфец показал мне письмо в ЦК КПСС Щербакова, Смирнова, Утехина. Этот документ мы не обсуждали. В ходе предварительного следствия мне сообщили, что Хейфец дал мне несколько лет назад Амальрика. Я не могу вспомнить этого. Здесь что-то перепутано. Я сказал: "Если Хейфец считает, что это было, значит, так оно и было", но я не помню.

Судья: Вы много вообще читаете рукописей?

Нафтульев: Да, и читаю, и пишу.

Судья: Вспомните все-таки, читали ли Вы Амальрика?

Нафтульев: Просто не знаю, что это такое. Либо Михаил Рувимович ошибается, либо так уж я совсем забыл. Если бы я не считал, что Михаил Рувимович порядочный человек, я бы просто отрицал.

Судья (Хейфецу): Давали Вы ему Амальрика или нет?

Хейфец: "Помнится, что-то давал, наверное, Амальрика" — так в моем протоколе, я не беру назад показаний, но вот как получается...

Судья: А еще что-либо давали?

Хейфец: Ну, вот Нафтульев помнит о письме троих в ЦК КПСС, но этого я не помню... Не могу твердо сказать, давал ли это письмо.

Конец заседания 10 сентября

Продолжение заседания 12 сентября 1974 года

Судья говорит о свидетелях, так и не явившихся на заседание: Емельянов, Рольникайте, Рубашкин — в отпуске, Шумилова — в Москве, Е.Г. Эткинд — болен (дочь Эткинда передает справку о его болезни); спрашивает Хейфеца, полагает ли он возможным продолжение заседания в отсутствие данных свидетелей. У Хейфеца и у защиты возражений нет. Спрашивает о том же прокурора, тот обращается к Хейфецу с вопросом, знаком ли тот с материалами, все ли верно. Хейфец отвечает, что все показания отсутствующих свидетелей соответствуют истине. Прокурор полагает, что можно продолжать.

Учитывая все это, судейская коллегия решает рассматривать дело в отсутствие неявившихся свидетелей.

Судья: Есть ли дополнения? Ходатайства?

Хейфец: Нет.

Судья: Подтверждается ли экспертизой?

Эксперт: Исследованы машинописные документы, статьи, фотокопии... Все заключения, данные мною в пяти экспертизах, подтверждаю.

Адвокат — эксперту: Есть ли случаи, чтобы из шести документов, находившихся в поле зрения следствия, что-либо было напечатано не на машинке Хейфеца?

Эксперт: "Хроника текущих событий", письмо Григоренко и Костерина.

Судья (эксперту): Чьей рукой написана рецензия Эткинда на статью Хейфеца?

Эксперт (долго ищет): Рукой Е.Г. Эткинда.

Судья: А Вы что, брали у Эткинда образцы?

Эксперт: Образцы были экспериментальные.

Судья: Есть ли дополнения у сторон?

Прокурор: Нет.

Адвокат: Есть вопросы к подсудимому. Те документы, о которых идет речь, согласны ли Вы, что они содержат антисоветскую пропаганду?

Хейфец: Согласен.

Адвокат: А Ваша статья?

Хейфец: В том виде, в каком осталась — да.

Адвокат: Согласны ли , что давали читать эти документы, содержащие антисоветскую направленность?

Хейфец: Да.

Адвокат: Согласны ли, что это означало антисоветскую пропаганду?

Хейфец: Теперь, выслушав все, — да.

Адвокат: В начале предварительного следствия Вы не признали вины, затем — частично, на нашем первом заседании, а сейчас?

Хейфец: Я привык доверять мнению квалифицированных людей. Согласно моему прежнему пониманию статьи 70, я своей вины не признавал. Сейчас, послушав, — да, я нарушил закон. Я признаю себя виновным *полностью*.

Адвокат: На предварительном следствии Вы показали собственноручно: "Я лично стою за социализм, за советскую власть, признаю советскую власть историческим фактом, отвечающим мыслям и чувствам советского народа." Это отвечает Вашим мыслям?

Хейфец: Да. И всегда так думал.

Судья: Как все-таки понять Вас? На первом заседании Вы не признавали свою вину. *Ваше* мнение, личное?

Хейфец: Я действительно искренне говорю. Я понимал слово "пропаганда" как *сознательное* распространение. Сейчас я понял,

что если я просто передаю, то закон считает это преступлением.

Судья: Признаете ли себя виновным? Полностью?

Хейфец: Да. Видимо, неумышленно я это делал...

Судебное следствие закрыто. Приступают к слушанию сторон.

Прокурор: На скамье подсудимых человек, который избрал своей специальностью литературный труд. С полным основанием можно отнести его к работникам идеологического фронта, к которым относятся требования ЦК КПСС (... ..). Хейфец не только не находится на этих позициях, но наоборот, занимался антисоветской пропагандой и агитацией. Он совершил тяжкое преступление, его деятельность носила враждебный характер. Предварительным следствием установлено, что его деятельность антисоветская. С целью ослабления советской власти он систематически изготовлял, хранил и распространял заведомо ложные измышления, порочащие государственный и общественный строй. Амальрик — хранил два экземпляра, враждебное антисоветское произведение, передавал (...). Фенсон (о Смоленске) — изготовил и хранил конспект, содержащий антисоветские мысли, клевету на политику КП в области сельского хозяйства, передал Войскобойникову и Загребе. Приобрел "Хронику", письмо Григоренко и Костерина, Белинкова, хранил с целью распространения; передал "Хронику" Воскобойникову; Григоренко и др. — Загребе. Все это подтверждается имеющимися в деле фотокопиями, заключениями экспертиз. Кроме того, эти обстоятельства подтверждаются показаниями свидетелей и самого Хейфеца. Не ограничившись чужими материалами, изготовил статью антисоветского содержания "Иосиф Бродский и наше поколение". В ней клеветнически утверждал, что Советский Союз — империалистическое государство. Ознакомил с ней... (перечисляет). Все это подтверждено ... (перечисляет). Это сочинение является враждебным, направленным против нашего строя и по существу очень мало отражает задачу написать о творчестве Бродского. Таковы факты.

Сначала он отрицал вину, но *полностью* признал факты. В первый день заявил нам, что не признает себя виновным. Сейчас на вопросы и суда и своей защиты заявил, что призна-

ет себя виновным, но с оговоркой, что в момент совершения не знал закона.

Т.т. судьи, характер деятельности человека определяется не только его собственной оценкой, а — объективно. Так вот, объективные обстоятельства свидетельствуют, что инкриминируемые действия совершались им *сознательно* и были направлены на ослабление советского строя. Ни у кого нет сомнения в его эрудиции, образованности и т.п. Думаю, что подсудимый знал, *что* он делает. Да ему говорили об этом и его знакомые. Он ведь сам понимал, что даст Загребе, например, который ”не продаст”. Значит, понимал: есть, что скрывать. А распространял не только чужую литературу, но и писал свою!! В идеологической борьбе третьего не дано! Либо защищаешь, либо ты враг! Факты, которые мы обсуждали, характеризуют его как врага. Здесь говорилось о его других произведениях. Ну что же, одно другое не исключает, что поделасешь, надо кушать, кормить семью... Двуличность? Да, иначе не назовешь. Он назвал себя инакомыслящим. Каждый защищается как может, можно было выбрать и более удачное словечко для прикрытия своей враждебной деятельности. Объяснение, что самиздат — старый, а статья — черновик... Закон преследует за содержание литературы, а не за внешний вид и сроки хранения. Ряд свидетелей, как здесь говорилось, не читали этого. Закон говорит только о распространении — не важен *факт* чтения или *результат* чтения. Закон говорит об *умышленном* распространении антисоветской литературы в целях подрыва и ослабления существующего строя. Среди кого он распространял? Хейфец говорит, что среди друзей. А закон в этом смысле рамок не устанавливает. Подсудимый сделал шаг, полшага, чтобы раскаяться. Но он еще не сказал того, что в его душе....

Есть два эпизода, которые прошу исключить, как не имеющие подтверждения: передача Нафтульеву Амальрика и чтение Загребой статьи Хейфеца — нет фактов, что это с ведома Хейфеца.

Обвинение учитывает и тяжесть преступления, и характеристики, данные подсудимому, и отношение его самого. Наказание преследует воспитательные цели, но эта мера, чтоб поставить на ноги, что ли, а здесь имеет место его честность, прав-

дивость... Хоть Хейфец и признал свою вину, но у меня нет уверенности, что это так. Он оговаривает, мол, понял все здесь, а что же 4,5 месяца предварительного следствия?! Он не хочет раскаяться, разоружиться полностью, поэтому у меня нет оснований считать, что он не нуждается в длительном заключении.

Обвинение требует ПЯТИ ЛЕТ СТРОГОГО РЕЖИМА (ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ) И ДВУХ ЛЕТ ССЫЛКИ.

Адвокат: Столь суровая мера, предложенная обвинением, основана на том, что "не раскался". Представитель государственного обвинения говорит: "У меня нет уверенности..." и т.д. Это субъективная оценка. Это приговор, который превышает почти в два года срок, данный людям, чьи материалы он распространял, и не соответствует составу преступления, раскаянию, личности подсудимого. Он *активно* способствовал установлению истины по делу. Тов. прокурор, очевидно, забыл или не учел поведения Хейфеца на очных ставках, когда Хейфец *сам* напоминал свидетелям, а не наоборот, как это бывает. Он и на предварительном следствии утверждал, что в его действиях не было умысла. Говорить, что он не разоружился, это просто не понимать Хейфеца, за которым четыре месяца наблюдали и следователь, и прокурор. Хейфец считал, что лица, которым он давал читать, в состоянии критически относиться к тому, что он дает. Свою статью он считал неудачной, забраковал, она пошла в архив. Это ничем не опровергнуто, но об этом я еще скажу... С точки зрения чисто юридической тов. прокурор прав, Хейфец понял, но, к сожалению, слишком поздно. Особенность литературного труда — хранение часто и антисоветских сочинений. Закон не возбраняет *работу* с такими, "когда хранятся с целью критического анализа", закон не преследует этого. Если бы письмо Белинкова (произносит с ударением на первом слоге), работа Фенсона и прочие помогли бы ему создать литературный образ, разоблачающий сущность таких взглядов! Беда же в том, что он это передал другим — так, для интереса. Хейфец достаточно понял... Он понял, что его судят за распространение, что передача любому лицу *советского или антисоветского* произведения (хоть одного) — это уже пропаганда. Защита считает необходимым

обратить внимание на то, что обойдено обвинением. Все эти сочинения оказались поначалу у него не для распространения. Ведь за четыре года они побывали в руках только двух человек — Воскобойникова и Загребы. Можно ли говорить, что он их приобрел специально? То, что он все же передал их, это преступление, и он сам это понимает. Нафтульев — это обстоятельство не подтверждено, но тут важно, что Хейфец сам называл Нафтульева. То есть Хейфец мог перепутать, но тут ведь такое поведение Хейфеца свидетельствует об искренности! Итак, остается 4 года — и два человека! Вот и весь объем преступлений! Не имеет юридического значения, говорит тов. прокурор, *кому и при каких обстоятельствах* передал. Возможно, юридически и не имеет, но чтоб понять Хейфеца — имеет. Кто такой Воскобойников? — Коммунист. Хейфец занес ему материалы по пути в магазин, а идя из магазина, забрал. Загреба — человек с высшим образованием, знакомство на основе медицинских статей, да ведь и материалы, данные ему; были самые разные, то есть сам Хейфец предлагал Загребе и то и другое. Юридически, говорит прокурор, не имеет значения, читали ли свидетели. Да. Но юристы не могут не говорить о последствиях, значение имеет все же, *что* за этим последовало. Я все это говорю, чтобы был понятен объем того, что совершено. Сводится по сути к тому, что Хейфец дал то-то и то-то двум человекам, один из которых не читал, другой — уничтожил. Очевидно, все же главное — это его статья. Хейфец утверждает: не собирался издавать, бросил в архив и т.д. Это утверждение *никак* не опровергнуто. Забрав статью от Марамзина, он никак не пытался что-то с ней сделать. Передача статьи — в связи с этим встает вопрос о праве писателя на критику товарищей, об обращении к ним и т.д. Отрадно, что *все* наши литераторы критиковали статью. И Хейфец и я должны их всех благодарить. Этим они предостерегли его от больших бед, ошибок. Хейфец не учел, что надо отличать проблемы, порождаемые трудностями нашего развития, от подлинных. Прокурор сказал, что третьего не дано, а мне вспомнились крылатые слова Кирова о том, что прошли времена вопросов, нравятся ли вам советская власть, теперь вопрос — нравитесь ли вы ей. *Поняв* антисоветский характер статьи, он, конечно, не должен был продолжать передавать ее, ведь там явно были

антисоветские взгляды. Это — уже преступление, и я с удовольствием констатирую, что Хейфец это понял. Кстати, понял и на предварительном следствии, не только на суде.

Хейфец понял, что не прав и *по существу*. Он говорил: Я не антисоветски настроенный человек, а заблудшая душа, ссылаясь на слова Л.И. Брежнева. Есть показания других: Стругацких, Воскобойникова, которые говорили, сознавая свою ответственность и расписавшись, что он не антисоветский человек. Хейфец писал о революционерах. И вдруг такая статья! Как это объяснить? Я мучался. Это объяснить можно только словами Писарева: "В человеке могут возникнуть и низкие мысли, побуждения, однако это вовсе не значит, что они выражают нравственную природу человека". Есть два Хейфеца. Его истинная природа — в его серьезных работах. Заявлять, что они сделаны только для куска хлеба, из двуличия — это не соответствует действительности!!! Одна статья — или *сорок* опубликованных работ!!! Несправедливо утверждение обвинителя!

Думаю, что все им написанное должно как-то лечь на чашу весов Фемиды, а на другой — его статья о Бродском, Амальрик и пр. Пусть стрелка весов будет мерилom личности. Ведь, кстати, статью о Бродском прочли 11-12 человек, а напечатанное — сотни тысяч.

Содержание статьи 70 УК РСФСР сопоставьте с совершенным Хейфецем. В этой статье есть и потолок, но есть и низший предел, в ней есть и шесть месяцев, и просто высылка (адвокат подробно говорит о ст. 70). Надеюсь, вы воспримите не в той интерпретации, что предложил прокурор. Вы все учтете. И что Хейфец — больной человек, сердечник, уже лежал в больнице с предположением на инфаркт. Надеюсь, что силу правосудия вы продемонстрируете гуманностью советского правосудия!

(Аплодисменты зала)

Прокурор: Защита утверждает, что я не принял во внимание признание Хейфеца, которое он сделал в конце. Я ошибся. Он не сделал и *полшага!* Антисоветская пропаганда по неосторожности совершена быть не может. Нет, он *понимал*, что делал. Это *не признание*, он не раскаивается! Это государственное преступление, и преступник должен нести ответственность.

Адвокат: Я благодарен прокурору, что он прощает мне мою "запальчивость" (об этом было в словах прокурора). Он забирает назад даже полшага! (смех) *Умысел* я признал сразу, убежден, что понял это и Хейфец. Теперь, когда он все правильно оценил, понял, нельзя, не веря его искренности, просить определить ему наказание, почти в два раза превышающее то, которое предусмотрено для тех, кто написал эту литературу. Я не прошу "ниже низшего" (ст.43), прошу действовать в рамках закона – шесть месяцев или вообще высылка.

Конец заседания от 12 сентября 1974 года

Заседание 13 сентября 1974 года

Хейфец: Говорит о том, что честен, осознал все, о семье, детях. Я совершил ошибку и пытался ее исправить, снова преступая закон. Я не нанес вреда государству, только – себе. "Лжи за мной не было, не было и двуличия". Единственное, что удивляет, после того как я осознал свою вину, это суровость той меры, которую предложил государственный обвинитель. Просит о снисхождении.

Суд удаляется на совещание (полтора часа перерыв). Объявляется приговор: четыре года строгого режима и два года ссылки.

ДЕЛО МАРАМЗИНА

ДЕЛО МАРАМЗИНА

Протокол обыска

СССР
Комитет государственной безопасности
Управление КГБ при Совете Министров СССР
по Ленинградской области

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1 апреля 1974 года

гор. Ленинград

Следователь Следотдела Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области лейтенант Гордеев с участием сотрудников того же Управления ст. лейтенантов Миньчукова, Чудинова и лейтенанта Тимошенко на основании постановления о производстве обыска от 29 марта 1974 года с соблюдением ст. ст. 169-171, 176-177 УПК РСФСР произвел обыск в квартире Марамзина Владимира Рафаиловича по адресу: гор. Ленинград, ул. Софьи Ковалевской, д. № 17, корп. 3, кв. 105.

При обыске присутствовали Марамзин Владимир Рафаилович и Султанова Татьяна Михайловна,

и понятые Смирнова Галина Владимировна, прож.: г. Ленинград, ул. Митрофаньевская, д. 4, кв. 27, и Хорошев Игорь Григорьевич, прож.: г. Ленинград, ул. Гранитная, д. 4, кв. 62,

которым разъяснены их права и обязанности, предусмотренные ст. 135 УПК РСФСР. Всем присутствующим лицам в соответствии со ст.ст. 141 и 169 УПК РСФСР разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу этих действий и замечания, подлежащие занесению в протокол.

Перед началом обыска, в соответствии с требованиями ст. 170 УПК РСФСР, Марамзину В.Р. предъявлено постановление

о производстве обыска от 29 марта 1974 г. и предложено добровольно выдать предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела.

После этого Марамзин В.Р. добровольно выдал: 1) Документ, исполненный на 4-х листах типографским способом, под названием: "Издательство "Посев" – писателям, поэтам, литературным критикам и деятелям искусства и науки", начинающийся со слов "Издательство "Посев" и заканчивающийся словами: " ... советских авторов".

2) Документ на одном листе, исполненный типографским способом, начинающийся словами: "Посев" и заканчивающийся: "... 1952 года (русский текст)".

3) Машинописный документ на 47 листах под названием: "Николай Бердяев. Этическая проблема в свете философского идеализма", начинающийся после названия словами: "Цель моей статьи..." и заканчивающийся: "... человеку и духу – свобода".

4) Книга под названием: "Осип Манделъштам. Том третий", издательства Международное Литературное Содружество, за 1969 год.

5) Книга под названием: "The Living Mirror", издательства "Garden City, New York", на иностранном и русском языках.

6) Книга под названием : "Николай Бердяев. Смысл истории".

7) Книга под названием: "Вестник русского студенческого христианского движения", издательства Париж–Нью-Йорк, № 100.

8) Книга под названием: "Вестник русского студенческого христианского движения", издательства Париж–Нью-Йорк, № 104-105.

9) Книга под названием: "Вестник русского студенческого христианского движения", издательства Париж–Нью-Йорк, № 103.

10) Машинописный документ на 18-ти листах, начинающийся со слов: "Н.А. Берд. (конспект)..." и заканчивающийся словами: "... человеческого образа".

11) Книга под названием: "Владимир Набоков. Лолита", издательство "Phaedra Publishers".

После этого в квартире был произведен обыск, в результате которого было обнаружено и изъято:

1) Пишущая машинка марки "Олимпия" устаревшей конструкции, № 546388, в деревянном футляре.

2) Книга на иностранном языке под названием: "Solzhenitsyn", издательства „Penguin Books”.

3) Машинописный текст на 132 листах под названием: "Владимир Марамзин. Командировка из города в город", в дерматиновой обложке темно-коричневого цвета.

4) Машинописный документ на 25-ти листах под названием: "Федот Сучков. Вокруг пальца", начинающийся словами: "В голову лезла ..." и заканчивающийся словами: "... поеду. Мерси!"

5) Папка "Для бумаг", в которой имеются два экземпляра машинописного документа под названием: "Командировка из города в город", начинающихся словами: "Вечером люди..." и заканчивающихся: "...Отъезд", на 122-х листах каждый.

6) Машинописный документ с рукописными пометками на 131 листе под названием: "Командировка из города в город", в дерматиновой обложке темно-коричневого цвета.

7) Машинописный документ на 16-ти листах под названием: "Забвение", начинающийся словами: "Предельный круг..." и заканчивающийся словами: "... напоминающих ни о чем".

8) Машинописный документ на 45-ти листах под названием: "Валерий Холоденко. Сильный ловец перед господом", начинающийся словами: "Когда подходит суббота..." и заканчивающийся словами: "... май-октябрь 1969 года".

9) Машинописный документ на 51-м листе под названием: "Владимир Марамзин. Секреты", начинающийся со слов: "Построили длинное..." и заканчивающийся словами: "... на всю свою жизнь".

10) Машинописный документ на 2-х листах под названием: "Владимир Марамзин. Водка", начинающийся словами: "Валя, мы взрослые..." и заканчивающийся: "... сразу сказать".

11) Машинописный документ на 87-ми листах под названием: "Владимир Марамзин. Тянитолкай", начинающийся со слов: "И вот проснулись..." и заканчивающийся словами: "...с облегчением. Январь 1966 года", в папке "Для бумаг".

12) Машинописный документ на 71-м листе под названием: "Владимир Марамзин. История женитьбы Ивана Петровича", начинающийся словами: "О.Антоновой" и заканчивающийся: "... и обоих сердил".

13) Машинописный документ под названием: "Богооставленность" на 67-ми листах, начинающийся словами: "Боже мой..." и заканчивающийся: "... слово 80-е", в папке "Для бумаг".

14) Машинописный документ на 134-х листах под названием: "Обрезанное сердце", начинающийся словами: "Царство Божие..." и заканчивающийся: "... в одном духе", в папке "Для бумаг".

15) Папка с надписью: "Черновые тетради", в которой имеются:

а/ Машинописный документ на 148-ми листах под названием: "Тетрадь № 1 (коричневая книга)", начинающийся словами: "Прозаические отрывки..." и заканчивающийся словами: "...тебя зарезать";

б/ Машинописный документ на 39-ти листах под названием: "Черновая деревенская тетрадь № 2", начинающийся со слов: "Черная книга" и заканчивающийся словами: "... хоч-чу тебя зарезать";

в/ Машинописный документ на 15-ти листах под названием: "Черновая тетрадь № 3", начинающийся словами: "Голубая книга" и заканчивающийся словами: "... или булжж-ник";

г/ Машинописный документ на 80-ти листах под названием: "Черновая тетрадь № 4", начинающийся словами: "Серая Книга учета" и заканчивающийся словами: "... необходимо мне";

д/ Машинописный документ на 17-ти листах под названием: "Розовая тетрадь", начинающийся словами: "Всего стр. с текстом ..." и заканчивающийся: "... датир. 1963";

е/ Машинописный документ на 42-х листах под названием: "Белая "Книга учета", начинающийся словами: "Всего в тетради..." и заканчивающийся: "... сиживали мы";

ж/ Машинописный документ на 34-х листах под названием: "Польский блокнот", начинающийся словами: "С

надписью ...” и заканчивающийся: ”... Яну Паранжовскому”.

16) Папка ”Для бумаг”, в которой имеются:

а/ Машинописный документ на 2-х листах под названием: ”Огорченная свадьба”, начинающийся словами: ”По деревне...” и заканчивающийся: ”...не доедает”;

б/ Машинописный документ на 3-х листах под названием: ”Железная стенка”, начинающийся словами: ”Разве может...” и заканчивающийся: ”... железной стены”;

в/ Машинописный документ на 3-х листах под названием: ”Симкин”, начинающийся словами: ”В воскресенье...” и заканчивающийся: ”... его Симкин”;

г/ Машинописный документ на 49 листах под названием: ”Секреты”;

д/ Машинописный документ на 2-х листах под названием: ”Тайная курица”, начинающийся словами: ”Рассказ пойдет...” и заканчивающийся: ”...курином уме.”;

е/ Машинописный документ на 2-х листах под названием: ”Что же теперь делать?”, начинающийся словами: ”Так что ты?...” и заканчивающийся: ”...мне делать?”;

ж/ Машинописный документ на 15 листах под названием: ”День жизни полотера”, начинающийся словами: ”Утром полотер ...” и заканчивающийся: ”не разгибаться” ;

17) Папка ”Для бумаг”, в которой имеются:

а/ Машинописный документ под названием: ”Уважаемый Леонид Ильич”, на 2-х листах.

б/ Машинописный документ на 233-х листах под названием: ”Иосиф Бродский. Горбунов и Горчаков. Поэма”.

18) Рукописный документ на 4-х листах, начинающийся со слов: ”Восстание против...” и заканчивающийся словами: ”... именуемого государством”.

19) Машинописный документ на 2 листах, начинающийся словами: ”Теория государства...” и заканчивающийся: ”... никаких мыслей.”

20) Три рукописных документа на 16 листах, начинающихся словами: ”Зина первый раз ...” и заканчивающихся: ”... поделать не может”.

21) Машинописный документ на 46 листах под названием ”Секреты”.

22) Машинописный документ на 3 листах под названием: "Сила вежливой привычки".

23) Машинописный документ на 6 листах под названием: "Обстановка", начинающийся словами: "Люди сами..." и заканчивающийся: "... корп. 3 кв. 105".

24) Машинописные документы на 167 листах, начинающиеся словами: "Валя, мы взрослые..." и заканчивающиеся: "... долго прожить", в папке "Для бумаг".

25) Машинописные документы стихотворной формы на 203 листах, начинающиеся словами: "Облака проплывают..." и заканчивающиеся: ".. пришельца колеблет", в папке "Для бумаг".

26) 21 лист фотокопий иностранного текста, начинающегося со слов: „being produced...” и заканчивающегося: „...ER-RATA 703”

27) Книга под названием: "Николай Бердяев. Алексей Степанович Хомяков", 1912 года издания.

28) Книга под названием: "Г. Федотов. Социальное значение христианства".

29) Книга на иностранном языке под названием: „Russian Literature Triquarterly”, № 1.

30) Машинописный документ на 17 листах под названием: "Памятка православного христианина".

31) Машинописный документ на 113 листах под названием: "Розенкранц и Гильденстерн мертвы", в папке "Для бумаг".

32) Машинописный документ на 112 листах под названием: "Из цикла "Смешнее, чем прежде", в папке "Для бумаг".

33) Машинописные документы на 154 листах с надписью на листе обертки: "Кино, переводы", начинающиеся словами: "Синхронный стихотворный..." и заканчивающиеся: "...леденит во рту", в папке "Для бумаг".

34) Машинописный документ на 71 листе под названием: "Моралисты Руси".

35) Книга на иностранном языке под названием: „Joseph Brodsky. Debut".

36) Фотокопии текста под названием: "Юрий Анненков. Дневник моих встреч" в кустарно изготовленном переплете.

37) Папка "Для бумаг" зеленого цвета, в которой имеются:

а/ Машинописный документ на 10 листах, начинающийся словами: "Нью-Йорк Таймс..." и заканчивающийся: "... видишь ее зрителей" ;

б/ Машинописный документ на 12 листах, начинающийся словами: "Из сборника ..." и заканчивающийся: "...Скирос".

38) Машинописный документ на 13 листах под названием: "Обстановка в сумасшедшем доме".

39) Машинописный документ на 12 листах под названием: "Сюзан Масси "Живое зеркало".

40) Машинописный документ на 34 листах под названием: "И.Бродский. Фрагменты к "Слову о русской поэзии".

41) Машинописный документ на 4 листах под названием: "Оглянись без гнева".

42) Документ, исполненный типографским способом на иностранном языке на 6 листах под названием: „Says poet Brodsky...”

43) Машинописный документ на 103 листах под названием: "И.Бродский. Фрагменты к "Слову о русской поэзии", в папке "Для бумаг".

44) Машинописный документ на 217 листах под названием: "Розенкранц и Гильденстерн мертвы", в папке "Для бумаг".

45) Машинописные документы на 696 листах под названием: "Блондин обоего цвета", в папке с надписью "Блондин. Черновики".

46) Машинописные документы на 641 листе под названием: "Детские стихи, стихи на случай...", в папке "Для бумаг".

47) Машинописные документы стихотворной формы на 146 листах, начинающиеся словами: "Гвоздики твои..." и заканчивающиеся: "... днем журчит".

48) Папка "Для бумаг", в которой имеются:

а/ Машинописный документ, начинающийся словами: "Уважаемый Леонид Ильич ..." и заканчивающийся: "... Ваш И.А. Бродский";

б/ Машинописный документ на одном листе под названием: "Приказ по Дзержинскому районному отделу здравоохранения № 55 от 9 мая 1964 года";

в/ Вырезка из газеты со статьей "Тунейцам не место в нашем городе";

г/ Машинописный документ на 14 листах под названием: "Заседание народного суда Дзержинского р-на г. Ленинграда";

д/ Фотокопии на 6 листах иностранного и русского текстов, начинающегося словами: "Эней и Дидона..." и заканчивающегося: "...descriptive surface";

е/ Шесть экземпляров машинописного документа под названием: "От составителя", начинающегося словами: "4 июня 1972 года, едва..." и заканчивающегося: "Марамзин";

ж/ Два экземпляра машинописного документа под названием: "Дело № 78. Определение";

з/ Два экземпляра машинописного документа, начинающегося словами: " Уважаемый товарищ директор..." и заканчивающегося: "... копии данного письма ...";

и/ Документ на 9 листах под названием: „Texts and Documents”;

к/ Три экземпляра машинописного документа под названием: "Почему умер Чехов";

л/ Лист белой бумаги с машинописным текстом, начинающимся со слов. "И.А. Бродский. Книга ..." и заканчивающимся: "... в резервуаре";

м/ Лист белой бумаги с машинописным текстом, начинающимся со слов: "Пятитомник Иосифа Бродского ..." и заканчивающимся: "... из этого собрания".

49) Машинописный документ на 247 листах под названием : "Командировка из города в город", в папке "Для бумаг" с надписью: "Ком-ка. Повесть".

50) Машинописные документы на 355 листах в папке "Для бумаг" с надписью: "Цикл "Секреты" – черновики.

50) Папка с надписью: "Инакомыслимый", в которой имеются:

а/ Машинописный документ под названием: "Отсуха" на 2 листах;

б/ Машинописный документ на одном листе под названием: "На смерть товарища";

в/ Машинописный документ на 2-х листах под названием: " Власть – это мы!";

г/ Машинописный документ на трех листах, начинающийся со слов: "Стенгазета..." и заканчивающийся: "... при парадности";

д/ Два экземпляра машинописного документа на одном листе каждый, начинающегося словами: "На смерть..." и заканчивающегося: "... участием подвига".

51) Папка с надписью: "Чужие." "Секреты" с машинописными документами на 168 листах, начинающимися словами: "Кадры..." и заканчивающимися: "... за работу, товарищи".

52) Машинописный документ на трех листах, начинающийся словами: "От составителя.." и заканчивающийся: "В. Марамзин".

53) Машинописный документ на 122 листах под названием: "Командировка из города в город".

54) Папка с надписью: "Бродский", в которой имеются машинописные и рукописные документы на 234-х листах, начинающиеся словами: "Примечания составителя" и заканчивающиеся: "... Каковы твои жертвы".

55) Папка с надписью : "Контрольные экз. (продолжение)" с машинописными документами на 184 листах, начинающимися словами: "Осенний вечер..." и заканчивающимися: "... и днем журчит".

56) Папка с надписью: "4г. экз." с машинописными документами на 230 листах, начинающимися словами: "Детские стихи, стихи на случай" и заканчивающимися: "... вода поднялась".

57) Алфавитная книжка на 50 листах с записями адресов, начинающимися со слов: "Аптека (на Энгельса)" и заканчивающимися: "... Б.Сидоров 291-64-30".

58) Записная книжка на 37 листах с записями адресов, начинающимися: "15-57-68 Валя..." и заканчивающимися: "291-62-38".

59) Записная книжка на 49 листах с записями адресов, начинающимися: "Иск. 243-07-52" и заканчивающимися: "...47-06-53".

60) Лист бумаги с записями номеров телефонов, начинающимися со слов: "1. Анна Мих. ..." и заканчивающимися: "... Анастасьевич Братуха".

61) Конверт с вложением, адресованный "Марамзину", с обратным адресом: "Крынскому А., Харьков-24..."

62) Письмо с конвертом, адресованное "Марамзину", начинающееся со слов: "Милый Володя..." и заканчивающееся: "... сердечный привет. А.Н. "

63) Письмо с конвертом, адресованное "Марамзину", начинающееся со слов: "Милый Володя, очень..." и заканчивающееся: А.Н. 4/ХП-68 г."

64) Письмо с конвертом, адресованное "Марамзину", начинающееся словами: "10 ноября 1968 года..." и заканчивающееся: "... в, Л-де, Марк".

Замечания и заявления по поводу обыска: Замечаний и заявлений по поводу обыска не поступило.

Обыск производился при смешанном освещении с 8 час: 15 мин. до 19 час. 10 мин.

При обыске опечатано: При обыске ничего не опечатывалось.

Протокол составлен в двух экземплярах, каждый экземпляр на 7 листах.

Протокол прочитан, записан правильно.

Лицо, у которого производился обыск (*подпись*)

Понятыя (*подписи*)

Следователь Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области лейтенант Гордеев (*подпись*)

Сотрудники УКГБ ЛО (*подписи*)

Копию протокола обыска получил (*подпись*)

1 апреля 1974 года

За справками обращаться по адресу: Ленинград, Литейный пр., дом 6, приемная УКГБ ЛО.

Открытое письмо писателя В. Марамзина
"Война против писателей"

Очередь дошла до нас. Я и мои ленинградские друзья всегда с огорчением смотрели на писателей, которые позволили использовать себя в политической возне. Теперь мы видим по себе, что сие от нас не зависит. Даже предельно кристальное отношение к литературе, даже единое стремление всего лишь пронести традицию, не дать погаснуть свече — это преступно в нашей стране.

Нам сейчас примерно по сорок лет. Из них почти 20 мы пытались принести пользу своей стране и ее людям в той форме, в какой это нам дозволено.

Я никогда не отказывался от литературной работы и писал сценарии для телевидения, научно-популярного кино и т.д., несмотря на то, что я чистый прозаик. "Ничего, — говорил я себе, — просто нужно работать не 10, а 16 часов в сутки, тогда успеешь и свою прозу написать, и сделать нечто, имеющее шанс выйти к читателю. А проза пусть лежит в столе, ждет своего часа. Не нужно торопиться."

Сценарии, впрочем, в результате тоже почти всегда ложились в стол или на экране оказывались совершенно неузнаваемыми. Радовали только детские книжки. Они выходили. Их у меня три. Дети, как я убедился, их любят.

Но вот оказалось, что, и лежа в столе, наша литература раздражает тех, кто вершит наши судьбы. Меня обыскали, увезли больше 10.000 листов моих рукописей, а также все стихи поэта Иосифа Бродского, с которым мы были дружны. Начались затяжные допросы. Конфисковали машинку — я не могу теперь написать пустячную рецензию, чтобы заработать на жизнь.

В чем же меня обвиняют? Я не знаю. Я свидетель по делу № 15. Все, что мне о нем сказали, — это дело о распространении в Ленинграде документов, порочащих советский государственный и общественный строй.

Никогда никаких документов я не распространял. Но, ока-

зывается, стихи и рассказы — это тоже документы. Они так и названы в протоколе обыска: "Документ под названием "Блондин обеего цвета" (это моя повесть) или "документ в стихотворной форме". Тогда конечно. Тогда надо срочно "тащить и не пущать", а то — не дай бог! — напишем и распространим еще какие-нибудь документы, вроде: документ под названием "Бедная Лиза", документ в стихотворной форме под названием "Евгений Онегин". Что, уже написаны, распространены миллионами тиражей? А подать сюда авторов! Как это умерли? Смерть без указания КГБ? Это же факт религиозной пропаганды!

На одной из обысканных папок у меня случайно записана фраза, которая бросилась в глаза лейтенантам, мастерам уголовного обыска. Папка записана в протокол так: папка под названием "инакомыслимый". Внутри, конечно, "документы художественной формы". Я вспомнил это сейчас, в день перерыва между допросами и, возможно, перед арестом.

Вчера майор Равчук угрожал мне, что я буду переведен в обвиняемые, если не стану давать показания, какие нужны следствию. Да, пора забыть слово "инакомыслящий", выдуманное западными демократами, чтобы объяснить себе, что у нас происходит, а следовательно, успокоиться. У нас нет никаких "инакомыслящих", но если ты вообще мыслишь, то в любой момент можешь стать "инакомыслимым".

Предлагаю ввести в русский язык.

В.Марамзин

Ленинград, 3 апреля 1974 года

Заявление Марамзина

Секретариату Ленинградского отделения Союза писателей СССР

Копии: Секретариату Союза писателей СССР

Отделу литературы и искусства ЦК КПСС

Председателю КГБ при СМ СССР г. Андропову

от Владимира Марамзина

Я не член Союза писателей, однако являюсь профессиональным литератором, членом профессиональной группы ленинградских писателей при Литфонде СССР, у меня три книги, десятки публикаций, около двух десятков сценариев для кино и телевидения. Поэтому я обращаюсь за помощью к вам.

1 апреля 1974 года у меня произведен обыск по постановлению Ленинградского КГБ в результате которого изъято около 10 тысяч листов моих рукописей, т.е. практически почти все написанное мною за 16 лет литературной работы, кроме рукописей вышедших детских книг и сценариев. Считаю, что эта акция совершенно незаконна. Я еще не понимаю, что от меня требуется следствию по делу № 15, по которому я вызван свидетелем. Однако в любом случае ни у какого писателя не могут быть отняты рукописи художественных произведений, авторские права на которые принадлежат ему и только ему. Меня же полностью ограбили: отняли не только все экземпляры каждого рассказа, каждой повести, но и папки черновиков, вариантов к ним. Хотя это и не имеет решающего значения, должен добавить, что все мои вещи, кроме незаконченных, я посылал в советские журналы, издательства (и даже в ЦК КПСС). Среди отобранных рукописей есть и те, что печатались в СССР, полностью или в отрывках, а также передавались ленинградским и центральным радио.

Подозреваю, что случай со мной беспрецедентен, и заявляю, что не намерен передавать своих авторских прав какому-либо учреждению, тем более Ленинградскому КГБ.

Это же относится к другой части отобранных у меня руко-

писей .Они составляют тоже мою работу — литературоведческого характера. В течение ряда лет я собирал и систематизировал стихи (и материалы к ним) поэта Иосифа Бродского, с которым мы были дружны, а теперь изредка переписываемся. Я делал это еще до того момента, когда он уехал на постоянное жительство за границу с разрешения советского правительства, и продолжал делать после, так как считаю его большим русским поэтом, значение которого еще будет оценено у нас. Я делал это исключительно с целью сохранить его наследие для русской культуры. В конце концов с поэтами уже не так бывало в нашей истории: проходили годы , и выпускались книги, долгое время любовно сохраняемые в рукописях друзьями.

Считаю, что изъятие у меня этой работы столь же незаконно. Где бы ни находился Иосиф Бродский, авторские права на его стихи принадлежат ему. А мне столь же неотъемлемо принадлежат права на мою часть работы — то есть опять же ни в коем случае не Ленинградскому КГБ.

Настоятельно прошу вашей защиты от произвола лиц, не компетентных в области литературного творчества, а также прошу эффективной помощи для немедленного возврата принадлежащих мне рукописей.

Простите, что пишу от руки: машинка — рабочий инструмент писателя — тоже незаконно отобрана у меня.

С уважением,
4 апреля 1974 года

В Марамзин

Мой адрес: Ленинград,
194249 ул. С.Ковалевской,
д. 17 корп. 3 кв. 105
тел. 49—48—43

Заявление Марамзина

У меня есть смутное ощущение вины, которое коренится, вероятно, в исконном для нас отсутствии правосознания. Мой друг, ленинградский писатель и историк Михаил Хейфец, уже более месяца находится в следственной тюрьме. По дошедшим до нас отголоскам, он арестован за издание в Самиздате пятитомника Иосифа Бродского и за свою статью о его стихах.

Следователь прекрасно знает, что Самиздат – не издательство, знает он также, что Хейфец непричастен к собиранию стихов Бродского, всем известно, что в течение трех лет стихи собирал я, потому что Бродский, как всякий большой мастер, никогда не хранил, щедро раздаривал свои стихи. Я хотел собрать их, чтобы сохранить для русской культуры все, что сделано этим великим поэтом. Те люди, которые сейчас причастны к гонениям на Бродского, еще при своей жизни будут им гордиться. Я же предпринял и еще один шаг, чтобы сохранить с таким трудом собранные тексты, – отправил их за границу, где сейчас живет и автор. Может быть, это кому-то не понравится, но мною двигала лишь забота о русской культуре. Я вовсе не герой. Но не был героем и мой дед, деревенский священник, который почему-то не сложил сана и предпочел в 1931 году умереть в Соловках. Вероятно, не был героем и мой отец, рабочий, еврей, ушедший добровольцем на фронт и убитый в 1942 году под Ленинградом. Приходит время каждому сделать что-то свое.

При обыске 1 апреля у меня были отняты все мои рукописи. Не мне судить, хороши они или нет, но я уверен, что все, написанное нами, не случайно, и писатель имеет обязательство перед своими рукописями. Поэтому я собрал их вновь (люди сохранили) и вновь послал за рубеж. Если какие-либо издательства или журналы заинтересуются моими рассказами или повестями, пусть знают – мое согласие на печатание теперь вполне обдуманно.

И последнее. У арестованного Михаила Хейфеца — двое маленьких детей, оставшихся без всяких средств. Любая помощь, любое доброе слово полезно сейчас ему и его семье. Имя Хейфеца не слишком известно широкому читателю, хотя он напечатал две книги — историческое исследование и роман о народовольцах, не считая многих публикаций. Но ведь печально, если станет законом, что известность писателя начинается с момента суда над ним.

Михаил Рувимович Хейфец живет в Ленинграде, Новороссийская улица, дом 22, квартира 45. Его жена — Глаголева Раиса Владимировна, дочери — Наташа, 7 лет, и Оля, 5 лет, проживают по этому же адресу.

30 мая 1974 года

Владимир Марамзин
Ленинград 195249
ул. Софьи Ковалевской
дом 17, корп. 3, кв. 105
тел.: 49-48-43

Открытое письмо главному редактору газеты "Монд"

Господин редактор,

Я с огорчением узнал, что мое имя используется сейчас за границей в антисоветских целях. Как мне стало известно, Ваша газета одной из первых дала информацию по моему делу — поэтому обращаюсь к Вам, пользуясь предоставленной мне возможностью. Во мне говорит не боязнь наказания, а искреннее возмущение темными политическими силами, которые хотят использовать меня в их борьбе с моей страной. Я люблю свою Родину и всегда был лоялен по отношению к ее правительству. Для писателя оскорбительно служить игрушкой в политических махинациях. Где бы я ни оказался, знаю одно: я никогда не буду иметь ничего общего с организациями, ведущими антисоветскую борьбу.

Сожалею, что отправил за границу свои заявления и невольно дал в руки врагам моей страны повод для нападков на нее, причинив тем самым ущерб своему государству. Но хочу напомнить Вам, что даже там я не заявлял себя политическим борцом, и поэтому особое возмущение вызывают у меня те, кто поспешили представить меня диссидентом и антисоветчиком. Только излишняя торопливость обнажила истинные намерения этих людей. Так, 18 апреля 1974 года Ваша газета информировала своих читателей, что я обвиняюсь "в связи с антисоветскими организациями и в отправке своих рукописей за границу". Заметка маленькая, без подписи, но полная злобного подтекста.

Я действительно отправил мои неопубликованные рукописи за границу, но в апреле 1974 года об этом могли знать лишь 2-3 человека в Париже. В связи же с антисоветскими организациями меня никогда не обвиняли и не обвиняют. Значит, кому-то за рубежом понадобилось выдать желаемое за сущее. Кто-то спешил доказать, что своей деятельностью сумел сделать из меня врага моей страны. И ведь этот кто-то — из тех, что бывали у меня в гостях в Ленинграде. Что ж, хороший способ благодарить за гостеприимство! Разумеется, эти мои

”друзья” лучше моего знали, какие антисоветские организации они представляют и в чьих интересах намерены использовать мое знакомство. За всем этим угадывается желание скорее видеть меня арестованным, чтобы сыграть на этом факте в свою пользу.

Я бы не был даже так возмущен, если бы пытались ложно толковать мои опубликованные рассказы, повести. С литературой такое случается, однако печатный текст, в конце концов, открыт нормальному глазу. Но то, что проделали со мной, гораздо хуже. И проделали это по-западному расчетливо, холодно. Теперь думаю, что и предложение от частного лица сохранить мои рукописи было дальнзозоркой провокацией. Проза моя, по-видимому, не подошла для политических игр, тогда решили использовать автора. Подобная провокация задевает уже не только частного меня, но и любого гражданина моей страны. Вижу, что ошибся, полагая, будто мои зарубежные знакомые интересовались мною как писателем. Им нужен был лишь повод к раздуванию вражды. Надеюсь, что все происшедшее со мной послужит уроком моим соотечественникам, которые по-русски гостеприимны и доверчивы к подобным знакомцам из-за рубежа.

Что же касается действительно предъявленного мне обвинения, хочу сказать, что я признаю себя виновным и искренне раскаиваюсь в содеянном.

Господин редактор! Насколько мне известно, Ваша газета стремится давать объективную информацию. Поэтому выражаю уверенность, что мое письмо будет опубликовано Вами.

Заранее признателен Вам,

Владимир Марамзин

Ленинград

8 февраля 1975 года

Судебный процесс по делу Марамзина В.Р.

Ленинградский городской суд
(Фонтанка, 16, комната 55)

Председатель суда — Исакова, народные заседатели Крайнов и Курочкин. Государственный обвинитель — Катукова. Защитник — Хейфец. Секретарь суда — Медведева. Эксперт — Балашова (второй эксперт на заседаниях отсутствует).

Заседание первое. 19 февраля 1975 года. 10.00 час.

Дело по обвинению Марамзина Владимира Рафаиловича в преступлениях, предусмотренных частью первой статьи семидесятой Уголовного кодекса РСФСР.

Судья удостоверяет личность подсудимого. Марамзин Владимир Рафаилович родился 5 августа 1934 года в г. Ленинграде. В 1957 году закончил Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), восемь лет работал инженером на заводе "Светлана", с 1965 г. — член профсоюзной группы литераторов при Ленинградском отделении издательства "Сов. писатель". Имеет на иждивении двоих детей (1958 и 1968 г.г. рожд.), в 1966 г. по статье 206-1 осужден условно на 1 год. Под стражей находится с 24 июля 1974 г. Копию обвинительного заключения получил 4 февраля 1975 г.

Адвокат ходатайствует о приобщении к делу списка опубликованных в СССР литературных произведений, сценариев, перечень поставленных по произведениям Марамзина кинофильмов и телепередач — всего более 70 наименований. Суд удовлетворяет ходатайство защиты.

Судья выясняет, кто из свидетелей прибыл, а кто — нет, и почему. Свидетель Б. Вахтин письменно известил суд, что явиться не может, т.к. болен. Следственный отдел Лен. УКГБ представил справку, согласно которой свидетели А.В. и Н.Во-

ронели не могут явиться в суд, т.к. в настоящее время проживают в государстве Израиль.

Свидетель Егельский сообщил, что находится в г. Риге, где ухаживает за тяжело больной престарелой матерью.

Суд оглашает обвинительное заключение след. отдела Лен. УКГБ:

В процессе следствия по делу М.Хейфеца, осужденного по статье 70-1 (дело № 15), появились достаточные основания для возбуждения отдельного дела № 21 на Марамзина В.Р. Дело было заведено 12.03.74 г.

В период с 1967 по 1974 г.г. Марамзин в целях ослабления советской власти хранил, изготовлял и распространял клеветнические материалы, порочащие советское общество. В 1967 году у себя дома Марамзин передал свидетелю Л. Макарову антисоветское произведение М.Джиласа "Разговоры со Сталиным", где советское государство клеветнически именуется империалистическим и захватническим. На предварительном следствии свидетель Макаров подтвердил факт получения этого документа от Марамзина.

Свидетелю Егельскому Марамзин передал изданную на Западе на иностранном языке книгу "Солженицын. Документальный обзор", где клеветнически утверждается, что в СССР отсутствует свобода слова.

Свидетелю Калининой Марамзин передал "Вестник РСХД" № 101-102, содержащий призывы к свержению советской власти и утверждения, что в СССР отсутствует свобода слова.

Марамзин изготовил на пишущей машинке документ "Выступление" Свирского. Кроме того, им в разное время разным лицам передавались следующие антисоветские материалы: Г. Белль "Мир несвободы", письмо Григоренко и Костерина Будапештскому совещанию коммунистических и рабочих партий, Великопостное послание Патриарху Пимену, интервью западным корреспондентам.

Со статьей Белля "Мир несвободы" Марамзин познакомил Хейфеца в Доме литераторов.

Следственный отдел УКГБ получил из г. Улан-Удэ конфискованные там материалы, содержащие клевету на советский государственный и общественный строй, изготовленные на ма-

шинке Марамзина. Материалы в Улан-Удэ и Решетникову передавал Макаров. В сочинении Г. Белля "Мир несвободы" советское общество клеветнически именуется миром несвободы.

Кроме того, Марамзин систематически распространял собственные клеветнические сочинения: рассказ "Тянитолкай", повесть "Человек, который верил в свое особое назначение", клевету на наш народный суд, рассказы "Кадры", извращающий национальную политику нашего государства, "Секреты", "Смешнее, чем прежде", повесть "Блондин обеого цвета".

В 1968 году на своей квартире Марамзин передал клеветнический рассказ "Тянитолкай" с дарственной надписью А.В. Кузнецову, впоследствии изменившему родине.

Свидетель Макаров показал, что им от Марамзина была получена машинопись рассказов цикла "Секреты".

В 1972–74 г.г. Марамзин активно распространял свое сочинение — рассказы цикла "Смешнее, чем прежде". Кроме того, Марамзин опубликовал свои клеветнические, порочащие советское общество рассказы "Прочь от места катастрофы" и др. в антисоветском издающемся в США сборнике "Русский литературный ежеквартальник". Следственный отдел Лен. УКГБ получил из Библиотеки им. Ленина № 1 этого издания за 1974 год, где опубликованы рассказы Марамзина. Из предисловия переводчика следует, что редакция располагает и другими рассказами Марамзина. В деле имеются справки Ленинградского управления Главного управления по охране государственных тайн в печати и Международного почтамта, подтверждающие, что сборник "Русский литературный ежеквартальник" является антисоветским и запрещен к ввозу в СССР.

Марамзин передал А.Воронелю для публикации в нелегальном сборнике "Евреи в СССР" свои рассказы, которые и были напечатаны в этом антисоветском издании (сборник "Евреи в СССР", № 4 и 6 приобщены к делу). В деле имеется заключение Ленинградского управления Главного управления по охране государственных тайн в печати, что сборник "Евреи в СССР" является антисоветским. А. Воронель пока-

зал, что названные рассказы ему передал и разрешил опубликовать сам Марамзин.

Гражданка Франции Катрин Дорэ, являющаяся эмиссаром троцкистской организации Союз молодых за социализм, действующей на территории Франции, получила от Марамзина для нелегального вывоза на Запад рукопись его повести "Блондин...". На таможене у нее была изъята машинопись части повести и телефонный номер Марамзина.

Марамзин неоднократно делал публичные антисоветские заявления. Его произведения отрецензировал в газете "Монд" (Париж) Коган, что подтверждает нахождение на Западе неопубликованных произведений Марамзина.

Повесть "Блондин..." Марамзин передал уезжающему на постоянное жительство в государство Израиль Волохонскому, с которым впоследствии поддерживал контакты. Кроме того, Марамзин передавал свои рукописи Антоновой, Хейфецу, Воронелю, Виньковецкому, Бакинскому В.В., Бакинскому В.С., Азизян и др. Волохонский, узнав о произведенном 1 апреля 74 г. у Марамзина обыске, предпринял активную антисоветскую деятельность в защиту Марамзина, предупредив его об этом из Израиля: "Я тут поговорил с кем надо, будет большой шум".

В результате обыска, произведенного 1 апреля 74 г. следственным отделом Ленинградского УКГБ на квартире Марамзина, изъяты следующие антисоветские документы, изданные за границей:

"Вестник РСХД", №№ 100, 103, 104, 105.

Бердяев "Смысл истории".

"Русский литературный ежеквартальник" № 1 за 1973 г.

О. Мандельштам. Собр.соч., т. 3 (очерки и письма).

Федотов "Социальное значение христианства".

Бердяев "Истоки и смысл русского коммунизма".

Егельский, Макаров и Калинина показали, что получали от Марамзина антисоветскую литературу для распространения.

В апреле 74 г. Марамзин сочинил и отправил на Запад письмо "Война против писателей", содержащее клеветнические измышления о советском строе, об отсутствии свободы слова,

о преследовании писателей. В апреле 74 г. Марамзин сочинил новый клеветнический документ "Война против писателей продолжается".

В апреле 74 г. в пос. Малеевка под Москвой Марамзин ознакомил с содержанием писем А. Воронеля и передал их ему для отправки на Запад. А.И. и Н. Воронель показали, что получили письма от Марамзина лично. Макаров показал, что Марамзин ознакомил его с содержанием писем. Тогда же эти письма стало транслировать радио "Свобода".

В мае в Москве Марамзин сделал т.н. заявление от 30 мая. В деле имеются выписки записи передач радиостанций "Свобода", "Немецкая волна", "Радио-Канада" и Бибиси, которые передавали заявления Марамзина и использовали их для раздувания антисоветской истерии. В деле имеются соответствующие выписки из зарубежных изданий "Дейли телеграф" и "Нью-Йорк ревью оф букс", где были распечатаны заявления Марамзина. С 1967 по 1974 г.г. Марамзин распространял, изготовлял и хранил свои антисоветские произведения и т.н. самиздатовскую литературу враждебного советскому государству содержания.

Подсудимый Марамзин с такой оценкой собственной деятельности полностью согласен. Он показал, что не всегда отдавал себе отчет в том, какой ущерб его действия наносят родине. Теперь он заявляет, что глубоко сожалеет и раскаивается. "Мной двигала озлобленность, вызванная обыском", — заявил он на следствии. Он сожалеет, что передал на Запад через академика Сахарова заявление от 30.05.74 г. Английская газета "Таймс" назвала Марамзина "писателем-диссидентом".

Близкий знакомый Марамзина некий Киселев А.А. — известный деятель НТС — теперь выступил в его защиту со страниц троцкистской газеты "Новое Русское Слово".

Марамзин и раньше делал антисоветские заявления, заступался за Синявского, Даниэля, Кузнецова Э., Солженицына, Хейфеца.

В ходе следствия Марамзин, узнав, что его деятельность послужила поводом для развязывания новой волны антисоветской истерии у реакционных элементов на Западе, обра-

тился к следственным органам с просьбой предоставить ему возможность выступить с письмом соответствующего содержания в газете "Монд", что ему и было разрешено.

Марамзин В.Р. обвиняется в том, что в период с 1967 по 1974 г.г. в целях ослабления советской власти систематически занимался антисоветской агитацией и пропагандой. С этой целью Марамзин передал сочинение М. Джиласа "Разговоры со Сталиным" Макарову, сборник "Солженицын. Документальный обзор" — Егельскому, "Вестник РСХД" № 101-102 — Калининной, другим лицам: НН "Отрывки из статьи", "Выступление" Свирского, "Мир несвободы" Г.Белля, "Письмо Будапештскому совещанию ком. и раб. партий" Григоренко и Костерина, Великопостное послание Патриарху Пимену, Интервью западным корреспондентам. Кроме того, Марамзин изготовлял и размножал следующие произведения, порочащие советский социалистический строй: "Тянитолкай", "Человек, который верил в свое особое назначение", "Секреты", "Смешнее, чем прежде", "Блондин обеего цвета". Указанные произведения Марамзин передал для опубликования на Запад, издал в нелегальном сборнике "Евреи в СССР" №№ 4 и 6.

Судья: Подсудимый Марамзин, признаете ли себя виновным в совершении преступлений по статье 70 часть 1 УК РСФСР?
Марамзин: Виновным себя признаю полностью.

Заявление подсудимого Марамзина:

Граждане судьи! Полностью признавая свою вину в предъявленном мне обвинении, я считаю необходимым сделать заявление, текст которого буду просить вас приобщить к моему делу. Я глубоко сожалею об ущербе, причиненном моими действиями советскому государству, и искренне раскаиваюсь в содеянном. Особое возмущение вызывают у меня те, кто поспешил представить меня диссидентом и антисоветчиком, приписывая мне несуществующие связи с какими-то неизвестными для меня враждебными нашей стране организациями.

Так, например, французская газета "Монд" еще 18 апреля 1974 года поместила фальшивую информацию без подписи, где сообщала, что меня, якобы, обвиняют "в связях" с анти-

советскими организациями и в отправке своих рукописей за границу. Узнав об этом, я обратился к следователю с просьбой дать мне возможность выступить с открытым письмом к главному редактору газеты "Монд". Дело в том, что я действительно отправил мои рукописи за границу, но в апреле 1974 г. об этом могли знать лишь 2-3 человека в Париже. В связи же с антисоветскими организациями меня никто никогда не обвинял и не обвиняет. Значит, кому-то за рубежом понадобилось выдать желаемое за сущее. Кто-то спешит доказать, что своей деятельностью сумел сделать из меня врага моей страны. И ведь этот кто-то — из тех, кто бывал у меня в гостях в Ленинграде. Что ж, хороший способ благодарить за гостеприимство! Разумеется, эти мои друзья в кавычках лучше моего знали, какие антисоветские организации они представляют и в чьих интересах намерены использовать мое знакомство. За всем этим угадывается желание скорее видеть меня арестованным, чтобы сыграть на этом факте в свою пользу.

В 1973 году я познакомился в Ленинграде с Катрин Дорэ, приехавшей из Франции. Легкомысленно доверившись ее просьбе взять на сохранение мои рукописи, я отдал ей некоторые из моих неопубликованных рассказов и повестей. Я не представлял себе, что это была часть широко задуманной провокации. Катрин Дорэ, оказывается, как сообщил мне следователь, является эмиссаром троцкистского "Союза молодых за социализм". Прodelьвали они это со мной по заданному подлю и хитро. Проза моя, по-видимому, не подошла для политических игр. Тогда решили использовать автора. В 1974 году Катрин Дорэ прислала ко мне парижскую студентку Катрин Вааст, которая, чтобы скомпрометировать меня, оставила мне какие-то листовки на английском языке, которые я никому не показывал и сразу же после ее отъезда сжег. Вижу, что я ошибся, полагая, будто мои зарубежные знакомые интересовались мною как писателем. Им и тем, кто за ними стоит, нужен был лишь повод для раздувания вражды.

Надеюсь, что все происшедшее со мной послужит уроком моим соотечественникам, которые по-русски гостеприимны и доверчивы к подобным знакомцам из-за рубежа.

Я решительно заявляю, что никогда не давал Катрин Дорэ и ее хозяевам права выступать в мою защиту, и протестую против использования ими моего имени в антисоветской борьбе.

Марамзин просит приобщить это заявление к делу.

Марамзин: "Признаю, что изготовлял, хранил самиздатовскую литературу и свои собственные произведения, написал и отправил свои письма. Действительно, в этих материалах содержались клевета и порочащие советскую власть высказывания." Подтверждает, что давал Леопольду Макарову "Три встречи" Джиласа (отрывок из "Разговоров со Сталиным"), Евгению Егельскому – сборник "Солженицын. Документальный обзор". В марте 74 г. передал Татьяне Калининой "Вестник РСХД" №№ 101–102, в 1968 г. Макарову – "Выступление" Свирского и "Отрывки из статьи Н.Н.". В 1968 г. дома хранились "Мир несвободы" Г. Белля, "Послание Патриарху Пимену", Интервью западным корреспондентам. Статью "Мир несвободы" давал читать Макарову и Хейфецу.

Отрицает показания Макарова, что давал тому письмо Григоренко и Костерина. "В контексте моих собственных произведений есть отдельные клеветнические утверждения, но мне казалось, что это необходимо для характеристики персонажей. Комический писатель всегда рискует быть отождествленным со своим героем.

В 1968 г. ко мне в гости приезжал писатель А.В. Кузнецов с женой. Его жена попросила подарить ей рассказ, что я и сделал, надписав титульный лист. Один из рассказов я передал Л. Шильдкнехт, жене кинорежиссера Раппопорта, который хотел, чтобы я ему написал сценарий, но прежде желал ознакомиться с моим творчеством. В 68 давал читать рассказы Макарову. В 72-74 давал читать друзьям и посылал в редакции журналов рассказы "Смешнее, чем прежде". Как они попали за границу и оказались опубликованными в "Русском литературном ежеквартальнике" – не знаю. В это же время подарил экземпляр рассказа "Мой ответ Гоголю" Хейфецу, "Прочь от места катастрофы" – Владимиру Загребе, "Появ-

ление автора в письменном виде” — Марине Азизян. В 73 в Ленинграде для ознакомления передал А. Воронелю рассказы из ”Секретов” и ”Смешнее, чем прежде”. Воронель спросил, как я отношусь к вопросу о публикации. Только в ходе следствия я узнал, что они напечатаны в сборнике ”Евреи в СССР”. К Воронелю претензий не имею. В конце 72 приехала Катрин Дорэ с приветом от старой знакомой Вероники Жобер. Она предложила переправить на Запад с целью сохранения мои неопубликованные рукописи. Я дал. В июне 73 дал еще. Она обещала только хранить и не печатать без разрешения или только если что-нибудь со мной случится. После обыска я позвонил ей. Осенью 73 я написал повесть ”Блондин обеего цвета”. В конце 73 — начале 74 давал читать ее Б. Вахтину, О. Антоновой, М. Хейфецу, А. Михайловой, С. Демиденко, В. Воскобойникову, Я. Виньковецкому, И. Бурихину, А. Воронелю, В.В. и В.С. Бакинским, М. Азизян. В декабре 73 Анри Волохонский, уезжая в Израиль, взял повесть ”Блондин ...” с собой для сохранения. Каким образом он ее вывез, я не знаю. Давал только для хранения. Уговаривались не издавать без разрешения или если что-то со мной случится.

В апреле 74 года у меня был обыск, изъята литература, изданная за рубежом. Книги эти оставил в августе Александр Радовский, уезжая в Израиль. Из одной книги и выпали два письма издательства ”Посев”, адресованные писателям и интеллигенции вообще. Я их никому не показывал. ”Русский литературный ежеквартальник” в декабре 73 мне передавал профессор Мичиганского университета Карл Проффер. На квартире уехавшего в Израиль Черткова.

Писатель не должен позволять использовать себя в политической игре. После обыска я почувствовал обиду, которая попала на дрожжи старых обид, связанных с непечтанием любимых вещей. 12 лет назад издательство ”Советский писатель” заключило договор, но рукопись мою до сих пор не возвратило, и ответ я не получил. Поэтому я и сочинил три письма. В первом — ”Война против писателей”, содержатся клеветнические измышления. В тот момент мне казалось, что мой вред прекратится устранением другого вреда, что это лишь местная

Ленинградская ошибка по отношению к молодым писателям. В апреле 74 года через А. Пятигорского отправил письмо иностранным корреспондентам. 9 апреля написал письмо "Война против писателей продолжается". Но обида остыла, письмо никому не показывал. Но в Москве А. Воронелю оставил на хранение часть рукописей. Воронель в тот момент отдыхал в Малеевке. 30 мая я написал заявление, что я отправил рукописи на Запад, и передал его академику Сахарову с просьбой опубликовать.

С данной оценкой моих действий совершенно согласен. Глубоко сожалая и желая предотвратить вредные последствия, написал письмо в "Монд", содержание которого совпадает с моим заявлением.

За тот же период (с 67 по 74) я выпустил три книги в издательстве "Детская литература", по моим сценариям было поставлено более 15 фильмов, работал на радио и телевидении, писал рецензии на работы молодых авторов.

Судья: С какой целью и когда передавали свои произведения Катрин Дорэ?

Марамзин: Впервые встретился в 72, но ничего не дал, передавал только в мае 73 и в июне 73.

Судья: С какой целью?

Марамзин: Она преподает русский язык. Она знакомая моей знакомой Вероники Жобер, которая, я уверен, не занимается никакой политической деятельностью. Только для хранения.

Судья: Какая необходимость была передавать?

Марамзин: Я в то время думал уезжать на постоянное жительство в государство Израиль.

Прокурор: Знали ли Вы, что Макаров размножает все, что Вы ему даете?

Марамзин: Нет, но в 68 он сказал, что у него неприятности из-за изъятия в Улан-Удэ копий.

Прокурор: Вам он возвращал только оригиналы или и копии?

Марамзин: Только оригиналы.

Прокурор: Вы сказали, что статью Белля "Мир несвободы" показывали Хейфецу дома. А на допросе показали, что в Доме писателей?

Марамзин: Нет, я вспомнил, что дома.

Прокурор: Кому подарили в личное пользование повесть "Блондин..."?

Марамзин: Бывшей жене О.Антиповой. Два варианта Якову Виньковецкому. Все остальные мне возвратили, и они сейчас в деле.

Прокурор: В письме "Война против писателей" Вы упоминаете лиц, у которых были произведены обыски. Вы согласовывали это с этими лицами?

Марамзин: Нет, только Макарову говорил, что написал о нем.

Прокурор: С Хейфецем был разговор?

Марамзин: Нет, я сказал ему только, что не собираюсь делать из этих фактов секрета.

Судья: Из каких фактов?

Марамзин: Из фактов обысков. То же с Бурихиным.

Прокурор: С какого времени Вы член группкома?

Марамзин: С начала 65.

Прокурор: Как Вы получали информацию о событиях в нашей стране? На предварительном следствии Вы заявили, что газет не читаете.

Марамзин: Советских газет действительно не читал. Но встречался с людьми, разговаривал...

Прокурор: Можно ли верить, что заявление о раскаянии искренне?

Марамзин: Кто знает меня, по стилю могут видеть, что искренне.

Адвокат: Когда Вы начали предпринимать меры для предотвращения вредных последствий Ваших действий?

Марамзин: Когда увидел статью в "Монд".

Адвокат: Почему не опубликовали письмо "Война против писателей продолжается"?

Марамзин: Мне, когда остыл, стало видно, что это — клевета.

Адвокат: Это было чье-то требование, совет?

Марамзин: Только совести.

Адвокат: Знали ли Вы, что Катрин Дорэ не частное лицо, а троцкистская эмиссар?

Марамзин: Нет, мне об этом сказал следователь.

Адвокат: Про Вааст Вы знали, что она не частное лицо?

Марамзин: Следователь сказал, что она мне намекала об этом,

но я этого не знаю. И почему она назвала меня антисоветчиком, не знаю.

Адвокат: Какова же, по-Вашему, их цель?

Марамзин: Я думаю, что Вааст и ее хозяйева заинтересованы в том, чтобы меня арестовали, с тем, чтобы потом раздуть антисоветскую деятельность.

Судья: Почему именно А.Воронеля Вы избрали для хранения рукописей?

Марамзин: Это случайно. Я хотел просто поговорить с ним о вызове для моей жены

Судья: Почему же все-таки Воронель и для какой цели?

Марамзин: В Ленинграде нервная обстановка, я поехал поработать в Москву. Встретившись с Воронелем, я оставил ему рукописи на хранение как человеку очень порядочному.

Допрос свидетеля Макарова Леопольда Ивановича (Ленинград, Кубинская 52, кв. 24; работает на Домостроительном комбинате № 5 слесарем).

Макаров: Познакомился с Марамзиным году в 59-60, когда начал посещать литобъединение. Году в 65-66 я впервые получил от него материалы (письмо Солженицына съезду). Это продолжалось до самого последнего времени.

Судья: На следствии Вы называли, какие именно материалы Вы получили за это время от Марамзина?

Макаров: Подавляющую часть писем Солженицына.

Судья: Писем о чем?

Макаров: Как правило, содержание их о том, что автора не публикуют, возмущение этим, объяснение этому.

Судья: Вряд ли только письма. Какие произведения?

Макаров: Короткие рассказы Солженицына.

Судья: Получали какую-нибудь главу из "В круге первом"?

Макаров: Несколько глав в машинописи. Письмо Нобелевскому комитету, интервью западным корреспондентам. Письмо Григоренко и Костерина Будапештскому совещанию.

Судья: Когда было получено письмо Григоренко и Костерина? От Марамзина?

Макаров: Да, сомнений в этом нет. Машинопись, страниц 7-10. На короткое время получал также произведение М.Джиласа "Три встречи" в машинописи, году в 66.

Судья: Что делали с полученными материалами?

Макаров: У меня страсть коллекционера, наверное. Хотел оставить у себя. Поэтому копировал. Никому не пересылал и не передавал. Часть копий считал себя обязанным возвратить владельцу, а часть – товарищу.

Судья: Фамилия товарища?

Макаров: Решетников.

Судья: Кому передали письмо Григоренко и Костерина?

Макаров: С рядом других материалов Самиздата товарищу Моргенштерну в Улан-Удэ.

Судья: Такой документ, как Н.Н. "Отрывки из статьи" – знаком?

Макаров: Не помню, но раз Вы говорите, значит, так оно и есть.

Судья: Какие произведения Марамзина читали?

Макаров: "Фига", "Кадры"...

Судья: Вам Марамзин передавал их лично?

Макаров: Да.

Судья: С какой целью?

Макаров: Я прочел и перепечатал.

Судья: Макаров, Вы на предварительном следствии давали очень пространные показания. Что же Вы теперь? Вы же с ним знакомы с 60 года, Вам есть, что рассказать.

Макаров: Я был свидетелем его работы над книгой "Кто разводит горожан", с остальными произведениями я не знакомился, т.к. когда я приходил, у автора не было экземпляров.

Судья: Что Вам известно про письмо "Война против писателей"?

Макаров: С этим письмом Марамзин ознакомил меня при последнем нашем свидании, вскоре после апрельских обысков.

Судья: Где? С какой целью?

Макаров: Я зашел к нему поделиться впечатлениями от обысков. Марамзин сказал, что подготовил письмо, куда включил и мое имя, прочел отрывок, касающийся меня (пересказывает содержание отрывка). С характеристикой моей, данной Марамзиным, согласен.

Судья: Вам Марамзин сказал, кому адресовано письмо?

Макаров: Сказал, что в СП.

Судья: Письмо уже было тогда отправлено?

Макаров: Думаю, нет.

Судья: Вы правильно показываете, что в СП? А на предварительном следствии?

Макаров: Мне следователь сказал, что – на запад.

Судья: А Марамзин говорил Вам, кому?

Макаров: По-моему, он говорил, что в СП.

Судья: Вы точно не помните?

Макаров: Да.

Судья: С произведения Джиласа копию снимали?

Макаров: Хотел, но после 1-й страницы оставил эту затею из-за объема и возвратил Марамзину.

Судья: Что еще Вы получили от Марамзина?

Макаров: Я понимаю, что Вы хотите сказать...

Судья (перебивает): Суд ничего не хочет сказать, он хочет услышать Вас.

Прокурор: Вы что-нибудь слышали о сочинении Г.Белля "Мир несвободы"?

Макаров: Я получил эту статью от товарища Марамзина.

Прокурор: От гражданина Марамзина. Когда получили? Сколько экземпляров изготовили?

Макаров: Экземпляра 2-3.

Прокурор: Не мало для Вашего архива? Кому отдали?

Макаров: Я понимаю Ваш вопрос. Слишком много, конечно. Кому отдал, не помню.

Прокурор: Знакомы с текстом "Выступление" Свирского?

Макаров: Да, получил от Марамзина.

Прокурор: Когда?

Макаров: В 68.

Прокурор: А Н.Н. "Отрывки из статьи"?

Макаров: Было, от Марамзина, в период до 70.

Прокурор: Кого еще познакомили с этими материалами?

Макаров: Не помню.

Прокурор: Послание Пимену? Знакомо?

Макаров: Знакомо. Но не могу сказать точно, что получил это от Марамзина. Может быть, от Решетникова.

Прокурор: Органы ГБ предупреждали Вас о недопустимости распространения клеветнических антисоветских материалов?

Макаров: Да, в марте 69.

Прокурор: После этого Вы прекратили эту деятельность?

Макаров: Да, на некоторое время, но потом, живя среди людей, интерес снова возник к такого рода литературе. Опасности для себя лично не видел.

Прокурор: Какое у Вас образование?

Макаров: Среднее.

Прокурор: А еще Вы считаете себя литератором?

Макаров: Нет, сейчас я не пишу.

Прокурор: И Вы до сих пор не понимаете, какой деятельностью Вы занимаетесь! Знаете о существовании законов, запрещающих распространение клеветы, порочащей советский государственный и общественный строй? Вы до сих пор не осознали, что Вы совершаете преступление? Вас ГБ неоднократно предупреждала...

Макаров: Теперь понимаю, осознаю.

Прокурор: Марамзин, Послание Пимену Вы передали Макарову?

Марамзин: Я не помню. Если он помнит, может быть, давал.

Макаров: Не помню.

Прокурор: Марамзин, Вы передавали Макарову письмо Григоренко и Костерина?

Марамзин: Нет, я вообще не помню этого письма.

Судья: Макаров помнит.

Макаров: Да, помню.

Прокурор: Почему Вы думаете, что от Марамзина?

Макаров: Были и другие корреспонденты у меня. Например, Решетников. Но это, я думаю, получил от Марамзина.

Судья: Что Вы знаете о повести "Блондин..."?

Макаров: Только название. Я спросил Марамзина, о чем, но он не мог дать мне ответ.

Судья: Что же из произведений Марамзина Вы все-таки читали?

Макаров: Только те четыре, что я назвал.

Судья: Других не читали?

Макаров: Больше ничего.

Адвокат: Как, когда и от кого получили письмо Григоренко и Костерина?

Макаров: Не помню.

Судья: А если суд напомним, что Вы показывали на следствии? (Цитирует показания Макарова, что "клеветнический материал – Письмо Григоренко и Костерина получено на квартире Марамзина, затем Макаров изготовил копию и отправил в Улан-Удэ.) Это Вы показывали 23 октября 74 г.

Макаров: Я не отказываюсь от своих показаний.

Адвокат: Скажите, давали ли такие показания? (Цитирует, что от Марамзина Макаров получал самиздатовскую и иностранную литературу, "что именно и когда – сказать конкретно не могу – из-за давности".) Это Ваши показания от 17 сентября 74. Кроме Марамзина, от кого еще?

Макаров: От Решетникова.

Адвокат: Реестр имеется, от кого что конкретно получали?

Макаров: Разумеется, нет.

Адвокат: Ваши показания от 7 апреля 74: "От Марамзина получал его собственные рассказы и ничего другого"?

Макаров: Эти показания не были правдивыми.

Адвокат: Еще цитирую: "Второй раз я послал Моргенштерну в Улан-Удэ материалы, полученные от Рашковского, в том числе письмо Григоренко и Костерина..."

Судья: Какие показания более правильные?

Макаров: Правильны показания позднего периода, когда я отказался от имени Рашковского.

Судья: Это лицо вообще выдуманно Вами?

Макаров: Да. И тогда я был вынужден назвать истинное лицо, т.е. Марамзина.

Судья: Значит, все материалы получили от Марамзина?

Макаров: Да, от Марамзина.

Судья: Только от Марамзина или еще от кого-нибудь?

Макаров: Только от Марамзина.

Адвокат: При каких обстоятельствах начинались между Вами и Марамзиным разговоры о самиздатовской литературе? Кто инициатор?

Макаров: Я.

Адвокат: А Вам-то зачем?

Макаров: Чтобы любопытство удовлетворить.

Адвокат: А зачем размножали?

Макаров: По-видимому, копию надо было отдать Марамзину.

Адвокат: При обыске копия письма Григоренко и Костерина у Марамзина не обнаружена. Марамзин отрицает передачу Вам всех материалов, а вот в одном месте говорит: Не знаю письма Григоренко и Костерина. Как Вы это расцениваете?

Макаров: Не знаю.

Адвокат: У Вас какая машинка? Номер не помните? Известно Вам, что копия письма Григоренко и Костерина исполнена на Вашей машинке?

Макаров: Да.

Марамзин: Макаров кое в чем ошибается. Но в основном все показывает правильно. Но Письма Григоренко и Костерина я даже не знаю, не видел его никогда.

Судья: Почему же Вы говорите, что верите показаниям Макарова?

Марамзин: Мне не хотелось подводить его.

Допрос свидетеля Загреба Владимира Алексеевича (работает в областной клинической больнице — врач-реаниматолог).

Загреба: Мне мало что известно, потому что познакомился с Володей...

Судья: С подсудимым Марамзиным!

Загреба: О, простите... года четыре назад. Я лечил его дочку, Марамзин в благодарность подарил мне свой рассказ, который я — простите, Володя — даже не прочел.

Судья: Как называется рассказ?

Загреба: "Прочь от места катастрофы".

Судья: Это была ваша единственная встреча?

Загреба: Да, с тех пор, 3,5 года, я его не видел.

Судья: И телефонных разговоров не было?

Загреба: Нет, не было.

Судья: Кто познакомил Вас с Марамзиным?

Загреба: Иосиф Бродский, в семье которого я был личным врачом.

Судья: Утверждаете, что с рассказом не познакомились?

Загреба: Не ознакомился.

Адвокат: Во время встречи он не пытался заводить политические разговоры?

Загребя: Нет.

Судья: Марамзин, что Вы можете сказать?

Марамзин: Все правильно.

Допрос свидетельницы Антоновой Ольги Сергеевны (Ленинград, Пушкинская 2, кв. 39, работает в Театре Комедии, актриса).

Судья: Вы являетесь бывшей женой Марамзина?

Антонова: Да.

Судья: Ну, рассказывайте, рассказывайте, не молчите. О чем Вы допрашивались? Вы с какого года знакомы с Марамзиным?

Антонова: С 1961.

Судья: С какого времени в браке с ним?

Антонова: С того же, но расписались позже.

Судья: Да, в 1965. Вы прожили вместе 12 лет. Что Вы знаете из его произведений? Кому он их передавал? Вам известна повесть "Блондин..."?

Антонова: Да, я получила ее в подарок и читала.

Судья: Как получили? Когда? Где?

Антонова: Принес на работу, оставил в проходной. Я получила, прочитала. Когда — не помню.

Судья: Что Вы можете сказать о содержании?

Антонова: Когда мы расстались, он был очень расстроен, и это отразилось в повести.

Судья: Клеветнические, антисоветские измышления в тексте были?

Антонова: Я не обнаружила.

Судья: Вы потом встречались?

Антонова: Нет.

Судья: Что еще читали?

Антонова: Все.

Судья: Какие именно произведения?

Антонова: Называйте мне, а я подтвержу.

Судья: О чем эти произведения, можете сказать?

Антонова: Вам что, краткое содержание? Марамзин посылал свои работы во все редакции, это Вам подтвердят редакторы.

Судья: Какие знакомые у него за границей?

Антонова: Я знаю только одну, нашу общую знакомую, Веронику Жобер. Больше никого не знаю.

Судья: Вам известен Коган Эмиль?

Антонова: Лично я его не знаю.

Судья: Какие отношения у Вашего бывшего мужа с Коганом?

Антонова: Не знаю. Что-то было напечатано в какой-то московской газете, где работал Коган.

Судья: Когда Коган уехал во Францию, продолжались контакты?

Антонова: Да, он фото своих детей присылал.

Судья: Вам известен Киселев?

Антонова: Лично нет. Переписывались они, т.к. Киселев собирает библиографию по Платонову.

Судья: Дорэ Катрин Вы знаете?

Антонова: Нет.

Судья: Когда она посетила Ваш дом?

Антонова: Я же сказала, что я ее не знаю, откуда же мне знать, когда она посетила...

(смех в зале)

Судья: Резонно, но невежливо.

Адвокат: Где Вы взяли повесть "Блондин..."?

Антонова: На работе.

Адвокат: Только рукопись была или еще письмо?

Антонова: Да, было письмо.

Адвокат: Какое?

Антонова: "Я написал повесть. Я не хочу, чтобы до тебя она дошла в слухах, прочти сама."

Адвокат: За 12 лет Вы его хорошо узнали, что Вы можете сказать о его политических взглядах? Был ли он антисоветски настроен?

Антонова: Он человек очень творческий и творить хотел только для своего народа. А его не печатали.

Адвокат: Бывали ли отказы из редакций?

Антонова: Всегда.

Адвокат: Что опубликовал "Московский комсомолец"?

Антонова: Его маленькие рассказы.

Адвокат: Кто имел к этой публикации отношение?

Антонова: Коган.

Адвокат: Сколько лет Вашему ребенку?

Антонова: Шесть.

Адвокат: Как относился к ребенку Марамзин?

Антонова (сквозь слезы): Прекрасно!

Адвокат: Извините за нескромный вопрос: в том, что вы расстались, виноват ли Марамзин?

Антонова: Нет!

Марамзин: Конечно, виноват!

Допрос свидетеля Виньковецкого Якова Ароновича (Ленинград, ул. Верности д. 10, корп. 4, кв. 134; работает дома).

Судья: Что Вам известно по делу Марамзина?

Виньковецкий: Мне известно, что КГБ арестовал его 24 июля прошлого года.

Судья: С какого времени знакомы и при каких обстоятельствах?

Виньковецкий: Давно, несколько лет, отношения дружеские.

Судья: Вы помните свои показания на следствии?

Виньковецкий: Я был вызван 23 мая к следователю Рябчуку. Отказался давать показания, кроме как по материалам, изъятым у меня при обыске. А изъяты только "Блондин...". Повесть не может рассматриваться как антисоветская ни в целом, ни в частях.

Судья: Существенно ли разнятся варианты повести?

Виньковецкий: Не помню.

Судья: Что-нибудь еще Марамзин давал Вам читать?

Виньковецкий: Нет.

Судья: А зарубежные какие-нибудь издания Вы от него получали?

Виньковецкий: Нет, не получал.

Судья: Вел ли с Вами Марамзин антисоветские разговоры?

Виньковецкий: Нет, никогда.

Судья: Что Вы знаете про статью о Бродском?

Виньковецкий: Эту статью мне показал на допросе следователь Рябчук.

Прокурор: Что Вы знаете об иностранцах – знакомых Марамзина?

Виньковецкий: Я не считаю себя вправе отвечать на вопрос о третьих лицах.

Судья: Почему Вы отказываетесь от дачи показаний? Вы пре-

дупреждены об ответственности и расписались в этом.

Виньковецкий: Я сформулировал ответ так, как считаю нужным. И мне нечего добавить.

Судья: Вы остаетесь на своей точке? Вы знаете о последствиях? Вы можете быть привлечены к ответственности.

Виньковецкий: Да, знаю и понимаю.

Прокурор: Вам предъявлялось на следствии Ваше письмо, которое изъято при таможенном досмотре у гражданки Франции Дорэ Катрин?

Виньковецкий: Да, следовательно мне об этом сообщил.

Прокурор: Как Ваше письмо попало в руки гражданки Франции Дорэ Катрин?

Виньковецкий: Извините, и на этот вопрос я не могу ответить.

Судья: Суду не нужны Ваши извинения!

Виньковецкий: Мое извинение носит не правовой, а личный характер.

Прокурор: Свидетель, Вы отказываетесь отвечать на вопросы.

Виньковецкий: На вопросы судьи я отвечал.

Судья: А на вопросы суда? Ваше упорство совершенно непонятно. Вы же не вправе себя так вести...

Адвокат: Марамзин, знал ли Виньковецкий, что Вы знакомы с Дорэ Катрин?

Марамзин: Нет. Однажды Виньковецкий сказал, что он прочел и ему понравилась какая-то художественная американская книга. Он захотел сообщить авторское мнение. У меня была оказия, я предложил свои услуги.

Допрос свидетеля Бурихина Игоря Николаевича (проживает Ленинград, Решетникова д. 9, кв. 122, работает пожарником в театральном музее).

Бурихин: На предварительном следствии я отказался от дачи показаний, я обосновывал свой отказ, подчеркивая в письменном заявлении, что именно следственная процедура по делу Хейфеца привела к непомерному его наказанию.

Судья: Какое это имеет отношение к Вашему отказу? Сейчас Вы передумали? Сейчас Вы намерены давать показания?

Бурихин: Да. Об обстоятельствах, интересующих суд, мне известно очень мало. Мне известна лишь внешняя сторона со-

битый. Были обыски. У Марамзина — 1 апреля. У меня — 2 апреля. 22 апреля взят Хейфец. Я вызывался на допрос и там давал определенные показания. Суд хочет меня спросить?

Судья: Говорите.

Бурихин: Я изложил все, что мне известно.

Судья: Это — все? Что Вы знаете по делу Марамзина?

Бурихин: Я не могу ответить на вопрос, что я знаю по делу, т.к. я не знаю дела.

(смех в зале)

Судья: Вам это и не нужно знать! Рассказывайте, что Вы знаете о Марамзине. Вы же не круглые сутки находились в его обществе?

Бурихин: Это — вопрос?

(смех в зале)

Судья: Нет, это предложение начать рассказ.

Бурихин: Исходя из того, что я знаю о Володе...

Судья: О подсудимом Марамзине!

Бурихин: Я знаю Володю Марамзина только как порядочного человека, семьянина, патриота и талантливого писателя.

Судья: Подсудимому Вас слушать приятно. Когда Вы с ним познакомились?

Бурихин: В начале 70-х.

Судья: В 71-м?

Бурихин: Я сказал, в начале 70-х.

Судья: Это разве не одно и то же?

Бурихин: По-моему, нет: и семидесятый — начало семидесятых, и семьдесят третий — начало...

Судья: При каких обстоятельствах Вы познакомились?

Бурихин: Не могу точно сказать.

Судья: Что послужило причиной знакомства?

Бурихин: Сейчас не помню.

Судья: На следствии Вы сказали, что причиной послужило, что и Вы и Марамзин собирали стихи Бродского?

Бурихин: Не мог я этого сказать.

Судья: Но Вас сблизило это?

Бурихин: Мы познакомились на основе взаимной симпатии.

Судья: Как часто Вы встречались?

Бурихин: Нет, не часто.

Судья: По какому поводу?

Бурихин: Я приезжал к нему в гости по приглашению, а он – ко мне.

Судья: Вы обменивались литературой?

Бурихин: Да, конечно.

Судья: Что Вам давал Марамзин?

Бурихин: А что Вас интересует?

Судья: Вы не имеете права задавать суду вопросы. Что он дал Вам?

Бурихин: Я ему, помню, как-то дал "Библейские сказания", переведенные с польского и изданные у нас, в СССР.

Судья: Да, есть такая книга. Повесть "Блондин..." читали?

Бурихин: Читал.

Судья: Кто дал? В каком виде?

Бурихин: Машинопись. Читал в гостях у Володи.

Судья: С собой давал?

Бурихин: Нет, не помню такого.

Судья: Вы в этот момент были единственным гостем у него?

Бурихин: Не помню сейчас.

Прокурор: После обысков Вы с Марамзиным встречались?

Бурихин: Как и до.

Прокурор: Когда чаще?

Бурихин: Частота одинакова.

Прокурор: Марамзин показывал, что редко.

Бурихин: Мы встречались иногда чаще, иногда реже.

Прокурор: После обысков встречались?

Бурихин: Да.

Прокурор: Обсуждали ли свою позицию?

Бурихин: Позицию по отношению к чему?

Прокурор: Ну, стоит ли оповещать об обысках?..

Бурихин: Я думаю, что это не факт для обсуждения. Это и так всем ясно.

Прокурор: Известно ли Вам про письма Марамзина?

Бурихин: О сущности таких обращений я узнал задним числом.

Прокурор: Как и когда узнали?

Бурихин: По радио.

Прокурор: Какая радиостанция передавала это?

Бурихин: Не помню.

Прокурор: Не советская?

(смех в зале)

Бурихин: Нет.

Прокурор: Не советская радиостанция передавала текст. После этого Вы поинтересовались у Марамзина, в чем дело?

Бурихин: Не помню.

Прокурор: Вы обещали давать честные показания. Речь идет ведь не только о Марамзине, но и о Вас, обыск у Вас ведь не случаен. Вы вот с возмущением говорите, что Хейфеца наказали слишком жестоко, и в то же время уходите от наших вопросов. В чем дело, свидетель?

Бурихин: С Марамзиным мы встречались, но я не помню, чтобы у нас шли интересующие Вас разговоры.

Прокурор: Вы все сказали?

Бурихин: Все.

Адвокат: После обысков Вы с Марамзиным встречались?

Бурихин: Да.

Адвокат: В каком эмоциональном состоянии был тогда Марамзин?

Бурихин: Простите, я не эксперт.

Адвокат: Да, Вы не специалист по психологии, но, исходя из своего жизненного опыта, Вы можете определить его тогдашнее состояние? Был ли он спокоен и расчетлив, или же он был очень взволнован?

Бурихин: Ну, если отмерять по Вашей шкале — он был взволнован.

Адвокат: В связи со взволнованностью, он не говорил Вам, какие шаги собирается предпринять?

Бурихин: Нет.

Марамзин: Игорь очень осторожен. Я хочу напомнить, что познакомились мы по поводу его стихов. Мне показали его стихи, я захотел увидеть автора. Он очень талантливый поэт. Нам сблизил общие несчастья (обыски, например).

Судья: Вы согласовывали с Бурихиным свои письма?

Марамзин: Нет, я ему не говорил, только Макарову.

Допрос свидетеля Бакинского Вадима Викторовича (Ленинград, ул. Ленина д. 34, кв. 67; писатель, член СП, лит. псевдоним — Вадим Нечаев).

Бакинский: Марамзина знаю с 63 года. Был в хороших отно-

шениях, последние годы встречались реже. Общие интересы в литературе. Встречались на занятиях литобъединения, которым руководил мой отец Виктор Семенович Бакинский. Мне знакомы опубликованные произведения Марамзина и то, что обсуждалось на объединении. Какие именно читал, не помню — прошло 10 лет.

Судья: 28 октября на следствии Вы называли произведения, которые он Вам давал.

Бакинский: Да и сейчас назову (перечисляет).

Судья: А "Историю женитьбы Ивана Петровича" читали?

Бакинский: Не могу точно сказать.

Судья: "Секреты" читали?

Бакинский: Нет.

Судья: А говорили — да. "В 1968 году Марамзин познакомил меня с циклом "Секреты".

Бакинский: Я не помню, чтобы я это говорил.

Судья: "В 63-67 г.г., во время занятий в студии, я читал..."

Бакинский: Действительно, рассказы знакомы, но спустя 10 лет я не могу вспомнить, читал ли или только слышал что-то об этих рассказах. Но "Секреты" только по названию помню.

Судья: Известны ли Вам повести Марамзина? Какие именно?

Бакинский: Я знаю в самых общих чертах содержание и тему повести "Блондин...", но самого текста я не помню. На следствии мне давали машинопись и просили прочесть, как специалиста. Я прочел и дал характеристику. Не помню, чтобы я читал эту вещь раньше.

Судья: "В конце 73 Марамзин передал мне сочинение "Блондин..." с просьбой прочесть и дать отзыв". Это сказано Вами на следствии.

Бакинский: Мой отец, может быть, прочел?

Судья: Бакинский Вадим Викторович, Вы?

Бакинский: Я.

Судья: Речь идет о Вас. Потом, на следствии, Вы даже опознали экземпляр, который Вы получали от Марамзина в конце 73.

Бакинский: Я помню, что говорил с автором по поводу этой вещи, но утверждать, что он мне давал произведение, не могу.

Марамзин: Действительно. Бакинский говорит правильно, иногда трудно вспомнить, что читал, а о чем – только слышал. По-моему, я давал читать повесть его отцу, так что рукопись была у них дома.

Судья: Потом обсуждали?

Марамзин: Думаю, нет.

Судья: Что еще давали?

Марамзин: Отец Бакинского, Виктор Семенович, мой старый литературный руководитель, поэтому я все ему давал, а живут они с сыном вместе.

Ввиду отсутствия большего числа свидетелей – вызывалось на суд 18 человек – судья объявляет заседание отложенным до завтра. Конвой приказывает публике очистить помещение суда.

14 часов

Заседание второе. 20 февраля 75 года. 10 час. 10 мин.

Допрос свидетеля Хейфеца Михаила... (находится с 22 апреля 74 года в следственном изоляторе, 13 сентября осужден по статье 70-1 Ленинградским городским судом).

Вооруженная охрана вводит в зал суда М. Хейфеца.

Хейфец: Знаю Марамзина примерно лет 10. Отношения дружеские, я люблю Володю, глубоко ему благодарен, мне нравится, какой он писатель, я думаю, что он самый талантливый писатель из моего поколения. Мы обменивались рядом документов о литературной жизни страны. Наши т.н. дела были сначала объединены (дело № 15), но потом разделены, т.к. в ходе следствия выяснилось, что Марамзин не давал мне никаких антисоветских материалов. На первом допросе следователь интересовался произведениями Марамзина. На втором он дал мне прочесть Володины письма "Война против писателей" и "Война против писателей продолжается". Обвинение было связано с другими делами, а мне показали письмо в "Монд". Это письмо показалось мне очень странным. Обычно человек, сидящий в тюрьме, выступает в свою защиту, а тут – протест против тех, кто пытался защитить пострадавшего. Я не понял,

при чем здесь я, но, оказывается, все дело в том, что я прочел статью "Мир несвободы" Белля и повесть "Блондин...". Статью Белля я прочел у Марамзина дома в конце 68 года. Мне врезались в память все обстоятельства, связанные с этим. Я приехал к Марамзину по поводу пьесы, которую мы задумывали совместно написать. Марамзин был дома один — его жена Оля была на спектакле — и ему нужно было укладывать спать дочь. Он оставил меня одного в комнате. Я увидел на столе сочинение Г.Белля "Мир несвободы" и прочел. Когда Марамзин вернулся, я ему сказал, что прочел статью Белля и она мне не понравилась. Дело в том, что Белль очень высоко оценивает художественные достоинства романа Солженицына "В круге первом", но пытался доказать, что роман этот написан не против советской власти. Белль считает, что Солженицыным поднята и вскрыта проблематика, болезненная для интеллигенции Запада и Востока...

Судья (не дает пересказывать содержание статьи Белля). Вы утверждаете, что прочли статью Белля "Мир несвободы" на квартире Марамзина, но без его ведома...?

Хейфец: Да. Я сказал тогда Марамзину, что статья Белля мне не понравилась. Марамзин сказал, что Белль слишком любит СССР, любит социализм, он все отлично понимает, но не хочет, чтобы роман был использован против нашей страны ее врагами, хочет нейтрализовать в этом смысле произведение Солженицына. Обо всем этом у меня написано в статье "Иосиф Бродский и наше поколение".

Судья: Вы давали эту статью Марамзину?

Хейфец: Да.

Судья: Когда, что и при каких обстоятельствах Вы получали из личных произведений Марамзина?

Хейфец: "Блондина..." получил осенью 73 года. Узнал я о существовании этого произведения от своего соседа-литератора, который, как я теперь точно знаю, служит внештатным информатором КГБ. Он мне посоветовал прочесть эту повесть. Я попросил у Володи экземпляр и прочел. Ничего политического я в этом произведении не обнаружил. Только сатира. Я высказал тогда Марамзину свое мнение о его повести. Потом я повторил свою оценку на допросе, но, как оказалось, следова-

тель не занес это в протокол. Нельзя судить писателя за взгляды, которые высказывают его литературные герои. Эти отдельные высказывания характеризуют героя, но не автора. Сатирический писатель в России всегда рискует...

Судья (прерывает): Вы ознакомились с повестью и не нашли в ней клеветнических измышлений, и возвратили экземпляр Марамзину?

Хейфец: Да.

Судья: Но с 68 по 73-то год Вы получали от Марамзина еще что-нибудь?

Хейфец: Да, я читал "Мой ответ Гоголю".

Судья: А "Секреты" читали?

Хейфец: Нет.

Судья: Что еще из произведений Марамзина читали?

Хейфец: Ничего, не помню ничего.

Судья: Ну, не помните названий, припомните, о чем были его рассказы, которые Вы читали.

Хейфец: "Мой ответ Гоголю" — это произведение...

Судья (прерывает): Нет, нет! Какие еще?

Хейфец: Только его книги, изданные (перечисляет названия).

Судья: Что из произведений Марамзина было у Вас изъято при обыске?

Хейфец: "Мой ответ Гоголю".

Судья: "Смешнее, чем прежде" знаете?

Хейфец: Не читал.

Судья: Вы это утверждаете?

Хейфец: Впервые слышу это название.

Судья: Что еще знаете про Марамзина?

Хейфец: Только то, что говорил на допросах следователь. Я не знаю, что ему инкриминируется, т.к. нахожусь в изоляторе с 22 апреля 74 г.

Прокурор: На следствии Вы показали, что читали рассказ Марамзина "Фига"?

Хейфец: Да, читал.

Прокурор: Когда?

Хейфец: Году в 67-68.

Прокурор: "Мой ответ Гоголю" знаете?

Хейфец: Я уже говорил, да.

Прокурор: Когда Вас допрашивали последний раз по делу Марамзина?

Хейфец: 11 января 75.

Прокурор: Когда Вы рассказали следователю, что говорите сейчас?

Хейфец: В мае прошлого года.

Прокурор: Когда Вы узнали о письме Марамзина в "Монд"?

Хейфец: Мне об этом сказал следователь 11 января.

Прокурор: На предварительном следствии Вы давали показания о политических убеждениях Марамзина?

Хейфец: Нет. Меня следователь спросил, считаю ли я Марамзина инакомыслящим. Я ответил, что политическим инакомыслящим я его не считаю, т.к. он — писатель, художник, и как художник, настоящий, оригинальный талант, он не может не быть инакомыслящим в своей творческой сфере, иначе он — не художник.

Прокурор: А говорили, что Марамзин не доволен политикой партии в области литературы и искусства?

Хейфец: Нет, не говорил.

Прокурор: Но вот тут же написано.

Хейфец: Нет, это фальсификация!

Прокурор: Но Ваша подпись?

Хейфец: Может быть, я был недостаточно внимателен, подписывая листы протокола, не прочитывал их, но я этого не говорил.

Прокурор: Что-нибудь он Вам говорил, что собирается искать защиты на Западе?

Хейфец: Мне об этих его письмах сказал уже следователь.

Прокурор: А раньше, до того, Вы о них не знали?

Хейфец: Нет, что-то слышал по радио: его, Марамзина, письма или о письмах...

Прокурор: Предлагал ли Вам Марамзин оказать содействие, чтобы и за Вас заступиться?

Хейфец: Нет, об этом речи не было. Шла речь о том, чтобы написать товарищу Андропову письмо, но я отказался, т.к. считал это ненужным.

Адвокат: Как и при каких обстоятельствах Вы получили "Мой ответ Гоголю"?

Хейфец: Я пришел к Володе в гости. Он только что написал рассказ этот и прочел мне его вслух. Мне рассказ понравился,

и я попросил экземпляр, чтобы дома еще раз прочесть. Он дал.

Адвокат: Значит, я Вас правильно понял, инициатива была Ваша?

Хейфец: Да, моя.

Адвокат: Когда Марамзин уходил укладывать спать ребенка, он сам дал Вам текст статьи Белля "Мир несвободы"? Обратил ли он как-нибудь Ваше внимание на эту статью?

Хейфец: Нет, Марамзин мне его не давал, я сам случайно обнаружил статью на столе.

Судья: Марамзин, рассказы цикла "Секреты" Вы давали Хейфецу?

Марамзин: Нет, только "Мой ответ Гоголю", но это был первый рассказ, и цикла тогда еще не предполагалось, и Хейфец не мог знать о том, что это — рассказ из цикла.

Судья: Хейфец сам взял со стола статью Белля или Вы, уходя, обратили его внимание на эту статью "Мир несвободы"?

Марамзин: Этого я сейчас не помню. Наверное, так, как показывает Хейфец.

Допрос свидетельницы Демиденко Светланы Матвеевны (Ленинград, ул. Марата 16, кв. 7; работает редактором на киностудии "Ленфильм").

Демиденко: В начале октября 74 г. следователь КГБ майор Волошенюк допросил меня по делу Марамзина. Он интересовался, давно ли я знаю Марамзина, какие у нас отношения. Я не помню точно, когда я узнала Владимира Рафаиловича. Во всяком случае, точно знаю, что до смерти Юлия Германа я такой фамилии даже не слышала. А вот после смерти Ю. Германа мне кто-то, помню, сказал, что Ю. Герман, уже будучи тяжело болен, читал рассказы Марамзина, был высокого мнения о его прозе и помогал молодому писателю. С Марамзиным мы встречались на студии, в Доме кино. Отношения наши не назовешь особенно дружескими, но были хорошими, вежливыми. Следствие интересовалось, с какими произведениями Марамзина я знакома. Я не знаю произведений Марамзина. Читала только какую-то детгизовскую книжку Марамзина. Знако-

милась с некоторыми его сценариями, но т.к. мы работали в разных объединениях, то мало знаю. Следователь интересовался, знаю ли я повесть "Блондин ...". Я читала лишь несколько страниц из этой повести. Не могу утверждать, что это были не наброски, не заготовки. Страницы были разрознены, не пронумерованы даже, сюжет никак не просматривался. В основном заметен языковой эксперимент, стилистически этот текст очень интересен. Это – поиски самобытного стиля. Владимир Рафаилович очень остро чувствует форму, у него прекрасный вкус.

Судья: Почему Вы считаете, что это были наброски?

Демиденко: Не было последовательности в эпизодах, не было главного героя...

Судья: Вы как специалист не обратили внимания, были ли там какие-нибудь антисоветские высказывания?

Демиденко: Нет, не было.

Судья: С какой целью он Вам давал свою рукопись?

Демиденко: Может быть, об этом нескромно говорить, но Марамзин с уважением относился к моему языковому чутью...

Судья: Как он сам-то просил Вас прочесть?

Демиденко: Я не помню, что он это меня просил, может быть, я сама его попросила...

Судья: А откуда Вы узнали о существовании этой вещи?

Демиденко: Ну, он мог сам мне сказать о своей новой работе...

Судья: Кому Вы передавали "Блондина..."?

Демиденко: Никому, только, помню, говорила об этом произведении с Михайловой.

Судья: Аллой Валентиновной? Тоже редактор?

Демиденко: Да.

Судья: А рукопись ей передавали?

Демиденко: Нет.

Судья: А кто же ей передал?

Демиденко: Может быть, сам Марамзин?

Судья: А на следствии Вы говорили, что видели это сочинение в руках Михайловой и что она читала?

Демиденко: Не помню. С допроса прошло 1,5 года. И вообще, для нас, литературных работников, в чтении литературных

произведений нет ничего предосудительного и неординарного. Мы все время этим занимаемся, такова наша профессия. Я вспомнила сейчас, что получила главы из "Блондина..." из рук самого Марамзина, а про Михайлову ничего не знаю.

Адвокат: Марамзин предпринимал когда-нибудь попытки навязать Вам разговоры политического характера?

Демиденко: Нет, о политике мы никогда не говорили.

Адвокат: В листках, которые Вы читали, встречались ли выражения, клеветнически позорящие советскую власть?

Демиденко: Нет, ничего такого в рукописи не было.

Марамзин: Я действительно просил Светлану Матвеевну, которую я бесконечно уважаю как редактора, прекрасно знающего русский язык, прочесть кусочки повести, как раз обратив внимание на язык произведения.

Судья: А кто давал Михайловой "Блондина...?"

Марамзин: Я.

Судья: В каком состоянии был текст: часть ли, весь ли, первые ли варианты, окончательные ли?

Марамзин: Этого я сейчас не помню.

Суд устанавливает, что остальные свидетели не явились по уважительным причинам.

Судья — Спрашивает мнение Марамзина о продолжении судебного расследования.

Марамзин — Считает возможным закончить судебное разбирательство, не дожидаясь показаний не явившихся на заседание свидетелей, т.к. его показания не расходятся с их показаниями.

Адвокат — Тоже не возражает.

Прокурор — Не возражает, но ходатайствует об оглашении показаний на предварительном следствии свидетелей Шильдкнехт, Воронеля А.В., Калининой Т., Бакинского В.С.

Суд разрешает огласить показания, данные на предварительном следствии, Калининой, Шильдкнехт, Воронеля, Бакинского В.С.

Показания свидетельницы Шильдкнехт Лидии Петровны.

Шильдкнехт: С Марамзиным познакомилась зимой 67-68 г.г.

Я тогда работала в сценарном отделе Ленфильма. Марамзина мне представила Чумак. Знаю Марамзина как способного литератора. В моей квартире мой муж Раппопорт и Марамзин обсуждали будущий совместный кинофильм, который не состоялся. Потом Марамзин дал моему мужу свой рассказ, чтобы познакомить мужа со своим творчеством. Я тоже прочла рассказ, называется, кажется, "Визит в КГБ" — точно не помню. Там описывается, как КГБ вызывает писателей и дает им темы для произведений, указывает, о чем те должны писать. Когда возвратила рассказ, сказала Марамзину, что описанное им неправдоподобно, что он не знает жизни, так пусть и не пишет о том, что не знает и в чем не компетентен. Он ответил, что это его стиль. Детальных, специальных бесед с Марамзиным не вела, только вклинивалась в его разговоры с моим мужем. Перечисляет, с кем, по ее наблюдениям, дружил Марамзин. Марамзин утверждал, что в нашей стране художник не может выражать свое мироощущение, что у нас нет свободы слова и творчества. Но откровенных антисоветских разговоров он при мне не вел. Повесть "Блондин..." не знаю. Не читала даже изданные в СССР его произведения. У Марамзина имелась, по его выражению, запрещенная литература и т.п. Самиздат. На меня он смотрел как на какого-то серого человека. В сентябре 68 года он дал мне почитать "Несвоевременные мысли" Горького, а потом мемуары Н.Я. Мандельштам. Сам ли он вручил мне мемуары Мандельштам или через Чумак и кому я их вернула — не помню. Поскольку он считал супругов Чумак интеллигентами, он давал им и Демиденко читать запрещенную литературу.

Марамзин: Показания в основном правильные. Я ей давал рассказ "Тянитолкай". В обвинительном заключении сказано, что на студии это было, но на самом деле у нее дома. Что касается ее оценки наших разговоров о природе творчества, то она очень субъективна, на самом деле все было не совсем так мною сказано.

Показания Воронеля Александра В.

Воронель: Познакомился с Марамзиным 10 лет назад, мне

он известен как литератор. Виделись неоднократно и в Москве и в Ленинграде. Марамзин систематически знакомил меня со своими произведениями. Наибольшее впечатление на меня произвел "Блондин...". Характер у Марамзина мягкий, отзывчивый. Он приехал ко мне в конце апреля. Говорил про обыски в Ленинграде, про свой допрос. Передал мне документы "Война против писателей", "Война против писателей продолжается", Письмо в секретариат Ленинградского отд. СП, протокол обыска, список изъятых его произведений. Оставил все это у меня с целью хранения. Просил меня устроить вызовы его жене и дочери, у самого Марамзина вызов уже был. Когда и где прочел "Блондина..." — не помню. А. Пятигорского знаю давно, встречались редко и нерегулярно. Я не знал, что они с Марамзиным знакомы. Знал, что Марамзин печатается за границей, но как он это делал, мне неизвестно. "Водку", "Прочь от места катастрофы" и "Мой ответ Гоголю" я действительно опубликовал в сборнике "Евреи в СССР". Как и когда получил от Марамзина эти рассказы, не помню. Помню, что я спросил тогда, не против ли он опубликования их. Марамзин ответил, что пишет для того, чтобы читали.

Марамзин: Показания правдивы. Я только до ареста не знал о существовании сбсрника "Евреи в СССР". Я открыто посылал все свои произведения во все советские редакции.

Показания Калининой Татьяны ...

(К судье подходит комендант суда и что-то долго шепчет на ухо .)

Судья: Товарищи! Процесс у нас открытый, вам разрешено присутствовать, но никто не должен вести записи. Этим занимается только секретарь суда, а вам это не нужно.

Голоса из зала: "Это надо понимать как запрет?", "На каком основании?"

Судья: Суд не собирается обсуждать с вами этот вопрос. Суд не намерен вступать с кем бы то ни было в дискуссии.

Показания свидетельницы Калининой Татьяны ...

Калинина: В середине марта я была в гостях у Марамзина ...

(В зале возникает шум. Агенты КГБ вырывают из рук

присутствующих бумаги и блокноты. Шум усиливается, многие вскакивают с мест .)

Судья: Что происходит? Прекратите шум!

Голоса из зала: "Здесь хулиганят! Уймите хулиганов! Выведите хулиганов!"

(В зале появляется усиленный наряд милиции и охраны.)

Судья: Суд объявляет перерыв на 10 минут, а вы пока разберитесь!

(Один из кагебешников набрасывается с кулаками на одного из присутствующих. Крики: "Это провокация!"; "Не поддавайтесь на провокацию КГБ!" Агенты КГБ, применяя физическую силу, отнимают у присутствующих блокноты и бумаги. Вохровцы и милиция вытесняют, выпихивают публику из зала. Марамзин вскочил со скамьи подсудимых и кричит: "Если вы сейчас же не прекратите избивать моих друзей, я откажусь давать показания суду!" Комендант суда: "Кто избивает? Вам показалось." Марамзин: "Вы даже на женщин подняли руку, я же вижу!" Охрана и милиция выталкивают публику в коридор, затем загоняют всех в одну маленькую комнату и, как и утром, перед началом заседания, запирают. Минут через 20-25 часть публики была вновь допущена в зал, человек 50 осталось перед закрытыми дверями зала, их не пустили.)

Судья: Заседание продолжается. Продолжаем оглашение показаний Калининой.

Калинина: Мы с Марамзиным беседовали о русской религиозной философии. Речь зашла о С. Булгакове. Марамзин предложил мне "Вестник РСХД" №№ 101-102, где была как раз статья С. Булгакова. Больше он ничего никогда не передавал. Когда прочла другие статьи в "Вестнике РСХД", обнаружила и материалы, которые можно расценить как антисоветские. Но с мужем эти материалы не обсуждала, не разговаривала об этом и с Марамзиным. Откуда Марамзин получил "Вестник" — не знаю, не интересовалась.

Марамзин: Показания абсолютно правдивы. Извините, но вы произносите "Сергей Булгаков", тогда как надо — "Сергий".

Судья: Я неправильно произнесла имя?

Марамзин: Да, неправильно.

Показания Бакинского Виктора Семеновича, литератор, член СП.

Бакинский: С Марамзиным знакомы с 60 г., когда он, закончив институт, стал заниматься в литературной студии, которой я руководил. Он занимался у меня 6 лет, до поступления в группком. После 65 г. встречались реже. В 66-67 г.г. я работал в Рязани, поэтому мы виделись совсем редко, в основном в СП. Пару раз я был у него дома, несколько раз он у меня. На занятиях литобъединения обсуждались все произведения Марамзина, оценивались, как правило, положительно, он очень успешно избегал шаблона, чем грешат большинство молодых литераторов. Я лично как удачную работу расцениваю его рассказ... Но отдельные его произведения я критиковал за маломасштабность. Например, повесть "История женитьбы Ивана Петровича". Это произведение мне не нравилось по чисто литературным критериям: там имеются физиологизмы, неприятные подробности любовно-эротического плана... А вот политически вредных идей в этой повести нет совсем. Разговаривали мы с Марамзиным только на творческие и литературные темы. Никаких политических разговоров Марамзин не вел. Клеветнических высказываний в произведениях своих не допускал никогда. "Блондин ..." мне не понравился, сбивчивая, бурная вещь, нет сюжета, герой — шизофреник какой-то. Я ничего не понял, по-моему, лишь поиски формального своеобразия. Отдельные фразы в этой повести показались мне, если можно так выразиться, бестактными в идейном отношении. Не исключено, что повесть читал мой сын Вадим Бакинский. О распространении Марамзиным антисоветских материалов я ничего не знаю. О связях Марамзина с иностранцами и о передаче за границу антисоветских клеветнических произведений я ничего не знаю.

Судья: Предлагает задавать вопросы эксперту.

Прокурор: Подтверждаете ли Вы заключения экспертизы №... от 15 февраля 74 г., № ... от 22 октября 74 г., № ... от 24 декабря 74 г.?

Адвокат: Марамзин отказывается от текста Письма Григорен-

ко и Костерина. На какой машинке напечатана имеющаяся в деле копия этого документа?

Эксперт: Я подтверждаю, что заключения экспертизы № ... от 15 февраля 74 г., № ... от 22 октября 74 г., № ... от 24 декабря 74 г. Я подтверждаю, что копия Письма Григоренко и Костерина изготовлена на машинке марки №, принадлежащей свидетелю Макарову.

Адвокат: Марамзин, где Ваш отец?

Марамзин: Мой отец в 41 г. добровольцем вступил в народное ополчение и погиб в 42 г. под Ленинградом.

Адвокат: Кем был Ваш отец?

Марамзин: Мой отец был рабочим-металлистом, работал на заводе...

Адвокат: Обращаю внимание суда на имеющуюся в деле справку, выданную санчастью изолятора, что Марамзин болен ревматическим эндокардитом.

Судья: Да, имеется такая справка.

Адвокат: Советское законодательство расценивает как смягчающее вину обстоятельство, когда подсудимый предпринимает действия, связанные с предотвращением последствий совершенного преступления. Марамзин через своего защитника обратился к следственным органам с просьбой разрешить ему выступить с письмом в газету "Монд". Разрешение было дано, и 8 февраля Марамзин написал такое письмо, 11 февраля отдел печати МИД СССР передал текст письма корреспонденту газеты "Монд", и, как известно, 13 февраля газета опубликовала это письмо Марамзина. Защита ходатайствует о приобщении текста письма Марамзина в редакцию газеты "Монд" – Париж к делу.

Судья: Обвинение не возражает?

Прокурор: Могу я прежде ознакомиться с текстом? (читает)
Не возражаю против приобщения к делу письма подсудимого Марамзина в редакцию газеты "Монд".

(В зал вбегает комендант суда, кричит: "Азизян привезли!")

Судья: Свидетельница Азизян? Марина Чолаковна? (прож. Ленинград, Макарова 12, кв. 5; работает художником на Ленфильме). Почему Вы не явились в суд по повестке?

Азизян: Я была занята.

Судья: Разве это ответ? Передайте Вашему начальнику, что если он еще раз напишет подобную справку, мы его накажем. А директору киностудии суд направит письмо о Вашей недисциплинированности. Ну, говорите.

Азизян молчит.

Судья: О чем Вы допрашивались органами? Что Вы знаете о деле Марамзина?

Азизян: Я не знаю, я знаю только Володю Марамзина.

Судья: С какого времени знаете?

Азизян: Лет 10.

Судья: Характер Ваших отношений?

Азизян: Знакомы по общему делу.

Судья: Что это значит — делу?

Азизян: По работе в кино.

Судья: Знакомы с его произведениями?

Азизян: Читала его опубликованную книжку, кажется, "На чем развозят горожан".

Судья: В связи с чем, с какой целью он дал Вам эту книжку?

Азизян: Я хотела иллюстрировать его произведения.

Судья: Еще что? Еще что? Еще что?

Азизян: Не помню.

Судья: Что Вам известно о встречах Марамзина с иностранцами?

Азизян: Ничего не известно.

Судья: И никакую его рукопись Вы красным лаком не заливали?

Азизян: Нет.

Прокурор: Дарил Вам Марамзин свои неопубликованные произведения?

Азизян: Не помню.

Судья: Свидетель, говорите громче!

Азизян: Я не могу громче, я только что была больна.

Прокурор: Чем Вы больны?

Азизян: У меня шизофрения.

Прокурор: И что, Вы на учете в психдиспансере состоите?

Азизян: Да, состою.

Прокурор: Поэтому Вы ничего и не помните?

Азизян: Может быть.

Прокурор: А если я напомню Вам, что Вы говорили на следствии?

Азизян: Как хотите.

Прокурор: Марамзин, Вы давали Азизян что-нибудь читать?

Марамзин: Да, "Блондина...".

Прокурор: Когда?

Марамзин: В конце 73.

Прокурор: Азизян, Вы этого не помните?

Азизян: Да.

Прокурор: Что "да"?

Азизян: Да, помню.

Прокурор: А в 72 г. Вы, Марамзин, не передавали Азизян повесть "Появление автора в письменном виде"?

Марамзин: Это рассказ. Нет, я вслух читал. Может быть, и она тогда присутствовала.

Прокурор: На следствии Вы показывали, что подарили ей экземпляр этого рассказа с дарственной надписью?

Марамзин: Сейчас я этого не помню.

Прокурор: Свидетель, что Вы можете сказать по поводу этих показаний?

Азизян: Я верю Володе.

Прокурор: Значит, был такой случай?

Азизян: Наверное, был.

В 12.30 заседание объявляется отложенным. В коридоре суда милицией по указанию КГБ был арестован один из присутствовавших в зале — Илья Левин. Вечером того же дня ему было предъявлено обвинение в том, что он нарушал порядок в зале суда — вел записи, что он выкрикивал антисоветские лозунги и совершал другие действия, нарушая таким образом общественный порядок. Суд над ним должен был состояться на следующее утро, но Левин был внезапно освобожден без всяких последствий.

Заседание третье. 21 февраля 74 г. 10 час. 10 мин.

(Публика, пришедшая в помещение горсуда, обратила внимание на необычное количество милиции, в том числе довольно высоких милицейских чинов. Никто из пришедших до последнего момента не был допущен на этаж, где в зале № 55 происходит процесс. Когда же какая-то часть (человек 30) бы-

ла все же допущена в зал, вошедшие остановились в дверях зала в изумлении: добрые 2/3, а то и 3/4 зала были уже заполнены в шахматном порядке рассажеными агентами КГБ. Многие из присутствующих узнали здесь "своих" следователей или оперативников, производивших обыски в их квартирах. Присутствующие слышали, как подсудимый Марамзин пытался протестовать по этому поводу, но адвокат уговаривал его не делать этого .)

Судья: Приступим к прениям сторон.

Прокурор: Повторяет все детали обвинительного заключения, в частности: Марамзин систематически изготовлял, распространял и хранил антисоветские материалы, содержащие заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. В 67 г. Марамзин передал свидетелю Макарову произведение М.Джиласа "Разговоры со Сталиным", Егельскому – антисоветский сборник "Союзницын. Документальный обзор", Калининной – антисоветский сборник "Вестник РСХД" №№ 101-102, в 68-73 г.г. Марамзин передал Макарову – НН "Отрывки из статьи", "Выступление" Свирского, "Великопостное послание Патриарху Пимену", "Интервью западным корреспондентам", а также клеветнические материалы: антисоветскую статью Белля "Мир несвободы", где советское общество именуется "миром несвободы". "Мир несвободы" Марамзин в Доме писателей передал М.Хейфцу, впоследствии осужденному за антисоветскую деятельность. В 67-73 г.г. Марамзин изготовил и размножил на своей пишущей машинке следующие сочинения антисоветского содержания: рассказ "Тянитолкай", заведомо ложно утверждающий, что в СССР отсутствует свобода слова, "Человек, который верил в свое особое назначение", клеветующий на советский суд, цикл рассказов "Секреты", цикл "Смешнее, чем прежде", где содержатся откровенно клеветнические рассказы "Мой ответ Гоголю", "Прочь от места катастрофы", "Появление автора в письменном виде", а также повесть "Блондин обеого цвета".

В 68 г. на своей квартире Марамзин передал рассказ "Тянитолкай" А.В. Кузнецову, впоследствии изменившему Роди-

не. Марамзин передавал свои сочинения Макарову, Загребе, Вахтину, Бурихину, Виньковецкому, Бакинскому В.С., Бакинскому В.В., Азизян, Демиденко и др. В результате широкого распространения этих сочинений в Ленинграде, они попали на Запад и были опубликованы в антисоветском сборнике "Русский литературный ежеквартальник", издаваемом в Америке, в № 1 за 73 год. В 73 г. Марамзин передал свои рассказы из циклов "Смешнее, чем прежде" и "Секреты" А. Воронелю и разрешил опубликовать их в нелегальном антисоветском сборнике "Евреи в СССР". Летом 73 года Марамзин передал ряд своих произведений гражданке Франции Катрин Дорэ, являющейся эмиссаром троцкистской организации "Союз молодых за социализм", действующей на территории Франции. Повесть "Блондин..." Марамзин передал А. Волохонскому, уехавшему на постоянное жительство в государство Израиль. 1 апреля 74 года следственные органы КГБ произвели обыск на квартире Марамзина, после чего тот написал письмо "Война против писателей", содержащее клеветнические измышления об отсутствии свободы слова и преследовании писателей в СССР. Затем, узнав, что у некоторых его единомышленников произведены обыски, Марамзин сочинил новое письмо клеветнического содержания "Война против писателей продолжается". Первое письмо Марамзин отправил на Запад с целью раздувания антисоветской истерии. В мае 74 года Марамзин переправил за границу второе письмо (от 30 мая) в защиту арестованного за антисоветскую деятельность М. Хейфеца. В результате произведенных у Марамзина обысков установлено, что он хранил у себя дома антисоветскую литературу, изданную за рубежом и самиздатовскую. У Марамзина изъяты следующие материалы (перечисляет). У свидетелей изъяты следующие материалы (перечисляет). В деле также находятся ксерокопии антисоветского издания "Русский литературный ежеквартальник" и нелегального сборника "Евреи в СССР". При обыске на квартире А. Воронеля изъяты письма Марамзина "Война против писателей", "Война против писателей продолжается" и письма 1968 г. В деле хранится переписка, которую Марамзин регулярно вел с врагами советского государства К. Дорэ, Киселевым, Волохонским, Коганом. При таможенном досмотре

у К. Дорэ обнаружен и изъят телефонный номер Марамзина. Подсудимый Марамзин полностью признал себя виновным, не оспаривал показания свидетелей, в ряде случаев помогал свидетелям восстановить в памяти обстоятельства, интересующие следствие. Учитывая, что судебное разбирательство восстановило полную и исчерпывающую картину преступления, досконально исследовало все обстоятельства дела, государственное обвинение не видит необходимости вновь подробно останавливаться на обстоятельствах. (Далее прокурор долго говорит об обострении борьбы между капитализмом и социализмом, о стратегической цели империализма, о врагах разрядки и т.п.) В среде нашей интеллигенции, к сожалению, встречаются обыватели, не имеющие устойчивых политических взглядов. Для достижения своих узко личных целей они идут на все, вплоть до предательства. 1 апреля на квартире Марамзина был произведен обыск, который немедленно был использован реакционными кругами на Западе для раздувания антисоветской истерии с целью срыва международной разрядки. Выступая перед своими избирателями, член Политбюро ЦК КПСС Председатель Комитета государственной безопасности тов. Андропов говорил: "Не зря стараются пропагандисты из империалистического лагеря. Они знают, что военным путем нас не победить, поэтому усиливают идеологическую диверсию..." и т.д. И действительно, кому на Западе выгодно представлять Марамзина инакомыслящим? Кто его единомышленники? Вот что заявил по этому поводу сам Марамзин : (цитирует). Один из таких его единомышленников – профессор Пенсильванского университета Киселев, якобы интересующийся творчеством Платонова, но другое лицо которого – энтэсовец, ближайший соратник идеолога этой ярой антисоветской организации некоего Поремского, в свое время активно сотрудничавшего с гитлеровцами, – этот Киселев выступил со статьей в защиту Марамзина на страницах троцкистского "Нового Русского Слова", призывая объявить экономическую блокаду нашей стране. Марамзин неоднократно встречался с троцкистским эмиссаром Катрин Дорэ, передал ей для вывоза на Запад свои рукописи. Когда при таможенном

досмотре это обнаружилось, Дорэ не сообщила об этом Марамзину, чтобы не спугнуть его, а подослала к нему свою сподручицу Катрин Вааст, теперь уже с конкретной целью — скомпрометировать литератора, чтобы самим погреть на этом руки. И Вааст настойчиво пыталась это сделать, она всучила слишком доверчивому Марамзину две энтээсовские листовки издательства "Посев" с призывом к писателям, издателям, всем творческим работникам. Знакомство с изданными за границей антисоветскими сочинениями сформировало Марамзина как антисоветчика. Новая тактика наших врагов состоит в том, что ими на вооружение принята пропаганда реакционного православия. Немалую роль здесь играет т.н. Русское Студенческое Христианское Движение. Руководство этой организации откровенно поставило это движение на службу реакционным кругам, их "Вестники" готовят и формируют, под прикрытием религиозной пропаганды, воинствующих антикоммунистов. Антисоветчики взяли в последнее время на вооружение и пытаются воскресить русских философов-идеалистов, чтобы через их работы воздействовать на советских людей в нужном им направлении. Поэтому они по нелегальным каналам засылают в СССР книги объективно антикоммунистов и антисоциалистов Бердяева, Франка, Федотова. И эти книги, как показывают произведенные у Марамзина обыски, он хранил у себя дома. Марамзин сам признался, что он не читал советских газет, не слушал советское радио. Так он, вольно или невольно, становился на путь предательства. Теперь он осознал и заявил об этом во всеуслышанье. В своем письме в "Монд" он с возмущением говорит о том, что его хотят использовать против его Родины. Настоящий судебный процесс — урок не только для Марамзина, но и для остальных идейно неустойчивых граждан. Государственное обвинение считает, что в ходе судебного разбирательства обвинение полностью доказано и преступные действия, совершенные Марамзиным, правильно классифицированы по статье 70 часть 1 УК РСФСР как агитация и пропаганда в целях подрыва или ослабления советской власти. Распространение клеветнических измышлений, порочащих советское государство, изготовление, распространение и хранение антисоветской литературы, содержащей

призывы к свержению советской власти. Подсудимый Марамзин искренне, как он утверждает, раскаялся, в ходе предварительного судебного следствия помогал следствию, кроме того, он по собственной инициативе предпринял меры для предотвращения последствий совершенных им преступных действий. Несмотря на тяжесть и большую общественную опасность совершенного Марамзиным преступления, государственное обвинение считает возможным при определении меры наказания применить статью 44 УК РСФСР и назначить Марамзину меру наказания в виде лишения его свободы сроком на пять лет с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима без последующей ссылки условно с испытательным сроком в течение пяти лет.

Адвокат: "Нельзя обижаться на Родину, что бы с тобой не случилось", — это сказал подсудимый Марамзин, и т.д. и т.п.

Адвокат: ходатайствует перед судом об исключении из обвинительного заключения факта передачи Марамзиным текста письма Григоренко и Костерина Будапештскому совещанию коммунистических и рабочих партий Макарову как факта, не подтвержденного судебным разбирательством; просит суд обратить внимание, что не всю книгу М.Джиласа "Разговоры со Сталиным" передал Марамзин Макарову, а только часть ее "Три встречи", причем Марамзин не знал, что это отрывок из книги М.Джиласа "Разговоры со Сталиным". Адвокат утверждает и документально доказывает, что свидетелю Макарову вообще верить нельзя, потому что все его показания на предварительном следствии и на судебном разбирательстве противоречат друг другу и исключают друг друга. Адвокат обращает внимание на показания Демиденко о том, что она не получала от Марамзина всей повести "Блондин ...", но только незначительные отрывки из нее, и в отрывках этих профессиональный редакторский глаз Демиденко не обнаружил ничего антисоветского. Так что, по мнению адвоката, и этот пункт следует изъять из обвинительного заключения. Защита просит суд разделить и мнение государственного обвинения в части меры наказания Марамзина, считая, однако, что она может быть и снижена. Защита просит суд вернуть Ма-

рамзину конфискованное орудие производства – пишущую машинку "Олимпия", УПК предусматривает такую возможность.

Последнее слово подсудимого Марамзина В.Р.

Граждане судьи! Закон есть закон. И тот, кто переступает его, является преступником. Сегодня я сам сужу себя вместе с вами, и не только за те действия, которые перечислены в обвинительном заключении, но и за многие другие, которые, возможно, не подлежат юрисдикции Уголовного кодекса. Есть еще и другой суд, после которого не бывает обжалования и кассаций. Мне придется отвечать и перед тем судом. Я не прошу у вас милосердия для себя. Я хочу только сказать, что я имею обязанности по отношению к двум малолетним детям, перед которыми очень виноват. Я также виноват перед женщиной, которая пошла за мной, зная, что впереди ни деньги, ни слава не ждут ее, а только мучения и трудности. У меня за семь месяцев заключения, где я встретил свое сорокалетие, было много времени, чтобы оценить часть жизни, которую осталось прожить. Я много думал, я знаю теперь, что писать я больше не буду. Но я прошу суд вернуть моей семье конфискованную у меня пишущую машинку, которая дорога нам как память. Граждане судьи, я раскаиваюсь в содеянном и прошу у суда милосердия. Милосердие украшает государство.

Судья: Объявляет перерыв до 16 часов.

Суд удаляется на совещание в 11 час. 30 мин.

(После перерыва происходило все то же, что и перед началом заседания. Опять милиция и кагебешники униженно оттесняли публику до самого начала заседания, опять немногие, все же вошедшие в зал, нашли его на, по крайней мере, 2/3 заполненным агентами КГБ .)

Судья: Оглашает приговор, который от обвинительного заключения отличается только отсутствием обвинения Марамзина в передаче Макарову письма Григоренко и Костерина Будапештскому совещанию. Суд приговаривает Марамзина В.Р. к пятилетнему заключению в исправительно-трудовой колонии строгого режима без последующей ссылки условно с трехлетним испытательным сроком. Из-под стражи освободить немедленно.

Судья: Марамзин, Вы освобождены из-под стражи.

Марамзин медленно выходит из-за барьера скамьи подсудимых, стражники нелепо топчутся, не зная, что в таких случаях им надлежит делать... В зале тишина. Родственники и друзья окружают улыбающегося Марамзина, ему преподносят цветы. Объятия, поцелуи. Агенты КГБ мрачно толпятся вокруг. Кто-то протягивает Марамзину его книгу, автор раздает автографы. Публика долго не покидает зал суда. У выхода из здания суда какая-то старушка спрашивает у выходящих: "Кого судили-то?" "Да писателя, бабушка!" "За что, милые?" "Да за то, что книжки писал." "И что же дали-то?" "Да освободили, бабусь, освободили!" "А что ж это стражи-то больно много было? А сколько просидел-то он?" "Семь месяцев". "У, ироды! Да их самих-то, кто держал его понапрасну, их самих бы посадить надо за дела такие!"

Хронология дела Марамзина

1. Летом 73 на таможне при выезде у К. Дорэ изъяты рукописи Марамзина и письмо Виньковецкого.
2. Ноябрь 73. Допрос Макарова.
3. Январь 74. Обыск у Макарова.
4. 12 марта 74. Заведено дело № 21 (Марамзина).
5. 1 апреля 74. Обыски у Марамзина, Загребы, Макарова, Хейфеца.
6. 2 апреля 74. Письмо "Война против писателей".
7. 2 апреля 74. Обыск у Бурихина.
8. 9 апреля 74. Письмо "Война против писателей продолжается".
9. 23 мая 74. Обыск у Виньковецкого и еще у трех ленинградцев.
10. 22 апреля 74. Арест М.Хейфеца.
11. 30 мая 74. Письмо Марамзина в защиту Хейфеца.
12. Лето 74. Допрос Катрин Вааст.

13. 17 июля 74. Допрос Макарова.
14. 19 июля 74. Обыск у А.Воронеля.
15. 24 июля 74. Арест Марамзина.
16. 9-13 сентября 74. Процесс Хейфеца.
17. 20 сентября 74. Отъезд Е. Эткинда.
18. Начало октября 74. Процесс Демиденко.
19. 23 октября 74. Допрос Макарова.
20. 28 октября 74. Допрос В.В. Бакинського.
21. Ноябрь 74. Отказ от инкриминации Марамзину Бродского.
22. Ноябрь 74. Отстранение от дела ст. следователя майора Рябчука.
23. 19 декабря 74. Обыск у А. Воронеля.
24. 24 декабря 74. Отъезд А. Воронеля.
25. 11 января 75. Последний допрос Хейфеца по делу Марамзина.
26. 4 февраля 75. Марамзин получил обвинительное заключение.
27. 8 февраля 75. Письмо Марамзина в "Монд".
28. 11 февраля 75. Отдел печати МИД СССР передает письмо корр. "Монда".
29. 13 февраля 75. Письмо Марамзина опубликовано в "Монд".
30. 19-21 февраля 75. Процесс над Марамзиным.
31. 21 февраля 75. Марамзин освобожден из-под стражи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ О СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

ГЛАВЛИТ

Здесь публикуются старые и современные документы об организации органа советской цензуры и его действиях.

Положение о Главном Управлении по делам* литературы и издательства (Главлит)

(С.У. 1922 г., № 40, ст. 461.)

1. В целях объединения всех видов цензуры печатных произведений, учреждается Главное Управление по делам литературы и издательства при Народном Комиссариате Просвещения и его местные органы — при Губернских Отделах Народного Образования.

2. На Главное Управление по делам литературы и издательства и его местные органы возлагается:

а) предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению произведений как рукописных, так и печатных, изданий периодических и непериодических, снимков, рисунков, карт и т.п.;

б) выдача разрешений на право издания отдельных произведений, а равно органов печати периодических и непериодических;

в) составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению;

г) издание правил, распоряжений и инструкций по делам

* Печатается по книге "Законы о печати", сост. Н.М. Николаев, Госиздат, 1924 год (?)

печати, обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов.

3. Главное Управление по делам литературы и издательства и его органы воспрещают издание и распространение произведений:

- а) содержащих агитацию против Советской власти;
- б) разглашающих военные тайны Республики;
- в) возбуждающих общественное мнение путем сообщения ложных сведений;
- г) возбуждающих националистический и религиозный фанатизм;
- д) носящих порнографический характер.

4. Издания Коммунистического Интернационала, Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, Губернских Комитетов Российской Коммунистической Партии и вся вообще партийная коммунистическая печать, а равно издания Государственного Издательства и Главного Политико-Просветительного Комитета, "Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета" и научные труды Академии Наук освобождаются от цензуры. В отношении этих изданий на Главное Управление по делам литературы и издательства и его органы возлагается принятие мер к полному обеспечению интересов военной цензуры. Специальные ведомственные издания освобождаются от цензуры лишь по соглашению между Главным Управлением по делам литературы и издательства и соответствующим Народным Комиссариатом.

5. На всех произведениях печати, издаваемых в Республике, за исключением перечисленных в ст. 4-й, должна быть виза Главного Управления по делам литературы и издательства или его местных органов.

6. Во главе Главного Управления по делам литературы и издательства стоит заведывающий, назначаемый Коллегией Народного Комиссариата Просвещения, и два помощника, назначаемые этой же Коллегией по соглашению с Революционным Военным Советом Республики и Государственным Политическим Управлением и находящиеся в подчинении как заведывающему, так и соответствующему органу по принадлежности.

7. Местные органы Главного Управления по делам литера-

туры и издательства в крупнейших центрах, как-то: Петроград, Киев, Одесса, Харьков и т.д. (по определению Главного Управления), конструируются аналогично Главному Управлению. Во всех остальных губернских городах существуют цензоры, назначаемые Губернским Отделом Народного Образования и утверждаемые Главным Управлением по делам литературы и издательства.

8. Независимо от случаев объявления местности на военном положении, органы цензуры в отдельных местностях, по сообщениям военной необходимости, в порядке соглашения Революционного Военного Совета Республики с Главным Управлением по делам литературы и издательства, переходят в подчинение военному ведомству, или последнему предоставляется вводить в них специального цензора.

9. Надзор за зрелищами и театральными представлениями возлагается на заведывающих Губернскими Отделами Народного Образования.

10. На Органы Государственного Политического Управления возлагается борьба с распространением произведений, не разрешенных Главным Управлением по делам литературы и издательства и его органами, а также надзор за типографиями, таможенными и пограничными пунктами, борьба с подпольными изданиями и их распространением, борьба с провозом из-за границы для распространения на территории Р.С.Ф.С.Р. не разрешенной к обращению литературы, наблюдение за продажей русской и иностранной литературы и изъятие книг, не разрешенных Главным Управлением по делам литературы и издательства и его органами, согласно списков, упомянутых в п. "в" ст. 2-й.

Примечание. Списки, издаваемые Главным Управлением по делам литературы и издательства, обязательны к точному и неуклонному руководству для органов Государственного Политического Управления. По поводу отдельных произведений, не включенных в упомянутые списки, Государственное Политическое Управление, в каждом отдельном случае, возбуждает вопрос о разрешении

или воспрещении их обращения в Главном Управлении по делам литературы и издательства.

11. Заведывающие типографиями и заводоуправлениями под страхом судебной ответственности обязаны неуклонно следить за тем, чтобы печатаемые в их типографиях произведения имели разрешительную визу Главного Управления по делам литературы и издательства или его органов, за исключением произведений, перечисленных в ст. 4-й.

12. Владельцы и заведывающие типографиями обязаны представлять в органы цензуры по пяти экземпляров всякого рода печатного произведения, немедленно по его напечатании:

Подписали: За Председателя Совета
Народных Комиссаров *А.И. Рыков*.
За Управляющего Делами Совета Народных
Комиссаров *В. Смольянинов*.
Секретарь Совета Народных
Комиссаров *Л. Фотиева*.

6 июня 1922 года

Инструкция Главлита его местным органам *

1. Права и функции Главлита и его местных органов.

1. Главлит и его местные органы осуществляют все виды цензуры (военную, политическую, идеологическую и т.д.).

2. Все органы печати, за исключением освобожденных от цензуры по декрету, обязаны представлять в Главлит и его местные органы на предварительный просмотр все предназначенное для печати.

3. Главлит производит предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению произведений как рукописных, так и печатных, изданий периодических и непериодических, снимков, рисунков и т.п. (как российских, так и ввозных из-за границы.)

* Ibid.

4. Производит выдачу разрешений на право издания отдельных произведений, — равно и органов печати периодических и неперидических, а также и на право организации нового издательства.

5. Составляет списки произведений печати, запрещенных к продаже и распространению (как российской литературы, так и зарубежной).

6. Издаёт правила, распоряжения и инструкции по делам печати, обязательные для всех органов печати: издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов.

7. Цензура печатных произведений заключается:

а) В недопущении к печати сведений, не подлежащих оглашению (см. перечень).

б) В недопущении к печати статей, носящих явно враждебный к Коммунистической партии и Советской власти характер.

в) В недопущении всякого рода печатных произведений, через которые проводится враждебная нам идеология в основных вопросах (общественности, религии, экономики, в национальном вопросе, области искусства и т.д.).

г) В недопущении бульварной прессы, порнографии, недобросовестной рекламы и т.д.

д) В изъятии из статей наиболее острых мест (фактов, цифр, характеристик), компрометирующих Соввласть и Компартию.

8. Главлит пользуется правом приостанавливать отдельные издания, сокращать тираж, а также и закрывать издательства при наличии явно преступной деятельности, предавая ответственных руководителей суду или передавая дело в местные Г.П.У.

Примечание. В случае необходимости закрыть какое-либо издательство, местному органу Главлита надлежит обратиться с запросом в Центр. И только если необходимость закрытия крайне срочна, самому приостановить издательство, донося об этом в Центр на утверждение.

9. Политконтроль Г.П.У. оказывает Главлиту техническую помощь в деле наблюдения за распространением печати, за

типографией, книжной торговлей, ввозом и вывозом печатных произведений из-за границы и за пределы Республики, согласно декрету.

II. *Организационная структура.*

1. Во главе Главлита, согласно декрету, стоит заведующий и 2 его помощника — представители Р.В.С.Р. и Г.П.У.

2. Во главе Областного Отдела стоит заведующий, назначенный О.Н.О. и 2 его помощника, представители Комвойск и Ц.К. Г.П.У.

3. Областные Отделы структурируются в следующих областных пунктах*.

4. Областные Отделы организуют свои губернские органы, согласно прилагаемым штатам.

5. Областной Отдел несет ответственность за всю работу перед Главлитом и отчетывается перед ним докладами 2 раза в месяц.

6. По вопросам, носящим ведомственный характер, представители органов Р.В.С.Р. и Г.П.У. в Областном Отделе Главлита могут обращаться непосредственно к представителю своего ведомства в Главлите.

III. *Функции Подъотделов Областных Отделов Главлита.*

1. Областной Отдел Главлита состоит из подъотделов: Литературного, Административно-Инструкторского и Секретариата.

Далее в Инструкции излагается техника распределения по отделам работы Облита.

В литературном п/отделе производится собственно цензурная работа. В административно-инструкторском — кроме административно-контрольной и организационно-инструкторской — учет издательств, типографий, книготорговли, библиотек, надзор за нарушениями ими действующих правил и др., в том числе последующая военная цензура тех изданий, которые

* В инструкции этот пункт напечатан с пропуском.

от предварительной цензуры освобождены. Секретариат, библиотека и архив осуществляют обычные функции.

В заключение Инструкция дает общие руководящие указания Губернским отделениям.

**Положение о Главном Управлении по делам
литературы и издательств
РСФСР (Главлит) и его местных органах***

Пост. СНК РСФСР от 6 июня 1931 г. (СУ № 31, ст.273)

1. Для осуществления всех видов политико-идеологического, военного и экономического контроля за предназначенными к опубликованию или распространению произведениями печати, рукописями, снимками, картинами и т.п., а также за радиовещаниями, лекциями и выставками, в составе Наркомпроса РСФСР образуется Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит).

2. Главлиту для осуществления возлагаемых на него задач предоставляется воспрещать издание, опубликование и распространение произведений:

- а) содержащих агитацию и пропаганду против советской власти и диктатуры пролетариата;
- б) разглашающих государственные тайны;
- в) возбуждающих националистический и религиозный фанатизм;
- г) носящих порнографический характер.

3. На Главлит возлагается:

- а) общее руководство и инспектирование местных органов и уполномоченных Главлита;
- б) предварительный и последующий контроль над выходящей литературой как с политико-идеологической, так и с воен-

* Печатается по книге "Основные директивы и законодательство о печати", сост. Л.Г. Фогелявич. ОГИЗ, 1935 год.

ной и экономической стороны, а также над радиовещанием, лекциями, выставками;

в) конфискация изданий, не подлежащих распространению;

г) выдача разрешений на открытие издательств и периодических органов печати, закрытие издательств и изданий, запрещение и разрешение ввоза из-за границы и вывоза за границу литературы, картин и т.п. в соответствии с действующими узаконениями;

д) издание правил, распоряжений и инструкций по предметам своего ведения, обязательных для всех учреждений, организаций и частных лиц;

е) рассмотрение жалоб на решения местных органов и уполномоченных Главлита;

ж) выработка, совместно с соответствующими ведомствами, перечней сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной и не подлежащих опубликованию или оглашению;

з) составление списка запрещенных к изданию и распространению произведений;

и) привлечение к ответственности лиц, нарушивших требования Главлита, его органов и уполномоченных.

Предварительный контроль (п. "б" ст. 3) осуществляется Главлитом через его уполномоченных при издательствах, редакциях периодических изданий, типографиях, радиовещательных организациях, при телеграфных агентствах, таможах, главных почтамтах и т.п. учреждениях.

Уполномоченные назначаются и смещаются Главлитом и содержатся за счет организаций, при которых они состоят.

Предварительный контроль продукции государственных издательств, входящих в систему ОГИЗ, осуществляется заведующими этими издательствами, являющимися уполномоченными Главлита и действующими на основании особой инструкции, утверждаемой Наркомпросом РСФСР. Для оперативной работы по контролю заведующие издательствами ОГИЗ назначают ответственных политредакторов, утверждаемых Главлитом.

Главлиту предоставляется в необходимых случаях устанавливать предварительный контроль как над всей продукцией

в целом, так и над отдельными видами литературы, издаваемой государственными издательствами ОГИЗ через особо назначаемых уполномоченных Главлита.

5. Издания Коммунистического Интернационала, Центрального комитета ВКП(б), краевых, областных и районных комитетов ВКП(б), а также "Известия ЦИК и ВЦИК" и труды Коммунистической академии и Академии наук освобождаются от политико-идеологического контроля Главлита.

В отношении этих изданий на Главлит и его местные органы возлагается обязанность, путем предварительного просмотра их, обеспечить полную сохранность государственных тайн.

6. Во главе Главлита стоит начальник, при котором создается коллегия. Персональный состав коллегии утверждается Наркомпросом РСФСР по согласованию с заинтересованными ведомствами.

7. В краях и областях, а также в промышленных центрах с развитой сетью фабрично-заводских газет и значительной издательской деятельностью образуются при соответствующих органах народного образования местные органы Главлита, проводящие свою работу по директивам и заданиям Главлита.

8. На местные органы Главлита возлагаются функции, указанные в ст.ст. 1 и 2, а также в п.п. "б", "в", "е", "з" и "и" ст. 3 настоящего положения.

В районах функции местных органов Главлита осуществляются особым лицом, назначаемым райисполкомом по согласованию с соответствующим органом Главлита.

9. Местные органы Главлита конструируются аналогично Главлиту, причем заведующие назначаются и смещаются Наркомпросом РСФСР, по представлению Главлита.

10. На всех произведениях печати, издаваемых в РСФСР, должна быть разрешительная виза Главлита или его местных органов (крайлит, облит, райлит, горлит, уполномоченный Главлита).

11. Заведующие типографиями обязаны представлять в органы Главлита по пяти экземпляров всякого рода печатных произведений, немедленно по их напечатании, до выпуска в свет.

12. Произведения печати, не разрешенные Главлитом и его местными органами, изымаются из распространения по предложению Главлита и его органов аппаратом издательских, книготоргующих и распространческих организаций (ОГИЗ – Книгоцентр, Союзпечать и др.) .

**Темы, запрещенные для открытой печати
и для радио- и телевизионных передач
(Обратный перевод с английского)*
(Извлечения)**

Для печатания в открытой печати или включения в радио- или телевизионные передачи без разрешения КГБ или ответственного Министерства или административного органа, занимающегося этим вопросом, запрещается следующее:

Маршруты поездок, остановки, места, в которых произносятся речи, транзитные остановки членов и кандидатов в члены Политбюро.

Информация об органах советской цензуры, раскрывающая характер, организацию и методы ее работы.

Деятельность органов государственной безопасности и разведки, включая расследование измены родине, шпионской деятельности, террористических актов, диверсий, антисоветской агитации и пропаганды, массовых беспорядков, членства в антисоветских организациях, нелегального выезда за границу; информация о фактах вышеупомянутых преступлений.

Деятельность антисоветских эмигрантских организаций.

Примечание (к вышеизложенному): На названные темы можно писать только с разрешения КГБ.

Информация о численности оперативного состава органов МВД, о наличии специальной оперативной техники.

* Дополнения, сделанные по памяти, – в квадратных скобках –В. Ч.

Обобщенные данные (абсолютные или относительные), характеризующие степень преступности или судимости по всем видам преступлений, в том числе: количество преступлений, число людей, привлеченных к ответственности за совершение преступлений, число арестованных, число осужденных — по области, городу и выше.

Число беспризорных детей, число людей, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством — по области и выше.

Информация о закрытых судебных процессах.

Количество мест предварительного заключения (следственных), мест одиночного заключения, тюрем, колоний, мест заключения, камер дополнительного (?) заключения — по городу, области и выше.

Информация о дислокации колоний и мест заключения без разрешения МВД.

[Слова "спецпоселение", "спецпоселенец".]

Информация о существовании исправительно-трудовых лагерей (начиная с 1957 г.).

Число школ особого режима, специальных профессионально-технических школ и число людей, обучающихся в них. Информация о чрезвычайных происшествиях в этих школах.

Число заключенных, выселенных, осужденных и состав заключенных.

Факты о рабочих потерях (?).

Факты о физическом состоянии, болезнях и уровне смертности среди заключенных во всех местах заключения, выселения и ссылки.

Информация о чрезвычайных происшествиях в исправительно-трудовых учреждениях (о массовой подрывной деятельности, самоубийствах, эпидемиях и других происшествиях подобного рода).

Число неграмотных людей.

Информация о человеческих жертвах аварий, крушений, серьезных катастроф и пожаров — без разрешения ответственного Министерства или отдела.

Информация о последствиях землетрясений, цунами, наводнений и других стихийных бедствий (общее число повреждений,

нанесенных зданиям и постройкам, число человеческих жертв, размеры материальных убытков).

Информация о количестве пожаров и их жертв.

Распределение доходов и расходов во всесоюзном бюджете и бюджете союзных республик.

Сравнительная покупательная способность рубля и устойчивой валюты иностранных государств.

Информация о капиталовложениях СССР за границей, а также о доходах советских предприятий за границей.

Информация о кредитах и безвозмездной помощи, оказанной другим правительствам, и о кредитах, данных СССР иностранными государствами.

Полный фонд заработной платы, сведения о покупательной способности населения, баланс дохода и расхода населения, сумма всех доходов населения по Союзу, республикам, краю или области.

Классификация рабочих и служащих по размеру их заработной платы.

Информация о подготовке к визитам за границу советских правительственных делегаций и к визитам в СССР иностранных делегаций.

Информация о враждебных действиях в отношении представителей и граждан СССР со стороны населения или ответственных лиц иностранных государств.

Информация о прибытии в СССР иностранных делегаций.

Количество, ставки и другая информация об условиях работы иностранного персонала.

Соотношение между оплатой обслуживания иностранных туристов в СССР и официальной ценой туристических поездок в СССР.

Информация об экспорте в иностранные государства оружия, боеприпасов, военной техники, обмундирования и о финансировании этих поставок.

Информация о заграничных заданиях советских военнослужащих и специалистов военной промышленности.

[Факты захода иностранных судов в советские порты.]

Информация о военном обучении граждан иностранных государств в высших учебных заведениях СССР.

Информация о низком морально-политическом уровне воен-

нослужащих, неудовлетворительном уровне военной дисциплины, ненормальных отношениях между солдатами или между ними и населением, а также о фактах извращения дисциплинарной практики офицеров и младшего командного состава.

Число наркоманов — по району, городу и выше.

Информация о заболеваниях населения холерой и чумой (даже в отдельных случаях) начиная с 1937 г. и тифом и оспой начиная с 1955 г.

[Данные о числе алкоголиков и инвалидов.]

Информация о профессиональных отравлениях и профессиональных заболеваниях.

Информация о профессиональных травмах.

Информация о травмах, полученных в результате аварий или других несчастных случаев.

Новые методы и средства лечения и ранней диагностики злокачественных опухолей у людей без разрешения Министерства здравоохранения СССР.

Информация о слышимости радиостанций иностранных государств на территории СССР.

Информация о продолжительности проведения всесоюзных сборов спортсменов, о нормах зарплаты спортсменов, о денежных премиях за хорошие результаты в спорте, о финансировании, содержании и составе (атлетических) команд.

[Информация о размерах ячеи рыболовных сетей, применяемых советскими рыболовными судами, за исключением случаев, когда эти размеры соответствуют установленным международными соглашениями.]

[Сведения об убое голубых китов.]

[Сведения об организационной структуре и штатах Всесоюзного общества культурной связи с зарубежными странами.]

АКТ ГЛАВЛИТА ОБ УНИЧТОЖЕНИИ КНИГ

”УТВЕРЖДАЮ”
Начальник Главлита
Латвийской ССР
(подпись) Луцевич А.А.
3 сентября 1974 года.

г. Рига

А К Т № 8

Мы, нижеподписавшиеся, ст. редактор Главлита Латвийской ССР ЗИЛС В.Я. и БОГОЛАПОВА В.А. составили настоящий акт в том, что перечисленные в нем материалы, конфискованные из бандеролей, поступивших из-за границы в августе месяце подлежат уничтожению:

1. *E. Dunsdorfs* (два слова неразб. —ред.) 1710—1800 1 экз
2. *Bibele* 1 ”
3. (неразборчиво —ред.) 1 ”
4. (неразборчиво — ред) 16 ”

Итого 19 экз.

Всего подлежат уничтожению *девятнадцать* названий
в *девятнадцати* экз.

Ст. редактор: (подпись)
Начальник спецчасти: (подпись)
Правильность произведенных записей в акте проверил
Ст. редактор: (подпись)

Документы перед уничтожением сверили с записями в акте и полностью уничтожили путем сожжения.

” ” 197 года

Ст. редактор:
Начальник спецчасти:
(подписей нет —ред)

ИЗ ХРОНИКИ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Из истории советской цензуры (ХТС,14)

”Существует ли в Советском Союзе цензура? ...” Самизда-товский сборник документов 1917–1922 г.г. с анонимным предисловием. Л., 1970 г.

” ... людям нашей эпохи следует знать, ценою каких жертв добыл себе рабочий класс нашей страны право на свободу печати”, — писалось в предисловии к сборнику ”Большеви-стская печать в тисках царской цензуры 1910–1914 г.г.” (Л., 1939). Следует также знать, какой ценой это право было утрачено”.

В сборнике помещены документы о начальном этапе (1917–1922) советской цензуры. Это:

I. ”Декрет о печати” и ”Общее положение о печати”, под-писанные Лениным 27 октября (9 ноября) 1917 г. Запреще-ние небольшевистской печати, цензурные ограничения объ-являются временными, чрезвычайными мерами. ”Как только новый порядок упрочится — всякие административные воз-действия на печать будут прекращены, для нее будет установ-лена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отноше-нии закону.” ”Настоящее положение имеет временный харак-тер и будет отменено особым указом по наступлении нормаль-ных условий общественной жизни” (”особый указ”, как из-вестно, не последовал и по сей день). Затем в извлечениях при-водятся прения по этому вопросу на заседаниях ВЦИК Сове-тов рабочих и солдатских депутатов (цитаты из прений даны по книге: ”Протоколы заседаний ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва”. М., 1918).

II. Отрывки из воспоминаний редактора журналов ”Эконо-мист” и ”Утренники” Д.А. Лутохина (”Архив русской рево-

люции”, т. XII, Берлин, 1923) и книги П. Витязева “Частные издательства в Советской России” (Петроград, 1921, издана на правах рукописи). Эта глава касается, в основном, периода перехода к НЭПу и отмены военно-революционной цензуры. В это время (1921 г.) функции цензуры исполняет Госиздат (основанный В.Воровским в 1919 г., затем руководимый Н.Мещеряковым и И. Скворцовым-Степановым), существовавший как отдел Наркомпроса. В этой главе говорится также о том, какую роль в цензуре играли Агитпроп ЦК РКП и Отдел печати ВЧК—ГПУ. Здесь же приведен список декретов, ограничивающих частную издательскую деятельность (о государственной монополии на объявления /1917—18 г.г./, об обязательной публикации официальных сообщений и т.п.). Упоминаются имена комиссара печати по Петрограду Н. Лисовского, руководителя ЛИТО* Наркомпроса В.Я. Брюсова, одного из первых “неистовых ревнителей” завоеваний Октября в области печати А. Серафимовича, а также имя М.К. Лемке, автора нескольких исследований о царской цензуре, — по слухам того времени, одного из теоретиков советского цензурного “устава”.

III. “Положение о Главлите и его местных органах” (Собр. узаконений. 1922, № 40, ст. 461; опубликовано также в “Известиях” № 137 от 23 июня 1922 г.). Поскольку Госиздат был единственным государственным органом, сосредоточившим в себе все права на руководство литературой и печатью, цензура относилась к его ведению. Однако по мере того, как Госиздат становился хозяйственным органом, от него отходили типично административные функции, в том числе и цензура. От политотделов Госиздата цензура перешла к Главлиту при Наркомпросе, основанному по постановлению СНК (за больного Ленина подписал Рыков) 6 июня 1922 г. Таким образом, 6 июня 1922 г. надо считать днем основания *официальной* цензуры (фактическая цензура была введена еще “Декретом о печати”).

* ЛИТО — литературно-издательский отдел.

(Кстати, название "Главлит" расшифровывалось как "Главное управление по делам литературы и искусства" /см. Малую Советскую Энциклопедию, 1 изд., М., 1929. т. 2/, теперь же "Главлитом" называют "Главное управление по охране государственных и военных тайн в печати при СМ СССР".)

На Главлит возлагается, гласило "Положение" (§ 2-а), "предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию и распространению произведений как рукописных, так и печатных; изданий периодических и непериодических, снимков, рисунков, карт и т.д." Правда, в "Положении" оговариваются те издания, которые тогда были освобождены от предварительной цензуры (все партийные, государственные издания и научные труды Академии Наук).

2 декабря 1922 года в "Бюллетене официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса" № 1 опубликована "Инструкция Главлита его местным органам". Приведем отрывки из нее:

" § 1. Главлит и его местные органы осуществляют все виды цензуры: военную, политическую, идеологическую и т.д." (не упоминается цензура *художественная*; это упущение восполнено в ротаторном экземпляре "Инструкции")...

В чем заключается цензура, объясняет § 7; например: "в недопущении всякого рода печатных произведений, через которые проводится враждебная нам (в ротаторном экземпляре "совершенно чуждая рабочему классу") идеология в основных вопросах (общественности, религии, экономики, в национальном вопросе, области искусства и т.д.)"; "...в изъятии из статей наиболее острых мест (фактов, цифр, характеристик), компрометирующих Соввласть и Компартию (в ротаторном экземпляре: "направленных к ослаблению авторитета соввласти"). Главлит непосредственно связан с ГПУ (с его отделом — Политконтролем), помощником зав. местного органа Главлита (одним из двух помощников) является представитель местного ГПУ".

В этой главе приводятся примеры изъятий из книг стихов Сологуба, Кузмина и др.; запреты на издание ряда журналов

и альманахов, книг (в их числе "Бегущая по волнам" Грина, дзухтомник Ахматовой). Называются фамилии цензоров во главе с первым заведующим Главлитом Лебедевым-Полянским.

В предисловии составители указывают на протесты деятелей литературы и науки, среди которых Ф. Сологуб, акад. И.Павлов и др., по поводу запретов на деятельность частных издательств. Дана выдержка из письма М. Горького Р.Роллану (1926 г.) о тяжелом положении подцензурной советской литературы.

Запрещенные кинофильмы (ХТС, вып. 19)

"Хроника" помещает список (очевидно — не полный) кинофильмов последних лет, не дошедших до массового зрителя.

I. "Арестованные" кинофильмы

1. А.Алов, В.Наумов. "Скверный анекдот" (по рассказу Ф. Достоевского). Мосфильм, 1966.

2. С.Параджанов. "Фрески Киевские". Студия им. Довженко, 1966 (фильм не смонтирован).

3. Г. Полока. "Интервенция" (по пьесе Л. Славина). Ленфильм, 1968.

Пленки "арестованных" фильмов хранятся в Особом отделе Госкомитета СССР по кинематографии.

II. Фильмы, не вышедшие на экран

4. В. Бычков. "Второе пришествие Христа". Беларусь-фильм, 1967 г. Запрещен.

5. М.Калик. "Цена" (по пьесе Артура Миллера). Центральное телевидение, 1969. Запрещен к показу.

6. А. Михалков-Кончаловский. "Про Асю Клячину, которая любила, да замуж не вышла, потому что гордая была" ("Ася—хромоножка"). Мосфильм, 1966. В 1969 г. фильм переозвучен и под названием "Асино счастье" принят в кинопрокат. На экраны не вышел.

7. А. Тарковский. "Андрей Рублев". Мосфильм, 1966. В 1969 г. фильм продан за границу и получил премию во Франции. В 1970 г. председатель Госкомитета по кинематографии А. Романов подписал приказ о тиражировании фильма. На экраны не вышел.

8. Л. Пчелкин. "Поименное голосование" (о IV Съезде Советов, ратифицировавшем Брестский мир. Сценарий И. Шатрова, в роли Ленина — М. Ульянов). Центральное телевидение, 1967—69. Запрещен к показу.

9. Л. Пчелкин. "Один час в кабинете Ленина" (сценарий И. Шатрова, в роли Ленина — М. Ульянов). Центральное телевидение, 1967—69. Запрещен к показу.

III. Фильмы "с ограничением"

10. Т. Абуладзе. "Мольба". Грузия-фильм. 1968. На столичный экран не вышел.

11. В. Дербенев. "Рыцари мечты". Молдова-фильм, 1969. На столичный экран не вышел.

12. А. Грикявичус, Дауса. "Чувства". Вильнюсская киностудия, 1969. В Москве шел три дня в одном кинотеатре.

13. Л. Осыка. "Каменный крест". Студия им. Довженко, 1968. На столичный экран не вышел.

14. С. Параджанов. "Саят-Нова". Арменфильм. 1968. В 1969 г. выпущен на экран в Армении под названием "Цвет граната". Принят к показу на всесоюзном экране. На столичный экран не вышел.

15. И. Таланкин. "Дневные звезды" (по О. Берггольц). Мосфильм, 1967. Шел три дня в трех кинотеатрах Москвы и три дня в одном кинотеатре Ленинграда.

IV. Фильм с "приключениями"

16. М. Калик. "Любить...", Молдова-фильм. 1968. Фильм был сокращен без ведома режиссера и в искаженном виде выпущен на провинциальный экран. После отказа Госкомитета по кинематографии снять фамилию режиссера с титров (на чем настаивал автор) Калик безуспешно пытался привлечь Госкомитет к ответственности. Из 15000 метров отснятой для фильма хроники в прокатный вариант вошло менее 1000 метров, и 900 метров остались у режиссера. Остальные 1300 метров арестованы. За демонстрацию собственного варианта

фильма "Любить..." против Калика было возбуждено уголовное дело. (См. Хронику № 18.)

Приказ Главлита (ХТС, вып. 34)

Для служебного пользования

Приказ Начальника Главного Управления
по охране государственных тайн в печати
при Совете Министров СССР
№ 10-дек

гор. Москва

14 февраля 1974 года

Содержание: об изъятии из библиотек и книготорговой сети произведений Солженицына А.И.

Изъять из библиотек общего пользования и книготорговой сети следующие отдельно изданные произведения Солженицына А.И., а также журналы, где они опубликованы:

Один день Ивана Денисовича, в журн. "Новый мир", 1962 г., № 11.

То же. Повесть. М., Госполитиздат, 1963 г. ("Роман-газета" № 1, 700000 экз.)

То же. Повесть. М., "Советский писатель", 1963 г. 100 тыс. экз.

То же. Повесть, в 2-х книгах М., Учпедгиз, 1963. кн. 1, 75 л., 250 экз. Для слепых.

То же, кн. 2. 80 л. 250 экз. Для слепых.

Два рассказа. Случай на станции Кречетовка, Матренин двор, в журн. "Новый мир", 1963, № 1.

Для пользы дела, в журн. "Новый мир", 1963, № 7.

Захар Калига, в журн. "Новый мир", 1966, № 1.

Изъятию подлежат также иностранные издания (в том числе журналы и газеты) с произведениями указанного автора.

П. Романов

"Хроника" напоминает, что А.И. Солженицын был насильственно выслан за границу 13 февраля 1974 года.

Приказ Главлита (ХТС, вып. 35)

РСФСР Министерство культуры

12 декабря 1974 г. № 01-305/22

индекс 103 693

Москва К-74 Китайский пр., 7

Для служебного пользования

Министерствам культуры автономных республик, Управлениям культуры краевых и областных исполнительных комитетов

Главным управлениям культуры Московского и Ленинградского горисполкомов

Предприятиям, организациям и учреждениям республиканского (РСФСР) подчинения.

Министерство культуры РСФСР направляет для сведения и руководства приказ начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР № 62-ДСП от 30 октября 1974 г. "Об изъятии из библиотек и книготорговой сети книг Галича А.А., Максимова В.Е., Синявского А.Д., Табачника Г.Д., Эткинда Е.Г.

Просим дать соответствующие указания подведомственным учреждениям, учебным заведениям, предприятиям и организациям, библиотекам и книготорговой сети.

**Приложение: упомянутый приказ в одном экземпляре
"Для служебного пользования "**

Зам. министра культуры РСФСР

В.М. Стриганов

П Р И К А З

Начальника главного управления по охране государственных тайн в печати при Сов. Мин. СССР. № 62-ДСП

г. Москва

30 октября 1974 г.

Содержание: об изъятии из библиотек и книготорговой сети книг Галича А.А., Максимова В.Е., Синявского А.Д., Табачника Г.Д., Эткинда Е.Г.

Изъять из библиотек общего пользования и книготорговой сети следующие книги:

Галич А.А. Август. Рассказ для театра в 2-х частях. М., Отдел распространения драматических произведений ВУОАП, 1959, 97 л., 200 экз. Отпечатаны мн. ап.

Галич А.А. Будни и праздники. Комедия-хроника в 2-х ч., М., ВУОАП, 1966, 97 л., 250 экз. Совместно с Грековой И.

Галич А.А. Вас вызывает Таймыр. Комедия в 3-х д., М., Отдел распространения драм. пр. ВУОАП, 1955, 94 л., 25 экз. Совместно с Исаевым К., отпеч. мн. ап.

Галич А.А. На плоту. Литературный сценарий фильма "Верные друзья", М., "Искусство", 1954, 108 с. (библ. кинодраматурга), 15000 экз., совместно с Исаевым К.

Галич А.А. На семи ветрах. Киноповесть. М., "Искусство", 1962, 157 с. (Б-ка кинодраматурга), 13000 экз. Совместно с Ростоцким С.

Галич А.А. Пароход зовут "Орленок". Романтическая комедия в 3-х д. М., Отд. распр. драм. пр. ВУОАП, 1958, 96 л., 200 экз. Отп. мн. ап.

Галич А.А. Походным маршем. Драм. поэма в 3-х д. М., Отд. распр. драм. пр. ВУОАП, 1957, 96 л., 100 экз. Отп. мн. ап.

Галич А.А. Походным маршем. "Искусство" 1957, 99 с. 5000 экз.

Галич А.А. Походным маршем. Вильнюс, 1959, 110 с. (пьеса для худ. самодеятельности) 1000 экз. на литовском языке. Отп. мн. ап.

Галич А.А. Походным маршем. Таллин. Эстониздат, 1958, 76 с., 2500 экз., на эстонском языке.

Максимов В.Е. Дом без номера. Драма в 3-х актах, 9-ти карт., М., ВУОАП, 1969, 59 л., 150 экз.

Максимов В.Е. Жив человек (Мы обживаем землю). Повести (М) "Молодая гвардия", 1964 г. 104 с., о ил. (перв. кн. молод.?), 65000 экз.

" (Повести, рассказы). Молодые (?), кн. изд. 1965, 160 с., 15000 экз.

" То же. Драма в 2-х д. Реперт. Мос. др. т.к. М., ВУОАП, 1965, 72 л. 100 экз. Отп. мн. ап.

" То же. Повести. Рига. Латгосиздат, 1964, 127 с., 30000 экз. на лат. языке.

" То же. Вильнюс. "Вага", 1964, 82 с., 10000 экз. на лит. языке.

Максимов В.Е. Мы обживаем землю (повесть). М., "Сов. Россия". 1970, 304 с., 50000 экз.

" Позывные твоих параллелей. Пьеса в 2-х актах, 6-ти карт. М. ВУОАП, 1965, 47 л., 100 экз., Отп. мн. ап.

Максимов В.Е. Поколение на часах (стихи и поэмы). Черкасск, кн. изд., 1956, 60 с., 5000 экз.

" Шаги к горизонту. Рассказы. М., "Правда", 1966, 64 с., (6-ка "Огонек" № 11) 10600 экз.

" Повести. М. "Сов. писатель", 1967, 424 с., 30000 экз.

" Эхо в конце августа. Драма в 2-х д., 10 карт. М., ВУОАП, 1970, 70 с., 75 экз.

Голомшток И.Н. и Сиявский А.Д. Пикассо. М., "Знание", 1960, 61/18/с., 100000 экз.

Меньшутин А.И. и Сиявский А.Д. Поэзия первых лет революции 1917-1920. М., "Наука", 1964, 442 с., (АН СССР, Институт мировой литературы) 4000 экз.

Сиявский А.Д. Роман М. Горького "Жизнь Клима Самгина" и история русской отечественной мысли конца XIX-XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. фил. наук, М., 1952, 15 с. (Моск. гос. ун.) 100 экз.

- Табачник Гарри. Слава не меркнет. (О В.В. Смушкевиче). М., Политиздат, 1967, 127 с. (Герои и подвиги). 130000 экз.
- Эткинд Е.Г. Бертольд Брехт. Л. "Просвещение", Лен. отд., 1971, 184 с., (б-ка словесника), 280000 экз.
- Эткинд Е.Г. Об искусстве быть читателем. Л. 1964, 51 с., (Общ. "Знание") РСФСР, Ленингр. отд. 12000 экз.
- " Поэзия и перевод. М.-Л., "Сов. писатель", 1963, 130 с., 6000 экз.
- " Романы Золя 70-х годов и проблемы реализма. Тезисы диссертации на соискание уч. степени канд. фил. наук (Л. 1948) (3) с. (Лен. гос. ун.) 85 экз.
- " Русские поэты-переводчики от Тредьяковского до Пушкина Л. "Наука" Лен. отд., 1973, 248 с. (АН СССР, серия из истории миров, культуры), 40000 экз.
- " Семинарий по французской стилистике. (Пособие для пед. институтов). Ч. 1. Проза. Л., Учпедгиз, Лен. отд., 1960 г., 274 с., 4000 экз. на русском и французском яз.
- " Ч. 2. Поэзия. Учпедгиз, Лен. отд., 1961 г., 225 с., 4000 экз. на русском и французском яз.
- " 2-е изд. (переработанное и дополненное); Ч. 1. Проза. М.-Л., "Просвещение", 1964, 350 с., 5000 экз. на русском и французском яз.
- " 2-е изд. (перераб. и дополн.) Ч. 2. Поэзия. М.-Л., "Просвещение", 1964 г., 250 с., 5000 экз., на русском и французском яз.
- " Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики. Автореферат дис. на соискание степени докт. фил. наук. Л., 1965, 36 с., (Лен. гос. пед. ин-т им. Герцена).

И. Романов

* * *

Приказом начальника Главного Управления по охране государственных тайн в печати при СовМине СССР № 29-ДСП от 20 апреля 1971 г. было предписано изъять из библиотек книги авторов: Баумволь Р.Л., Керлера И.Б., Телесина З.Л. и книгу Леонидова Ф.М. "Классовая борьба, современные проблемы и особенности".

* * *

Аналогичным приказом в 1971 г. или 1972 г. из библиотек изымались книги:

1. Демин М. "Под незакатным солнцем". Стихи.
2. " "Кочевье". Стихи.
3. " "Лицом к востоку". Стихи.
4. Кротков Ю. "Джон — солдат мира". Пьеса в 5-ти дейст., 9-ти картинах.
5. Роже Гароди. "Вопросы марксистско-ленинского познания" под общ. ред. В.И. Мальцева, М., Инлит 1955.
6. " "Грамматика свободы" ред и предисл. Ф.В. Константинова, М. 1952.
7. " "Марксистский гуманизм. Пять полемических очерков". пред. М.Т. Иовчука, 1959 г.
8. " "О реализме без берегов" Пикассо, Сен-Джон Перс, Кафка, пред. Л. Арагона. М., 1966 г.
9. " "Ответ Ж.-П. Сартру". М., Инлит. 1966.
10. " "Прометей 1848". Трагедия в 5-ти действиях с прологом. М. ИЛ, 1961.
11. Шик От. "Экономика. Интересы. Политика". 1964 г., Прогресс.
12. Белинков А.В. "Юрий Тынянов". М., 1960, "Сов. писатель".
13. Демин М. "Мирская тропа", рассказы.
14. " "Параллели и меридианы", стихи.
15. Кузнецов А. "Продолжение легенды".
16. "Экономические реформы социалистических стран", сб. статей. Прага, 1967 г., 184 с., 10000 экз.

ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ О ЦЕНЗУРЕ

Типовое положение о подготовке рукописи к печати.

(Приказ Комитета по печати при СМ СССР № 495 г. Москва 31 августа 1967 г.; вводится с 1 января 1968 г.; предыдущая Инструкция – Приказ Мин-ва Культуры СССР № 200 от 13 мая 1955 г. утрачивает силу). "Книга", М., 1967. (Извлечение)

п. 40. Автор имеет право излагать и отстаивать свою концепцию и взгляды, если они являются научно обоснованными, не противоречат интересам социалистического государства, принципу партийности, задачам охраны государственной тайны в печати.

п. 30. Оценка рукописи включает в себя оценку выбранной темы (если тема не планировалась к изданию), ее разработки (с точки зрения идеологической, политической, научной, идейно-художественной) и литературной формы (.....).

п. 31. Главная задача рецензирования – способствовать строгому и взыскательному отбору произведений для издания по их идейным, научным, литературным достоинствам. (.....)

п. 49. В ходе подготовки рукописи к изданию редактор обязан проанализировать произведение с точки зрения идеологической, политической, научной, художественной, литературной и проверить, не содержит ли рукопись сведений, не подлежащих открытой публикации, выполнил ли автор установленный порядок подготовки к публикации сведений о научно-технических достижениях СССР, которые могут быть признаны изобретениями или открытиями.

Секретно
экз. № (зачеркнут)

П Р И К А З
Председателя комитета по печати
при Совете Министров СССР

№ 012

”10”м а я 1971 г.

гор. Москва
Зак. 2306

О книге И.Иванова ”Ян Верих”

Издательство ”Искусство” (Ленинградское отделение) выпустило в январе 1971 г. книгу И.Иванова ”Ян Верих”, в которой допущены серьезные идеологические просчеты.

Рукопись была представлена автором в сентябре 1966 года и одобрена в июле 1967 года.

После событий 1968-1969 годов в Чехословакии рукопись не рецензировалась и необходимой переработке не подвергалась. В главной редакции издательства рукопись не читалась. В результате в ней оказались политические ошибки, в частности, автор объявляет благодарность Союзу чехословацких писателей, который, как известно, был распущен в связи с антисоциалистическими действиями; без каких-либо разъяснений говорится о тех деятелях культуры, которые исключены из чехословацкой компартии или эмигрировали за границу, содержится ряд других идейно-порочных положений. Издательству в 1969 году было рекомендовано не выпускать эту книгу, однако издательство (т.т. Савостьянов Е.И., Шуб Ю.Г.) самостоятельно приняло решение завершить издание.

Главная редакция художественной литературы (т.т.Злобин Г.П.) должным образом не проконтролировала содержание аннотированного плана издательства ”Искусство”, в котором ранее была объявлена книга И.Иванова.

Книга выпущена с грубыми нарушениями установленного порядка: в тематическом плане на 1971 год, утвержденном

Главной редакцией художественной литературы в июле 1970 года, она отсутствовала, а ко времени переутверждения уточненного варианта этого плана 25 января 1971 года сигнал уже был готов (6 января) и заканчивалась сдача тиража.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Принять к сведению сообщение руководства издательства "Искусство" о том, что в приказе по издательству дана принципиальная оценка факту выпуска книги с серьезными ошибками идеологического характера и сделаны организационные выводы: редактор книги Войцеховская Н.К. освобождена от работы, директору Ленинградского отделения издательства "Искусство" Станчицу Б.А. объявлен строгий выговор.

2. Директору издательства "Искусство" т. Савостьянову Е.И. за слабый контроль за работой Ленинградского отделения объявить выговор.

За недостаточный контроль за прохождением рукописи в издательстве, в результате чего вышла в свет книга И.Иванова, содержащая серьезные идеологические просчеты, главному редактору издательства т. Ступину В.И. и заместителю главного редактора издательства т. Шубу Ю.Г. объявить выговор.

3. Обратить внимание директоров издательств на необходимость строгого соблюдения порядка согласования и выпуска литературы.

5. Просить Секретариат правления Союза писателей СССР рассмотреть вопрос о выходе в свет содержащей серьезные идеологические просчеты книги "Ян Верих", автором которой является член Ленинградской писательской организации т. Иванов И.В.

6. Разрешить списать на убытки издательства стоимость возвращенной из торговой сети части тиража.

Б.Стукалин (подпись)

*Печать: Комитет по печати при Совете Министров СССР
Первый отдел*

Р е ц е н з и я

*Главному редактору журнала ЦК ВЛКСМ
"Молодая гвардия" А.С. Иванову.*

Выполняя Ваше поручение и просьбу проанализировать прошедшие через литконсультацию рукописи в свете задач по патриотическому и нравственному воспитанию молодежи, считаю долгом обратить Ваше внимание на следующее:

1. За последнее время все чаще приходится сталкиваться с рукописями, проникнутыми духом пацифизма. Некоторые авторы, зараженные этим духом, стали грубо искажать характер Великой Отечественной войны — показывать ее не в ореоле героики, а в грязи и в страданиях, заслонять великий подвиг нашего народа в борьбе с фашистским нашествием всякого рода ужасами и обличениями. Лев Магидов, например, в своей повести "Смерть лейтенанта" не только заслоняет величие этого подвига, но и развенчивает его. Он активно проводит мысль, что Отечественная война превращала нашего солдата в существо примитивное, живущее, по выражению автора, "почти животной жизнью", противопоставленной чистоте нравственного чувства. Поэтому он призывает молодого читателя "не верить" "Землянке" Суркова. "Откуда взяться чистоте? — пишет Лев Магидов. — Ведь здесь, на фронте, грязь, трупы, зловоние". По его мнению, попав на передний край, человек не только лишается чистоты нравственной, но и "серого вещества, способности абстрагировать, обобщать, рассуждать вообще, волноваться о судьбах Родины в ходе войны".

Другие авторы в угоду своим пацифистским настроениям стали сочинять совершенно чуждые характеру Отечественной войны сцены братаний советских воинов с немецкими солдатами. Так, в романе Петра Лопухова "Погода будет ясной" дается описание схватки русского солдата с немецким захватчиком. Заканчивается эта схватка тем, что противники садятся рядом и вместе распивают бутылку рома. Немец угостил русского солдата сигаретой, русский немца — папиросой, и, раскурив, так сказать, трубку мира, оба отправились в наш

тыл. Немец, пишет автор, "покачивался и орал во все горло "Дойчланд, Дойчланд..." (то есть "Германия, Германия, ты превыше всего" — Ю.И.), а русский "шептал ему вослед молитву: "Я стал доступен утешенью... зачем на бога мне роптать, когда хоть одному творенью я мог свободу даровать".

Но если Петр Лопухов уложил свои домыслы и вымыслы в один эпизод, то Юрий Мнацаканов заполнил ими целую повесть под названием ".". В этой повести рассказывается, будто во время Отечественной войны, когда фронт проходил по нашей территории, на одном из его участков завязалась трогательная дружба между советским старшиной Иваном и немецким унтером Густавом. Днем "друзья" вели смертельные сражения друг с другом, действуя в составе своих рот, а в перерыве между кровопролитными боями ползли к роднику, что находился на нейтральной полосе, и там (если верить автору) мирно и дружелюбно беседовали, обмениваясь табачком и похлопывая друг друга по плечу. Унтер заверяет Ивана, что он "хороший меншен", Иван отвечает унтеру, что он "тоже гут". Оба тужат о взаимных потерях: в последней атаке, мол, "крови было много". Оба осуждают войну. И сходятся на том, что они слишком маленькие и к тому же старые люди, чтобы враждовать друг с другом. "Два старые лошадка", — говорит немецкий унтер; "Две старые клячи," — вторит ему наш советский старшина, считая, что это "здорово" сказано!

Сойдясь на слове ".", (отсюда название повести), Иван и Густав становятся единомышленниками. И когда немецкий офицер забирает нашего старшину в плен и приказывает его расстрелять, то перед смертью, "обращаясь к шеренге немецких солдат, дядя Ваня глухим басом выговорил:

— Да, ребята, фриден!

И успел отчаянно и громко крикнуть по-русски:

— Ми-ир!!!"

Когда читаешь все это, то создается впечатление, что автор описывает прошлую, империалистическую войну, а не войну Отечественную. При этом он явно не понимает, что старшина выглядит не героем, а деморализованным человеком, ставшим

жертвой немецкой пропаганды. Ибо в условиях, когда значительная часть нашей территории находилась под пятой немецких оккупантов, слово "мир" состояло на вооружении не нашей, а именно немецкой пропаганды, стремившейся вызвать в среде советских солдат пацифистские настроения и этим ослабить их сопротивляемость. Поэтому желание мира в условиях фашистской оккупации приравнялось к пораженческим настроениям со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нам в то время нужен был не мир, а победа как неперемное условие будущего мира.

Все это говорит о том, что пацифистские тенденции, влекущие за собой грубое искажение характера Великой Отечественной войны и ее дегеронизацию, могут нанести серьезный ущерб делу патриотического воспитания нашей молодежи, и этим тенденциям надо решительно противостоять.

2. В рукописях, посвященных жизни современной советской армии, резко возросло количество эпизодов, картин, свидетельств, фактов, указывающих на физическую и моральную неподготовленность части нашей молодежи к несению военной службы, а также на ее нерадивое отношение к выполнению воинского долга.

Вот о чем пишут авторы в своих повестях и романах:

Чтобы уклониться от воинской службы, некоторые призванники перед прохождением военно-медицинской комиссии пьют "чифирь".

Некоторые молодые люди высказывают мнение, что если человек, имея возможность поступить в институт, идет в армию, значит, он "лопух" (Ю. Ильинский, Взрыв на рассвете).

Ряд представителей молодежи, выведенных в повестях и романах, придерживается того взгляда, что военная служба существует не для "культурных" людей и творческих личностей. Так, в повести Б. Андронникашвили "Как просто быть солдатом" рисуется такой эпизод: после учений рота студентов-резервистов во главе со старшиной направляется в лагерь. Пройдя шесть километров, многие до того раскисли, что оказались не в состоянии нести собственные автоматы, взвалив их на плечи своих более выносливых товарищей. На

замечание старшины, что если, мол, вы люди "культурные", то это не значит, что во время войны за вас должны воевать другие, один из "культурных" людей отвечает: "Не все такие двужильные, как ты". Что скрывается за подобного рода высказываниями, разъясняется в последующих эпизодах. Когда одному из резервистов за хорошее отношение к службе вместо автомата вручают ручной пулемет, он становится посмешищем для всей роты. Почему? Пулемет тяжелее автомата. Когда "двужильные", отправившись на выполнение задания, оставили в качестве дежурного по роте "культурного", то "культурный", полагая, что уставы существуют только для "двужильных", отправился на попутной машине на свидание с девушкой и пробыл с ней целый день. И это необычное ЧП только развеселило друзей из его роты.

Подобным же образом ведут себя студенты-резервисты и в повести Вл. Сидорова "День голубой, в золотой оправе". Вот как положительный герой этой повести описывает нам свою службу после принятия им воинской присяги:

"— Шестой взвод, выходи строиться!

Шестой взвод, надевая пилотки и пояса, пошел строиться, а Вова нырнул под отогнутый тент и двинулся на четвереньках в кусты; я двигался за ним."

И под такое поведение "творческих личностей" иногда подкладывается некая оправдательная идея.

В. Шурыгин, кадровый военный, в своей повести "Тревожный берег" пишет, что после трех лет военной службы солдат Бакланов пришел к выводу, что в армии творчески одаренным людям жить очень трудно, и для того, "чтобы" они все-таки жили," им нужно давать хоть небольшие привилегии по службе".

Возникает вопрос, как же справляются с таким пополнением будущих защитников Родины армейские командиры и политработники, тем более что некоторые из них, судя по повести Ю. Ильинского, задают себе вопрос: "А будет ли защищать ее "защитник", не рванет ли в кусты?"

Надо сказать, что образ политработника почему-то исчез со страниц многих повестей и романов. Что же касается командиров, то они показаны не всегда на высоте.

Известно, что цементирующей основой Советской Армии, по мысли маршала Советского Союза Г.К. Жукова, является сержантский солдат. А в отрецензированных произведениях, посвященных нашей современной армии, он выглядит так:

Сержант Яковлев из повести Ю. Ильинского сам тяготится выполнением воинского долга. Вожделенная мечта сержанта — поскорее демобилизоваться и "выветриться" из своей головы все армейское. При этом он внушает солдату, что "армейское выветривается на третий день после демобилизации". "Все позабудем!" — резюмирует сержант. А когда солдат пытается ему возразить, то он не без иронической издевки замечает: "Человеку дано забывать, и это великое благо".

Другой представитель сержантского состава в этой повести на пробу оказывается подлецом, симулянтом и трусом, сразу же рванувшим в кусты перед лицом опасности.

Третий — выглядит доброй армейской няней, которая не солдат возвышает до уровня требований устава, а устав подтягивает под уровень солдат.

В повести Ивана Шульнова демобилизованный сержант, положительный герой автора, не считает нужным скрывать своего пренебрежительного отношения к воинской службе даже перед полковником.

Вот их разговор:

— Кажется, вы, Саша, сержант танковых войск.

— Да, генерала из меня не вышло.

— Мог бы выйти.

— Генерал?

— Да.

— Простите, не терплю солдафонства".

При этом сержант заверяет полковника, что его дочери "тоже не нравится цвет хакки", а полковник, выслушав все это, заключает, что сержант "смел, дерзок, умен".

В повести В. Шурыгина дело доходит до того, что не младшие командиры командуют солдатами, а солдаты — младшими командирами. О том, что представляют собой эти командиры "образцового расчета" (служить в котором, по утверждению генерала, героя повести, "почел бы за честь каждый

солдат войск ПВО”), можно судить по таким авторским деталям. В казарме, где живет ”образцовый расчет”, грязь и беспорядок: стены такие, что все ”забыли, когда их белили”, койки не заправлены, ”на подоконнике смященные окурки и горелые спички”, солдаты запросто уходят в самоволку, обманывают офицеров, грубят им, стоя в строю, ”ковыряют спичкой в зубах”. Расчет распустился до того, что при появлении командира роты, своего непосредственного начальника, солдаты пустились в дебаты, следует ли ему отдавать рапорт. Решив, что все-таки следует, стали уговаривать своего младшего командира, чтобы он, так сказать, снизошел до этого.

Под статью некоторым сержантам показаны и некоторые офицеры. Командир подразделения пиротехников Лапшин, положительный герой повести Б.Силаева ”Такая тяжелая работа”, скорее выглядит бесхарактерным бригадиром, нежели настоящим армейским офицером. Сей офицер так и не сумел на протяжении всей повести добиться, чтобы после отбоя его подчиненные ложились спать, а не гуляли с девушками. А подчиненные, которым вдруг очень захотелось приобрести модные джинсы, сразу же уговорили своего командира отправиться на ярмарку в роли посыльного.

П. Панецкий, автор повести ”По местам стоять”, в которой описывается военная служба на подводной атомной лодке, определил отношение к службе одного из своих героев-офицеров словами: ”..... служба для Родины кончится, начнется другая, почетная жизнь”, то есть жизнь на гражданке, как выражаются военные.

Нерадивое отношение к службе приводит, естественно, к чрезвычайным ЧП.

В повести Ю. Ильинского, например, из-за отсутствия в подразделении пиротехников должного порядка все ее герои чуть было не взлетают на воздух.

В повести Б. Шургина по той же причине у ”воинов 33 поста”, которыми гордится генерал, во время боевой тревоги выходит из строя радиолокационная аппаратура (командир своевременно приказал солдату привести ее в боевую готовность,

а тот, махнув на приказ рукой, пошел дочитывать повесть Ю.Семенова). Надо заметить, что автор трижды показывает нам действие этой аппаратуры и трижды мы становимся свидетелями технических неполадок в ней, что не очень согласуется с его лирическим восклицанием: "Спите спокойно, люди... солдаты знают свое дело".

В повести П. Панецкого из-за нерадивого отношения к службе и расхлябанности членов экипажа атомная подводная лодка не только утратила боеспособность, но и чуть не затонула. В один из отсеков вдруг хлынула вода, лодка потеряла управление, стала стремительно погружаться на дно, дойдя до 160-метровой отметки, и только чрезвычайные меры позволили спасти ее. В результате за несколько минут грозный военный корабль превратился в плавающее бревно и, в нарушение приказа "не дать обнаружить себя ни своим, ни чужим", должен был следовать на свою базу в надводном положении. Вот как капитан лодки оценил в связи с этим состояние порядка на своем корабле:

"Товарищи офицеры, мне начинает казаться, что для одного похода, причем, не такого уж долгого, у нас слишком много серьезных инцидентов. Где это видано, чтобы командир электромеханической части не мог сразу и точно объяснить, почему оказалась почти пустой кормовая балластная цистерна?... Может быть, мне кто-нибудь объяснит, почему неделю назад акустик доложил о том, что слышит шум винтов, только после того, как судно чуть не пропоролло нам рубку?... Почему из-за неисполнительности одного ротозея, не открывшего клапаны, мы должны обнаружить себя? Почему перед выходом в море не была проверена каждая трубка досконально... Считаю, что все это является итогом нарушений дисциплины, появившейся расхлябанности".

Совершенно очевидно, что отмечаемые авторами военных повестей явления призывают не только к усилению патриотического воспитания молодежи, но и к его более эффективному организационному обеспечению.

3. Заметно усилился поток рукописей, изобилующих сексуальными сценами, бесстыдными описаниями и картинами

откровенного разврата. Дело доходит до того, что некоторые авторы показывают, как их молодые герои ссужают на час своих подруг и знакомых приятелям и начальникам. Причем в одних случаях это описывается с авторским осуждением, как в повести Т. Дрияевой "Пространство слов", в других — без осуждения, как в повести Вл. Сидорова, где в роли сводника выступает "положительный герой".

Некоторые авторы, утратив чувство моральной и гражданской ответственности за свои сочинения, часто заполняют их нравственно несостоятельными и идейно ущербными рассуждениями и высказываниями. Приведу несколько примеров.

В романе Б. Молчанова положительные герои рассуждают так:

Она: "Все в жизни ложь".

Он: "Сама жизнь ложь... Только страсть не ложна, ибо она дает жизнь".

Или: "В чем оно, это счастье? Некоторые... .. наивно воображают, будто оно в труде. Кругом фальшивая концепция, пригодная лишь для уровня пещерных людей. Счастье в труде — да можно ли придумать что-нибудь глупее? На кого рассчитан подобный примитивизм?"

В романе Е. Герцовича "А лето еще впереди" явно обнаруживается падкость автора на такого рода сентенции:

После того, как ОН познал ЕЕ в постели, у него долго "не проходило ощущение, что может быть, это и есть смысл жизни". *Или:* "Я понимаю проститутку и не осуждаю их... Проституция — это работа. Ничем не хуже другой". *Или:* "Если бы я поднялся "выше общепринятых норм людского поведения, я поднялся бы над привычной заурядностью".

В романе М. Якушкина положительные герои за бутылкой вина, "загадочного, импортного", ведут такую беседу:

Она (комсомолка). "Когда мне навязывают эти понятия: жених, замужество, мне всегда становится тоскливо. Что-то в том для меня обзывающее, унижительное. Вы не хотите, чтобы я выглядела тоскливой?"

Он (член КПСС). "О, нет. И знаете, совершенно с вами согласен в мотивах".

Другая комсомолка. "Если я полюблю, то не для замужества".

И когда герой, идя ей навстречу, освобождает ее от невинности, она сразу задает себе вопрос: "Не лучше ли стать куртизанкой, снимающей плоды удовольствия". При этом автор высказывает идею, что только пройдя через "финал неизведанного" девушка становится "личностью" — идею крайне опасную, особенно для девушек-подростков, желающих поскорее стать взрослыми.

В документальной повести Ивана Проскурина "Даешь курские спутники" облегченное отношение к морали приписывается даже отдельным руководящим работникам обкома комсомола. Здесь жажда "финала неизведанного" выражается одним словом "зайдем". Но в этой повести останавливает на себе внимание не это, а одно очень странное обобщение. Высказывает его секретарь Курского обкома комсомола, выведенный автором под именем Домашева. В предисловии и в послесловии к повести автор разъясняет, что под Домашевым подразумевается В.Е. Томашкевич, "с 1966 года первый секретарь Курского обкома комсомола, с 1969 года — заведующий отделом ЦК ВЛКСМ".

Вот что вложил автор в его уста:

"Геринг сделал в Нюрнберге важное признание: "Если вы хотите победить большевиков — отнимите у них молодежь!" Когда я сталкиваюсь с ситуациями, подобными увиденным на кирпичном заводе или в колхозах (секретарь обкома увидел, что кирпич отпускают частным лицам, а не строителям клубов — Ю.И.), возникает вопрос: "Надо ли отнимать? Ведь мы сами отталкиваем молодежь от самого светлого на земле оброта жизни!"

Думаю, что приведенные выписки свидетельствуют о необходимости улучшения воспитательной работы не только с молодежью, но и с самими воспитателями, то есть, прежде всего, с авторами, пишущими для молодежи.

Рецензент, кандидат филологических наук

(Ю.Иванов)

Документ из Самиздата

В 1965 г. Академия наук СССР приняла решение издать Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 30 томах. Этому собранию придавался академический статус, т.е. предполагалось издание *всего* известного наследия писателя (включая разнообразные черновые наброски и варианты написанных и незаконченных произведений, письма, Дневник писателя, публицистику, Dubia и т.д.) с фундаментальными комментариями. Первый том этого собрания вышел, однако, только через 7 лет (1972 г.), что было вызвано затруднениями отнюдь не профессионального характера — еще в 1967 г. было объявлено об окончании работы над томами I и II (см. "Вопросы литературы", 1967, № 3, стр. 247).

Таким образом, первоначально намеченная дата завершения всего издания — 1973 год (см. : Там же, стр. 247) — уже не соответствовала реальному графику; к 1974 г. свет увидели всего восемь томов. В настоящее время (июль 1975 г.) из печати вышел том XIII.

Однако сейчас не заторможенный ход издания является главной проблемой: судя по многочисленным признакам, само издание может прекратиться на семнадцатом томе; этот том, включающий в себя материалы к "Братьям Карамазовым", завершает собой публикацию художественных произведений Достоевского. Остальные — объявленные — тринадцать томов должны были содержать публицистическое и эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского.

На очевидную возможность свертывания Собрания сочинений указывают следующие группы фактов.

1. Непосредственным участникам работы над Собранием было сообщено о том, что в высшие инстанции поступило письмо некоего отставного военнослужащего, в котором автор характеризовал сочинения Достоевского как противоречащие коммунистической идеологии, а издание его Собрания "идеологическим срывом". Причем было заявлено, что это письмо

получило сочувственный резонанс среди работников "аппарата" и было доведено до сведения одного из членов Политбюро ЦК КПСС, который приказал "тщательно разобраться" в этом деле. Это разбирательство привело пока к тому, что деятельность группы по изданию Собрания неуклонно парализуется и сотрудники от непосредственной работы переходят к отстаиванию самого принципа "академического" издания.

Отрицательное отношение к изданию "полного" Достоевского не скрывает Ленинградский обком КПСС (собрание готовится в Ленинградском институте и печатается в Ленинграде), обеспокоенный "нездоровым бумом" вокруг имени Достоевского в советском обществе. В этой связи склоняют книгу ленинградского ученого Б.Бурсова "Личность Достоевского"; сам автор никакого отношения к данному изданию не имеет. На подобной же позиции стоит и директор ленинградского отделения издательства "Наука", где печатается собрание, — родной брат министра по делам печати Б. Стукалина, имеющий в силу этого большой вес и известную самостоятельность.

2. Факты, приведенные выше, собственно, не проникают на страницы печати. Но симптоматично, что в газетах ("Советская культура", "Книжное обозрение" и пр.) усилилась критика некоторых собраний сочинений — и в первую очередь Собрания сочинений Достоевского — со стороны "простых читателей". Этот, как всегда, инспирированный "глас народа" протестует против публикации набросков, черновиков — против всей "нехудожественной" части наследия классиков в многотиражных изданиях; протест вызывают и обстоятельные комментарии, необходимые в академических изданиях. Последний пример — письмо читателя И.Галкина в газете "Книжное обозрение" с резкими нападками на т. XII Собрания Достоевского, в котором помещены варианты "Бесов" и первый подлинно научный комментарий к этому произведению. Мнения читателей разделяют и редакции соответствующих органов печати, что следует из их примечаний.

3. Трудно предположить, чтобы издание "полного" Достоевского единодушно отстаивала научная общественность: из-

вестно, что противником издания является член-корреспондент АН СССР Д. Благой (взявший на себя цензорские функции по отношению к аналогичному изданию А.П. Чехова). В числе недоброжелателей издания — председатель правления Союза писателей СССР К. Федин.

На сегодняшний день полной ясности в этом деле нет. Даже в институте, который занимается Собранием, никто не знает, какой информации верить. Однако неофициально сотрудники предупреждены о возможности прекращения издания на т. XVII — хотя многие следующие тома уже подготовлены. В данный момент ленинградское издательство "Наука" саботирует выпуск сборника литературоведческих исследований о Достоевском, подготовленных той же группой по изданию Собрания сочинений Достоевского.

Непреложным фактом является лишь одно: если издание действительно прекратится благодаря административному вмешательству, то будет подорвана научная база для дальнейших литературоведческих исследований — и не только в области творчества Достоевского. Не говоря уже о том, что русский читатель так и не получит полного представления о великом писателе.

Московский литературовед
Габриэль Суперфин

Ленинградский писатель
Михаил Хейфец